

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Бобровский Роман Олегович

**Изменение роли иностранных промышленных
компаний в экономике регионов России**

Специальность 1.6.13 – Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
кандидат географических наук,
доцент М.Д. Горячко

Москва – 2026

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические и прикладные исследования влияния иностранных компаний на социально-экономическое развитие регионов.....	10
1.1. Подходы к определению иностранных компаний и их ухода из экономики, степень изученности вопроса, место работы в системе существующих исследований	10
1.2. Подходы к исследованию экспансии и ухода иностранных компаний, их факторов и эффектов для социально-экономического развития стран и регионов.....	17
1.2.1. Теоретические модели экспансии и ухода иностранных компаний.....	17
1.2.2. Исследования факторов и эффектов экспансии и ухода иностранных компаний в странах мира	21
1.2.3. Исследования прямых иностранных инвестиций в регионах России	38
1.2.4. Исследования ухода иностранных компаний из России после 2022 г. ...	42
1.3. Подходы к исследованию регионального развития и его факторов	50
1.3.1. Теории регионального роста и развития	50
1.3.2. Исследования факторов регионального развития	53
1.3.3. Подходы к исследованию шокоустойчивости территорий и изменений в территориальных социально-экономических системах	56
1.3.4. Исследования современных факторов экономической динамики регионов России.....	60
Глава 2. Методика исследования и оценки роли ушедших иностранных компаний в экономике России, ее отраслей и регионов после 2022 г.	65
2.1. Общая схема методики исследования	65
2.2. Косвенные оценки ухода иностранных компаний.....	72
2.3. Непосредственные оценки масштаба и роли ушедших и ограничивших деятельность иностранных компаний в отраслях и регионах России	81
2.3.1. Роль иностранных компаний в экономике и промышленности России	81
2.3.2. Роль иностранных компаний в отдельных отраслях экономики и промышленности России	90
2.3.3. Роль иностранных компаний в регионах России	100

Глава 3. Эффекты ухода иностранных промышленных компаний для экономики регионов и муниципальных образований России после 2022 г.....	122
3.1. Выбор показателей для оценки эффектов, классификация регионов по роли ушедших иностранных компаний и экономической динамике	122
3.2. Эффекты ухода иностранных промышленных компаний для экономики регионов России разных типов	131
3.2.1. Пространственные эффекты ухода иностранных компаний.....	132
3.2.2. Эконометрическое моделирование эффектов ухода иностранных компаний.....	134
3.3. Влияние изменения роли иностранных компаний на внутрирегиональном уровне	152
Заключение.....	168
Список литературы.....	175
Приложение А.....	191
Приложение Б	194
Приложение В.....	196
Приложение Г	198
Приложение Д.....	201

Введение

Актуальность темы исследования. Уход и сокращение деятельности иностранных компаний вместе с санкциями оказали значимое влияние на экономическую динамику в России после 2022 г. Уход иностранных компаний в таких масштабах и форме, как после 2022 г., относительно уникален и нетипичен для предшествующего этапа развития экономики России и мира.

Для периода 2022–2024 гг. характерны, с одной стороны, поступательный уход иностранных компаний, с другой – приспособление региональной экономики к этому процессу. Доля ушедших иностранных компаний в экономике России в целом невелика, но это не свидетельствует о низкой значимости проблемы. Во-первых, в отдельных регионах эта доля существенно выше среднероссийской. Во-вторых, уход и сокращение деятельности иностранных компаний в кратко- и среднесрочном периодах влияют на экономическую динамику, промышленное производство, занятость и зарплаты, цены и возможности потребления, в долгосрочном – на технологическое развитие, динамику связанных отраслей и предприятий.

В большинстве регионов России ключевое влияние на социально-экономическую ситуацию оказывают изменения, связанные именно с иностранными промышленными компаниями.

Степень разработанности темы исследования. Значимые работы по теме ухода иностранных компаний из России начали появляться только в 2022 г. Вопреки усиливающейся деглобализации мирового хозяйства, уход иностранных компаний из национальной экономики исследуется слабо, чаще всего вместе с другими факторами развития территорий, с помощью оценок масштабов и долей иностранных компаний в экономике, что не всегда говорит о степени воздействия явления на социально-экономическое развитие. Многие работы характеризуются субъективизмом, нерелевантными источниками информации и методами, учитывают заявления компаний, а не реальные ограничения деятельности, не рассматривают явление в региональной проекции.

В связи с этим необходимы разработка и апробация методики, позволяющей проанализировать реальные изменения роли иностранных компаний в экономике регионов и муниципалитетов России и определить место ухода и изменения

деятельности иностранных компаний как относительно новых явлений среди традиционных факторов регионального развития.

Объект исследования – регионы и муниципальные образования России, для которых отмечаются уход или сокращение деятельности иностранных промышленных компаний.

Предмет исследования – эффекты изменения роли¹ иностранных промышленных компаний в регионах и муниципальных образованиях России в 2022–2024 гг.²

Цель работы – определить масштабы, роль и эффекты ухода и изменения деятельности иностранных промышленных компаний в социально-экономическом развитии регионов и муниципальных образований России.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- 1) На основе существующих исследований определить основные эффекты ухода иностранных компаний, в том числе как фактора регионального развития;
- 2) Провести оценки масштабов и роли ушедших и изменивших деятельность иностранных компаний в экономике России и ее регионов и выбрать наиболее релевантные;
- 3) Составить типологии регионов на основе оцененных масштабов ухода иностранных компаний и его влияния на экономику, а также отраслевой специализации ушедших иностранных компаний;
- 4) Оценить эффекты ухода иностранных компаний для социально-экономического развития регионов России (через основные социально-экономические показатели);
- 5) Рассмотреть влияние ухода и изменения деятельности иностранных компаний на динамику социально-экономических показателей на муниципальном уровне в регионах-ключках.

Научная новизна работы заключается в разработке и применении комплексного методического подхода, позволившего провести и верифицировать оценки масштабов и роли иностранных компаний на основе составленной базы

¹ Под **ролью** иностранных компаний понимается их вклад в ВРП, занятость, выручку, инвестиции и иные характеристики экономики территорий. **Изменение роли** иностранных компаний отражается изменением их вклада в экономику территорий, с некоторыми допущениями может характеризоваться долями ушедших и сокративших деятельность иностранных компаний или масштабами этого сокращения.

² Объявленный уход большинства иностранных компаний был завершён в этот период.

данных и официальной статистики, выявить социально-экономические эффекты ухода и изменения деятельности иностранных компаний на региональном и локальном уровнях.

Особенностью авторских оценок масштабов и роли иностранных компаний является многоплановость – они проводятся как по косвенным показателям, так и с помощью непосредственного агрегирования информации по компаниям, с учетом как заявлений, так и реальных ограничений деятельности иностранных компаний. Оценки эффектов проведены с помощью регрессионного анализа, метода «разности разностей» на региональном уровне и сопоставлений динамики показателей компаний и территорий на локальном уровне. Проведенные оценки масштабов, роли и эффектов характеризуются взаимной верификацией и полимасштабностью.

Личный вклад автора заключается в обзоре и обобщении подходов к выявлению факторов и эффектов прямых иностранных инвестиций и ухода иностранных компаний, разработке и применении комплексной методики, основанной на формировании базы данных по более чем 4200 российским подразделениям иностранных компаний, а также оценках по ней масштабов и роли заявивших об уходе, ушедших и сокративших деятельность иностранных компаний в экономике регионов России, которые учитываются при определении эффектов для регионального развития.

Теоретическая и методологическая база исследования. В работе предпринята попытка совместного рассмотрения подходов к изучению прямых иностранных инвестиций как явления, противоположного уходу иностранных компаний, и направлений по исследованию регионального развития.

С точки зрения исследований прямых иностранных инвестиций и иностранных компаний, работа опирается на теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо, жизненного цикла Р. Вернона, эклектическую парадигму Дж. Даннинга; концепции ухода иностранных компаний Г. Бенито и Л. Уэлча и др.; исследования зарубежных авторов по факторам и эффектам прямых иностранных инвестиций и ухода иностранных компаний; работы отечественных экономико-географов и экономистов (А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой, И.Б. Гуркова и др.) по факторам распределения и эффектам иностранных инвестиций в экономике

регионов; современные отечественные и зарубежные оценки масштабов ухода иностранных компаний из России после 2022 г.

Среди основных подходов к изучению регионального развития учитываются неоклассические и кумулятивные теории регионального роста, в том числе концепции «полюсов роста» Ф. Перру и Ж.-Р. Будвиля, «центр-периферии» Дж. Фридмана, подходы новой экономической географии (П. Кругман, М. Фуджита), а также концепция шокоустойчивости территории (по Б.С. Жихаревичу и др.). Кроме того, исследование опирается на модели регионального развития О.М. Лугового и С.А. Дробышевского (ИЭП имени Е.Т. Гайдара), О.А. Демидовой (НИУ ВШЭ), А.Г. Гранберга и Е.А. Коломак (СОПС и ИЭОПП СО РАН), выявляющие его факторы; работы Н.В. Зубаревич, Д.Ю. Землянскогo, С.П. Земцова (МГУ имени М.В. Ломоносова и РАНХиГС) по влиянию санкций, ухода иностранных компаний и связанных с ними кризисов на экономику регионов России.

Методы исследования: сравнительно-географический, системный, экономико-статистический, типологический, картографический, кластерный и корреляционно-регрессионный анализ.

Информационная база исследования. В качестве основных источников информации выступили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики, Банка России, Федеральной налоговой службы, Федеральной таможенной службы по социально-экономическим показателям в разрезе видов экономической деятельности, регионов, муниципальных образований России, данные СПАРК-Интерфакс о бухгалтерской отчетности и структуре собственности юридических лиц, информация из открытых источников и данные иностранных компаний об ограничениях их деятельности в России, публикации федеральных, отраслевых и региональных СМИ.

Теоретическая значимость. Полученные оценки роли ушедших и ограничивших деятельность иностранных компаний уточнили и дополнили существующие представления о масштабах исследуемых явлений в России после 2022 г., особенно в региональном разрезе. Анализ эффектов данных процессов показал их различия на региональном и локальном уровнях, отличия от эффектов притока прямых иностранных инвестиций, различную шокоустойчивость

территорий, зависящую от размеров, диверсификации их экономики и положения в системе «центр-периферия».

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при реализации мер экономической, в том числе региональной, политики как в настоящее время, так и в будущем при возникновении подобных шоков в экономике.

Степень достоверности, апробация результатов работы и публикации. Результаты исследования докладывались и обсуждались на Международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024», секция «Экономика» (Москва, 2024 г.), «Ломоносов-2025», секция «География» (Москва, 2025 г.); XII научно-практической конференции с международным участием, посвященной К.И. Арсеньеву «Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития» (Петрозаводск, 2024 г.); XVI научной Ассамблее Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) (Псков, 2025 г.).

По теме диссертации автором опубликовано 9 научных работ (7 – индивидуальных и 2 – в соавторстве, общий объем – 8,76 усл. печ. л., совокупный авторский вклад – 89%), в том числе 3 научные статьи (объемом 3,37 усл. печ. л., совокупный авторский вклад – 67%) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география (географические науки).

Объем и структура работы. Содержание диссертации представлено в 3 главах, введении и заключении. Объем работы составляет 203 страницы, включая 43 рисунка, 21 таблицу и 5 приложений. Список литературы состоит из 174 источников (97 русскоязычных, 77 иностранных).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Эффекты ухода иностранных компаний преимущественно обратны эффектам притока прямых иностранных инвестиций, в том числе на региональном и локальном уровнях, где они отражаются в негативной экономической динамике производства, занятости, зарплат и иных параметров. В свою очередь, факторы ухода иностранных компаний не обратны факторам притока прямых иностранных

инвестиций и определяются, с одной стороны, естественным процессом развития компаний и изменениями их внутренних экономических характеристик, с другой, внешними экономическими, политическими и институциональными трансформациями.

2. Наиболее точные и полные оценки масштабов и долей иностранных компаний в экономике достигаются составлением перечня их российских подразделений, учитывающего реальные действия компаний по ограничению деятельности в России. Чистые эффекты ухода и изменения деятельности иностранных компаний на уровне регионов выявляются многомерным регрессионным анализом и его верификацией методом «разности разностей», на уровне муниципальных образований – сопоставлением динамики показателей компаний с динамикой соответствующих показателей территорий.

3. Отраслевые закономерности изменения роли иностранных компаний не всегда прямо проецируются на региональный уровень. Помимо специализации региона на наиболее пострадавших отраслях, сила воздействия дополняется особенностями поставок отдельных предприятий, часто ограниченных санкциями, но компенсируется размером, диверсификацией экономики региона и его положением в системе «центр-периферия».

4. На уровне регионов уход иностранных компаний влияет на показатели динамики ВРП и промышленного производства, однако воздействие на рынок труда не выявляется регрессионными моделями ввиду слабой реакции занятости, вызванной, в том числе, дефицитом трудовых ресурсов в исследуемом периоде. Динамика показателей регионов, помимо ухода иностранных компаний, определяется также санкциями, при этом фактор наличия преференциальных режимов ведения экономической деятельности оказывается незначимым.

5. На уровне муниципальных образований основное влияние ухода и сокращения деятельности иностранных компаний проявляется в сжатии рынка труда. Так же, как и на уровне регионов, их воздействие зависит от специализации на пострадавших отраслях и размеров, диверсификации экономики территорий. Влияние центр-периферийного фактора неоднозначно. Возможности переориентации занятости как формы адаптации экономики муниципальных образований затруднены.

Глава 1. Теоретические и прикладные исследования влияния иностранных компаний на социально-экономическое развитие регионов

1.1. Подходы к определению иностранных компаний и их ухода из экономики, степень изученности вопроса, место работы в системе существующих исследований³

Перед анализом степени изученности темы следует рассмотреть существующие определения иностранных компаний и их ухода, которые используются в работе.

Определение иностранных компаний. Понятие иностранных компаний вполне четко закреплено в российском законодательстве и именно в таком варианте оно часто используется в научных исследованиях, поэтому, в первую очередь, следует обратиться к нему.

Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации (п. 2 ст. 11), иностранные организации определены как «иностранное юридическое лицо, компания и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, международные организации, их филиалы и представительства, созданные на территории Российской Федерации»⁴.

Узость такого определения состоит в том, что иностранные юридические лица могут создавать на территории страны присутствия не только филиалы и представительства, но и дочерние организации и иные подразделения, которыми они владеют или которые контролируют, зачастую играющие большую экономическую роль.

Для определения понятий дочерних организаций и подразделений иностранных компаний необходимо обратиться к определениям прямых и портфельных иностранных инвестиций.

³ При работе над данным разделом диссертации использована публикация автора: Бобровский Р.О. Оценка вклада уходящих и ушедших иностранных компаний в отраслях и регионах России // Федерализм. – 2024. – Т. 29. – №. 2. – С. 153–171.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/0b14e6fceb7613ee7846b850f1402cc4565d09c/ (дата обращения: 01.06.2025).

Согласно методике Росстата⁵, иностранные инвестиции – приобретения в полную или частичную собственность предприятий и организаций, покупка акций, прочих ценных бумаг, взносы в уставный (складочный) капитал совместных предприятий, кредиты юридическим лицам, а также банковские вклады и приобретение недвижимости.

При этом прямые инвестиции – инвестиции, сделанные юридическими или физическими лицами, полностью владеющими организацией или контролирующими не менее 10% акций или уставного (складочного) капитала организации. Портфельные инвестиции – покупка акций, паев, облигаций, векселей и других долговых ценных бумаг, составляющие менее 10% в уставном (складочном) капитале организации.

Такой же подход к определению прямых иностранных инвестиций существует и в международной практике. Так, согласно ОЭСР⁶, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – форма международного трансграничного инвестирования, при которой инвестор одной страны приобретает как минимум 10% долю предприятия другой страны.

По сравнению с портфельными инвестициями, при прямых ставится цель влиять на бизнес различными способами, в том числе используя право голоса, например, при выборе поставщиков. При осуществлении прямых инвестиций ожидаемая отдача от инвестированного капитала может быть выше.

Таким образом, в данном исследовании рассматриваются два типа субъектов – собственно иностранные компании как иностранные юридические лица и российские подразделения иностранных компаний – российские юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых соответствующая иностранная компания владеет не менее 10% капитала, а также филиалы и представительства соответствующей иностранной компании. Количественный анализ проводится именно по российским подразделениям иностранных компаний.

Определение ухода иностранных компаний. Несмотря на то, что понятие ПИИ, характеризующее экспансию и интернационализацию иностранных компаний, закреплено в законодательстве, уход иностранных компаний не

⁵ Иностранные инвестиции в Российскую Федерацию. Основные понятия [Электронный ресурс]. – URL: [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/invest/met_inv1.htm#:~:text=\(дата обращения: 18.02.2024\).](https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/invest/met_inv1.htm#:~:text=(дата%20обращения%3A%2018.02.2024).)

⁶ Foreign direct investment (FDI) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/foreign-direct-investment-fdi/indicator-group/english_9a523b18-en (дата обращения: 18.02.2024).

определен в международных и отечественных законодательствах и статистических рекомендациях (понятие оттока ПИИ не совсем соответствует явлению ухода компаний). В связи с этим, для поиска определения необходимо обратиться, в первую очередь, к научным исследованиям.

Исследователи определяют несколько терминов, характеризующих уход компаний с зарубежных рынков. При этом они часто выстроены в какой-либо временной градиент, например, стадии интернационализации.

Г. Бенито и Л. Уэлч [Benito, Welch, 1997] рассматривают уход (withdrawal) компаний как частную ситуацию деинтернационализации (de-internationalization).

При этом деинтернационализацию они определяют как любое добровольное или насильственное действие, которое сокращает участие или контакты (представленность или вовлеченность) компании в трансграничной деятельности [Benito, Welch, 1997]. Уход (withdrawal) – это сокращение любой деятельности в стране – от приостановки до полной ликвидации подразделения [Benito, 1997].

Также Г. Бенито предлагает термин деинвестирование (divestment), означающий закрытие или продажу бизнес-единиц в зарубежных локациях или, наоборот, бизнес-единиц, которыми владеют иностранные фирмы [Benito, 2005].

Примерно схожие определения деинвестирования приводят Дж. Боддевин и Р. Торнеден [Boddewyn, Torneden, 1973] – как сокращение работающих активов или активного менеджмента в зарубежных подразделениях (при этом основным свойством деинвестирования являются частичные продажи или ликвидации), и Дж. Сачдев [Sachdev, 1976] – как сокращение доли владения в активных ПИИ на добровольной (продажа, частичная продажа, ликвидация, специализация) или принудительной (национализация, экспроприация или конфискация).

Таким образом, рассматриваемое в рамках исследования явление может описываться как более узким термином деинвестирование (divestment), так и более широким термином уход (withdrawal) в значении именно закрытия, приостановки деятельности подразделений. При этом термин деинтернационализация (de-internationalization) является слишком широким.

Степень изученности вопроса

В последние десятилетия, после активного протекания стадии глобализации, мировая экономика сталкивается с обратным процессом деглобализации и регионализации [Goldberg, Reed, 2022].

В то же время, явление ухода иностранных компаний, по сравнению с явлением прихода компаний и прямого иностранного инвестирования, малоизучено, в том числе потому, что оно само по себе более редкое, уникальное⁷ и, к тому же, негативное [Benito, Welch, 1997; Andersson, Wallhunt, 2011]. Кроме того, проблема исследований ухода зарубежных компаний состоит в недостатке статистических данных.

Исследования деинтернационализации и ухода компаний, согласно Г. Бенито и Л. Уэлчу [Benito, Welch, 1997] появились после 1990-х, когда крупные транснациональные корпорации начали сокращать международную деятельность.

Тем не менее, согласно Ю. Ито и Ю. Конно [Itoh, Konno, 2020], с 1980-х гг. существуют исследования, рассматривающие слияния и поглощения и уход с точки зрения диверсификационных стратегий компаний [Hoskisson et al., 1994; Haynes et al., 2000].

Как было сказано ранее, явление ухода иностранных компаний в определенной степени является обратным процессом иностранного инвестирования, которое относительно хорошо изучено. С этой точки зрения факторы и эффекты прямого иностранного инвестирования с некоторой долей условности могут быть перенесены с обратным знаком на явление ухода иностранных компаний.

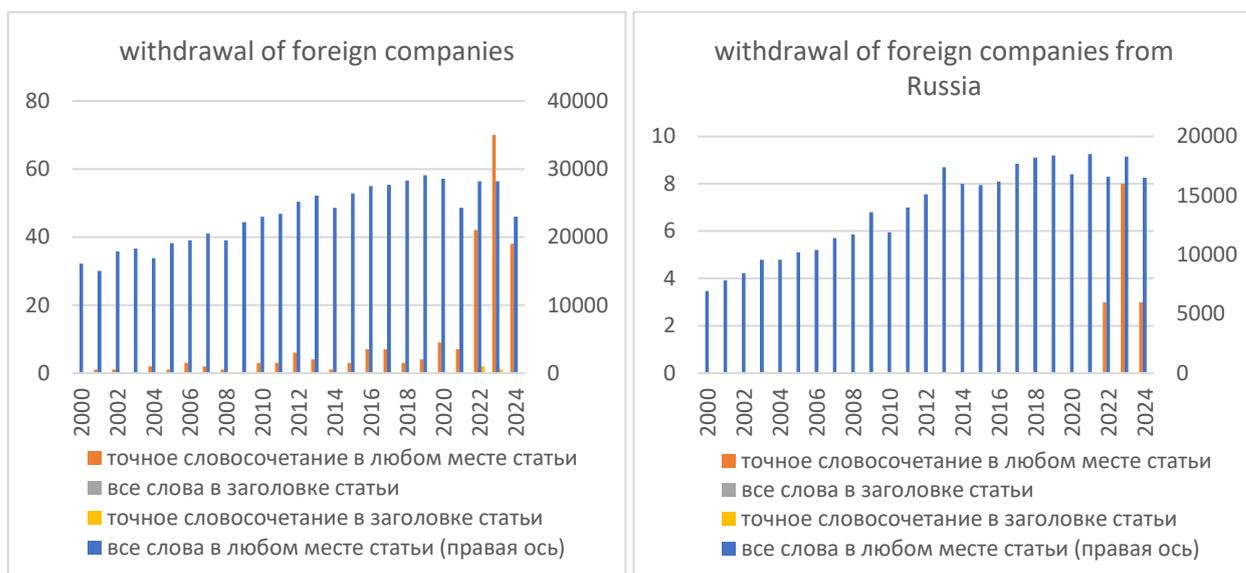
Количественные оценки степени изученности вопроса отчасти позволяет сделать статистика о количестве публикаций в наукометрической системе Google Scholar.

На Рисунках 1–4 представлена динамика количества публикаций, в заголовках и тексте которых присутствуют формулировки «withdrawal of foreign companies» (уход иностранных компаний), «withdrawal of foreign companies from

⁷ Имеется в виду уникальность для современного этапа развития мировой экономики. Если рассмотреть более значительный исторический период, подобная ситуация была характерна для раннего СССР в начале 1920-х гг. (до возникновения НЭПа), когда большинство иностранных предприятий было национализировано. В более поздние периоды уход иностранных компаний (или иные ограничения с их стороны) были характерны для таких стран, как Иран и Китай. На современном этапе в России отток ПИИ наблюдался еще с 2014 г., но был не таким значительным, как после 2022 г.

Russia» (уход иностранных компаний из России), «foreign direct investment» (прямые иностранные инвестиции), «foreign direct investment in Russia» (прямые иностранные инвестиции в России) (все слова и точное словосочетание).

Что касается ухода иностранных компаний (withdrawal of foreign companies) (Рисунки 1 и 2), то наблюдается постоянный рост количества публикаций, в которых встречаются данные слова, но в 2022–2024 гг. происходит рост именно точного словосочетания «withdrawal of foreign companies» в тексте публикаций. Кроме того, появляются публикации, где слова и точное словосочетание появляются в заголовке публикаций.

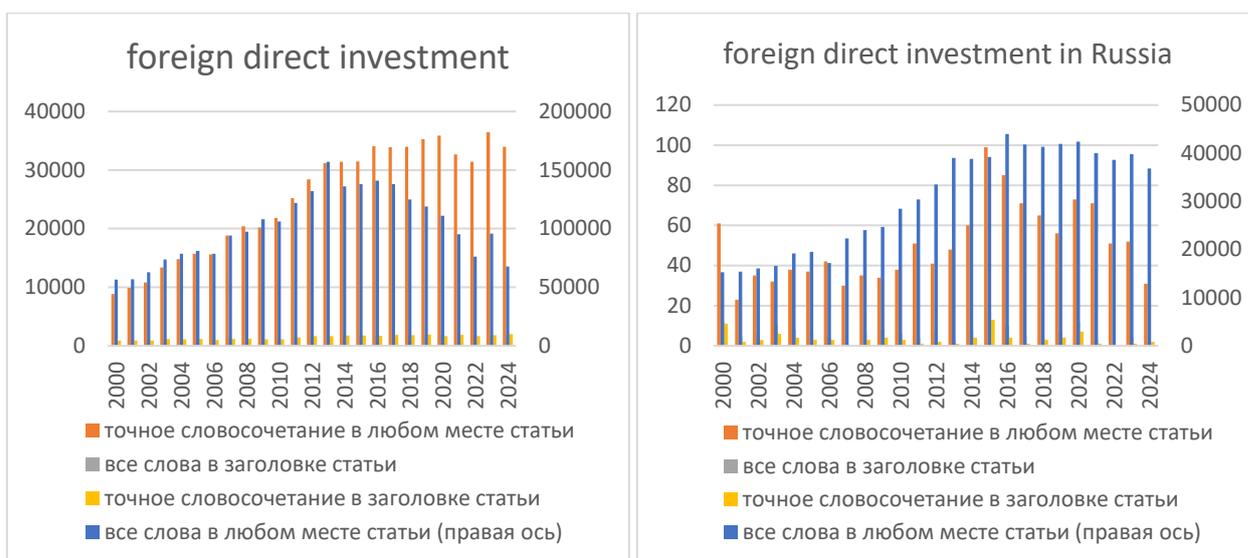

Рисунки 1 и 2. Количество публикаций с упоминанием слов и точных словосочетаний «withdrawal of foreign companies», «withdrawal of foreign companies from Russia» в тексте и заголовках

Источник: составлено автором по данным Google Scholar.

По прямым иностранным инвестициям (foreign direct investment) (Рисунки 3 и 4) до 2014 г. наблюдается рост числа публикаций, в тексте которых встречаются данные слова и точные словосочетания, а после 2014 г. – снижение.

Таким образом, тема ухода иностранных компаний относительно малоизучена и приобретает популярность в основном только с 2022 г. В свою очередь, тема прямых иностранных инвестиций (обратного процесса по отношению к уходу иностранных компаний) сокращает свою популярность, но исследования по ней могут быть использованы для объяснения ухода иностранных компаний.

Рисунки 3 и 4. Количество публикаций с упоминанием слов и точных словосочетаний «foreign direct investment», «foreign direct investment in Russia» в тексте и заголовках

Источник: составлено автором по данным Google Scholar.

Место работы в системе существующих исследований

Поскольку целью работы является оценка изменения роли иностранных компаний в экономике регионов и определение эффектов ухода, теоретико-методологическое окружение работы возможно отобразить следующей схемой (Рисунок 5). Направления исследования, отраженные на ней, далее подробно рассматриваются в Главе 1.

Существующие теории и концепции ухода иностранных компаний связаны с теориями прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (в частности, концепцией жизненного цикла, моделями экспансии и интернационализации компаний и т.д.) и в некоторой степени продолжают их.

С точки зрения исследований факторов и эффектов ухода иностранных компаний, их также возможно сопоставлять с факторами и эффектами ПИИ. Если факторы притока ПИИ и ухода иностранных компаний различаются и в основном не обратны друг другу, то большинство эффектов ухода иностранных компаний преимущественно обратны эффектам притока ПИИ.

Эффекты ухода иностранных компаний логично исследовать также и с другой стороны – с точки зрения теорий регионального развития и работ, выявляющих многочисленные факторы регионального роста и развития. Тем более при выявлении влияния ухода иностранных компаний на региональное развитие

важно учитывать влияние и иных факторов, рассматриваемых в такого рода исследованиях.

Кроме того, уход и изменение деятельности иностранных компаний могут рассматриваться как шоки для экономики регионов и муниципальных образований, приводящие к определенным изменениям в ней, поэтому их влияние важно рассматривать с точки зрения концепции шокоустойчивости или жизнестойкости территорий.

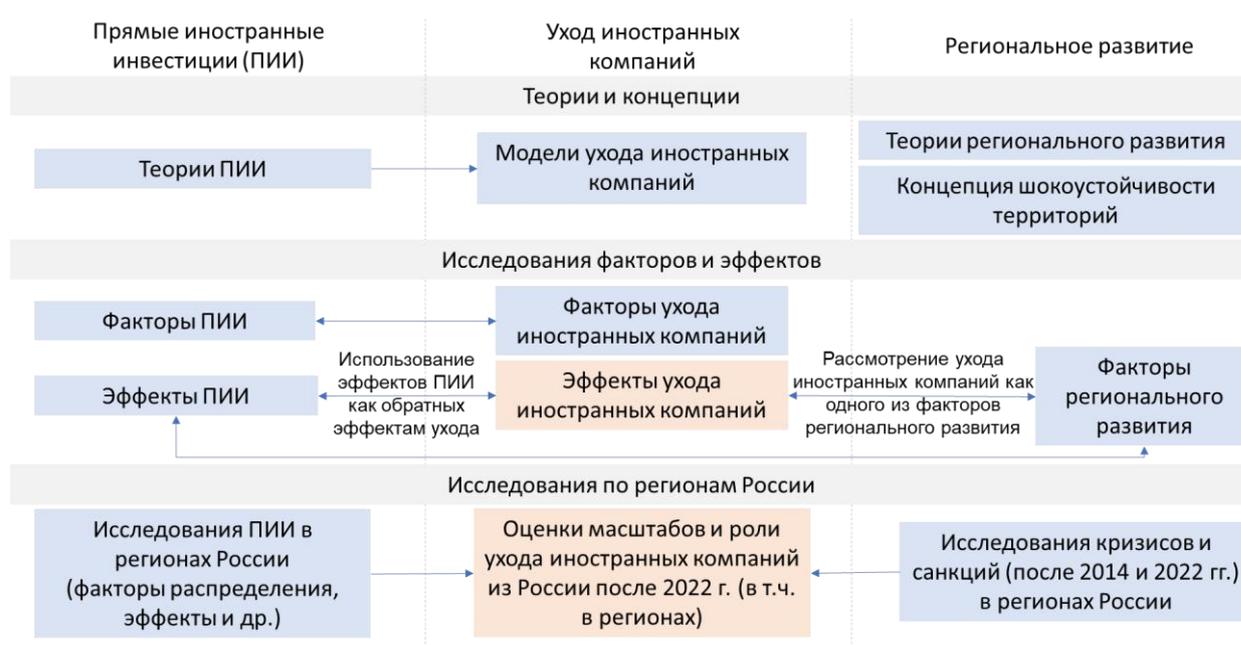

Рисунок 5. Теоретико-методологическое окружение исследований по оценкам роли и эффектов ухода иностранных компаний

Источник: составлено автором.

В прикладном отношении тема ухода иностранных компаний из России частично развита с позиций оценок масштабов данного явления, при этом в региональном отношении эти оценки проводятся редко. Поэтому с этой точки зрения, с одной стороны, могут быть полезны исследования распределения ПИИ по регионам России и их эффекты, с другой стороны – работы, рассматривающие влияние кризисов, вызванных санкциями (смежный с уходом иностранных компаний фактор), и иных факторов на региональное развитие.

1.2. Подходы к исследованию экспансии и ухода иностранных компаний, их факторов и эффектов для социально-экономического развития стран и регионов

1.2.1. Теоретические модели экспансии и ухода иностранных компаний

Теории прямых иностранных инвестиций

Рассмотрение явления ухода иностранных компаний в значительной мере основывается на исследованиях обратного процесса – теориях иностранных инвестиций, являющихся более многочисленными, масштабными и проработанными. Среди них следует осветить ключевые.

Теория свободной торговли Д. Рикардо, также известная как теория относительных преимуществ (1817 г.) [Ricardo, 1817] утверждает, что если страны специализируются на тех товарах, которые они могут производить с относительно более низкими издержками, то международная торговля будет для них выгодна. В ходе специализации и обмена импортирующая страна увеличивает количество товаров и сокращает денежные запасы, экспортирующая – снижает количество товаров и увеличивает денежные запасы. В импортирующей стране происходит снижение цен, в экспортирующей – их рост. Соответственно, импортирующая страна получает больше возможностей для притока ПИИ (действуют притягивающие факторы), а экспортирующая – для оттока (действуют отталкивающие факторы).

Теорема Э. Хекшера – Б. Олина, базирующаяся на теории относительных преимуществ Д. Рикардо, постулирует, что, обладая избыточными или дефицитными факторами производства, страны могут не только экспортировать или импортировать товары, но и экспортировать и импортировать сами факторы производства, то есть, экспорт товара может быть замещен перемещением капитала.

Теория жизненного цикла продукта Р. Вернона [Vernon, 1966] также в значительной степени объясняет закономерности ПИИ. Модель рассматривает стадии, которые проходит продукт по мере своего развития: внедрение, рост, зрелость, упадок. Сначала он уникален и производится в стране выхода (как правило, развитой), где ключевую роль играют НИОКР, высококвалифицированный персонал, специализированный спрос. Затем товар

становится массовым и стандартизированным и производится в развивающихся странах благодаря дешевым трудовым ресурсам. Данная теория характеризует процесс перетока ПИИ из развитых стран в развивающиеся.

Переходя собственно к теориям ПИИ, важно сказать, что их возможно разделить на микроэкономические и макроэкономические [Makoni, 2015].

Микроэкономические теории рассматривают ПИИ именно с точки зрения компании. Берутся во внимание такие ее специфические характеристики, как рыночное положение, технологическое развитие, продуктовая дифференциация, положение в жизненном цикле продукта, размер компании. Они рассматриваются в контексте того, как ПИИ могут увеличить или создать преимущество инвестора или МНК над фирмами на внутреннем рынке.

Эклектическая парадигма Дж. Даннинга является одной из основных микроэкономических теорий ПИИ. Она утверждает, что для осуществления ПИИ необходимо одновременное выполнение трех условий [Dunning, 1980, 2001]: преимущества владения (иностранная компания должна обладать конкурентными преимуществами по сравнению с местными компаниями, например, усовершенствованными технологиями и др.), местоположения (страна или регион, куда инвестирует иностранная компания должны обладать такими параметрами факторов производства, которые делают это инвестирование выгодным, например, низкой стоимостью трудовых ресурсов, низкими торговыми барьерами или транспортными издержками) и интернационализации (иностранные инвестиции должны быть выгоднее, чем использование факторов производства из-за границы).

В **макроэкономических теориях** рассматриваются, в первую очередь, факторы стран входа инвестиций, такие как уровень социально-экономического развития, размер рынка, развитость инфраструктуры и технологий, политическая стабильность, законодательство, в том числе налоговое, социальные и экологические факторы и др.

Теория рынка капитала показывает, что из-за разницы валютных курсов между странами выхода и входа инвестиций, за рубежом компании могут нанимать большее количество трудовых ресурсов, неся те же издержки, либо такое же количество трудовых ресурсов, но с меньшими издержками [De Angelis, Harvie,

2008]. Поэтому менее развитые страны более привлекательны, поскольку могут предложить большие ставки рыночной капитализации.

Теория институциональной приспособленности к ПИИ объясняет почему потоки ПИИ не распределяются пропорционально ресурсам в целевых странах. Приспособленность (fitness) характеризует возможность страны или региона адаптироваться или изменяться в соответствии с ожиданиями инвестора [Wilhelms, Witter, 1998] и может быть повышена за счет политических решений (свободная торговля и послабления в регулировании), изменений рынков (увеличение запасов физического и финансового капитала), образования (повышение человеческого капитала и производительности труда) и социокультурных факторов.

Подход местоположения в теориях ПИИ объединяет направления анализа, когда рассматривается стратегическое решение фирмы осуществлять ПИИ или нет в зависимости от географических характеристик локации прихода ПИИ: ресурсов, инфраструктуры, развитости местного рынка, эффективности экономики, политики государства. Данный подход лежит на стыке микроэкономических и макроэкономических теорий.

В целом, в исследованиях ПИИ уже на теоретическом уровне значимая роль уделяется именно факторам ПИИ, их эффекты для развития стран и регионов рассматриваются в меньшей степени.

Концепции и модели деинтернационализации и ухода компаний

Если в случае с ПИИ существует множество теорий и подходов, то в случае с уходом иностранных компаний можно выделить лишь несколько концептуальных моделей этого процесса среди большого количества эмпирических исследований.

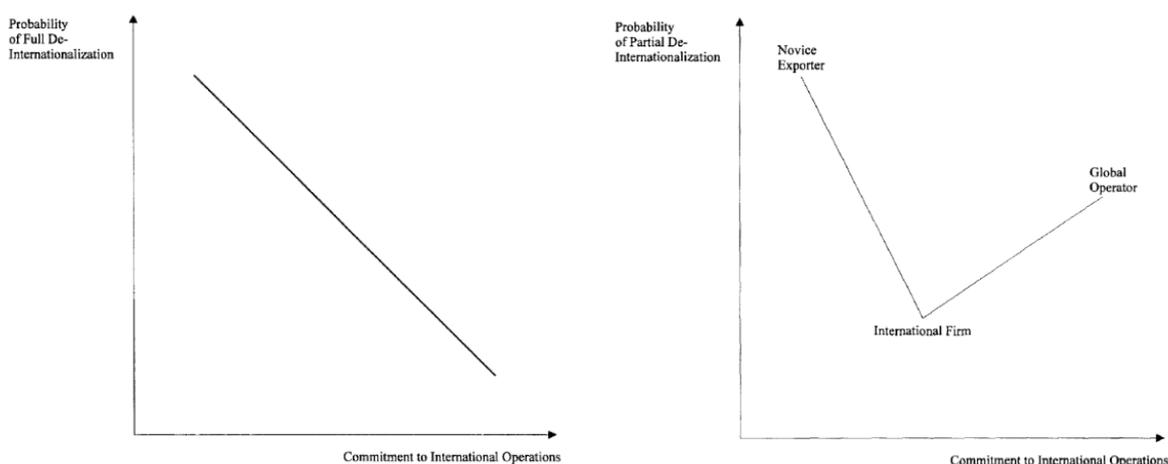
Одной из таких моделей является **концепция жизненного цикла компании** (построенная по аналогии с концепцией жизненного цикла продукта Р. Вернона), развитая с точки зрения интернационализации ее деятельности в исследовании Г. Бенито и Л. Уэлча [Benito, Welch, 1997]. Согласно ей, фирма в процессе интернационализации проходит три стадии: новейший экспортер – международная фирма – глобальный оператор.

При этом ключевой переменной в процессе интернационализации, отражающей аллокацию ресурсов за рубежом, являются обязательства (commitment) [Pauwels, Matthyssens, 1999]. Их увеличение, по мере превращения

компания из нового экспортера в международную фирму, снижает вероятность ее полного ухода с зарубежных рынков (Рисунок 6), то есть, обязательства выступают в роли барьеров ухода.

Тем не менее, по ряду причин (например, из-за необходимости отторжения низкопроизводительных или непрофильных активов) компания вынуждена покидать зарубежные рынки. Будучи международной фирмой, в условиях выросших обязательств, она прибегает к частичной деинтернационализации (Рисунок 7), превращаясь в глобального оператора, который больше приспособлен к постоянному перемещению производства с минимальным разрывом операций и извлечением выгод из каждой локации.

То есть, полная деинтернационализация компаний на ранних стадиях возможна по большому количеству причин, на поздних – маловероятна, хотя и может иметь место при кардинальных изменениях рынков или действиях правительств [Benito, Welch, 1997], но чаще принимает форму частичной.

Рисунки 6 и 7. Зависимость полной и частичной деинтернационализации от степени обязательств иностранной компании на международных рынках
Источник: [Benito, Welch, 1997].

Также на принципах жизненного цикла в работе [Andersson, Wallhunt, 2011] выделяются **стадии интернационализации**: *пре-интернационализация*, когда складываются факторы экспансии и формируется готовность фирмы к ней, *интернационализация*, характеризующаяся осуществлением экспансии и ростом соответствующих обязательств, *деинтернационализация*, предваряющаяся принятием решения о ней.

Ю. Ито и Ю. Конно [Itoh, Konno, 2020] рассматривают интернационализацию компаний как один из способов реализации

диверсификационных стратегий, ориентированных на получение выгоды, сокращение рисков.

При рассмотрении процессов интернационализации и деинтернационализации выделяются их **режимы** или **формы**.

Так, в исследованиях [Andersson, Wallhult, 2011; Hill, 2014] выделяются следующие **режимы интернационализации** (по мере увеличения степени обязательств): 1) экспортирование; 2) франчайзинг и лицензирование; 3) стратегические альянсы; 4) слияния и поглощения; 4) гринфилд-инвестирование. Помимо обязательств, каждая из них характеризуется различными степенями и видами риска, контроля ресурсов и рынков, уровнем инвестиционных затрат.

В работе Г. Бенито и Л. Уэлча [Benito, Welch, 1997] выделяются следующие **формы деинтернационализации**: 1) сокращение операций; 2) переключение на операционные режимы; 3) сокращение долей владения в иностранных активах; 4) продажа и закрытие зарубежных подразделений; 5) захват местными властями активов иностранных компаний. Дж. Боддевин [Boddewyn, 1983] выделяет схожие формы деинтернационализации: добровольные и принудительные продажи, ликвидацию, экспроприацию и национализацию.

Если рассматривать не деинтернационализацию в целом, а только уход, то Ж. Уонг [Wang, 2022], на основе того, что иностранное инвестирование проявляется в основном в виде 1) гринфилд-инвестирования и 2) слияний и поглощений, рассматривает **два режима ухода**: 1) закрытие, 2) деинвестирование.

В теориях и концепциях, касающихся как ПИИ, так и ухода иностранных компаний, основное внимание уделяется преимущественно причинам (факторам) этих процессов, его особенностям и формам. Следствия (эффекты) данных процессов, особенно в контексте регионального развития, освещаются в меньшей степени.

1.2.2. Исследования факторов и эффектов экспансии и ухода иностранных компаний в странах мира

Приток ПИИ и уход иностранных компаний – схожие, хотя и разнонаправленные явления. Их следует рассматривать вместе, в том числе потому, что понимание факторов (причин) и эффектов (следствий) ПИИ необходимо для

понимания факторов и эффектов ухода иностранных компаний [Neuhaus 2006; Honer, Dick, 2022].

Совместное рассмотрение факторов и эффектов также необходимо потому, что в исследуемых процессах, согласно некоторым работам, существует эндогенность, то есть, невозможность однозначного определения направлений причинно-следственных связей (например, когда приток ПИИ стимулирует экономический рост, который определяет приток ПИИ).

Исследования факторов экспансии и ухода иностранных компаний

Для начала обратимся к исследованиям факторов (причин), которые являются более многочисленными, чем исследования эффектов (следствий).

Наиболее удачной классификацией факторов прихода и ухода иностранных компаний является их разделение на 1) факторы на уровне компании, 2) факторы на уровне отрасли, 3) факторы на уровне региона, предложенное в работе [Wang, 2022]. Первую группу также называют внутренними стимулами, а вторую и третью – внешними [Andersson, Wallhunt, 2011]. Кроме того, возможно разделение факторов ухода компаний разделяются на стимулы и барьеры [Siegfried, Evans, 1994].

Свод факторов прихода и ухода иностранных компаний приведен в Таблице 1.

Таблица 1. Факторы (причины) притока / оттока ПИИ и прихода / ухода иностранных компаний (по эмпирическим исследованиям)

Фактор (причина)	Для притока ПИИ и экспансии иностранных компаний	Для оттока ПИИ и ухода иностранных компаний
Факторы на уровне компании		
Операционная эффективность, финансовая производительность, прибыль, издержки (-)	[Andersson, Wallhunt, 2011] (+) [Benito, 2005] (+) [Itoh, Konno, 2020] (+)	[Benito, Welch, 1997] (-) [Andersson, Wallhunt, 2011] (-) [Wang, 2022] (-) [Siegfried, Evans 1994] (-) [Berry, 2010] (+) [Itoh, Konno, 2020] (-)
Размер компании		[Wang, 2022] (-; - для закрытия, + для деинвестирования) [Mitchell, 1994] (-) [Chen, Wu, 1996] (-)
Возраст компании		[Wang, 2022] (- / нелин.) [Berry, 2013] (-) [Chen, Wu, 1996] (-)
Структура собственности компании		[Mata, Portugal, 2000] (- для полного иностр. владения) [Wang, 2022] (+ для полного иностр. владения)

Близость и связанность подразделений; простота контроля зарубежной деятельности		[Pattnaik, Lee, 2014] (-) [Benito, 1997] (-) [Benito, Welch, 1997] (-)
Наличие специфических активов, связанной продукции, договорных обязательств		[Benito, 2005] (-) [Siegfried, Evans, 1994] (-) [Andersson, Wallhunt, 2011] (-)
Изменение менеджмента компании, изменение стратегии компании в отношении активов	[Benito, Welch, 1997] (кач.)	[Andersson, Wallhunt, 2011] (кач.) [Benito, Welch, 1997] (кач.)
Факторы на уровне отрасли и рынка		
Зрелость зарубежного рынка: увеличение конкуренции; сокращение спроса и продаж	[Benito, 2005] (-) [Siegfried, Evans, 1994] (-)	[Andersson, Wallhunt, 2011] (+) [Benito, 2005] (+) [Siegfried, Evans, 1994] (+)
Неопределенность и волатильность рынка и цен	[Benito, 2005] (-) [Cuervo-Cazurra et al., 2007] (-)	[Itoh, Konno, 2020] (+)
Насыщенность внутреннего рынка	[Andersson, Wallhunt, 2011] (+)	
Степень входа отрасли (доля недавно вошедших фирм)		[Mata, Portugal, 2002] (+) [Siegfried, Evans, 1994] (+) [Wang, 2022] (-)
Темпы роста отрасли (масштаба и концентрации отрасли)	[Siegfried, Evans, 1994] (+)	[Wang, 2022] (-) [Mitchell et al., 1994] (+)
Региональные и страновые факторы		
Размер потребительского рынка в регионе	[Bortoluzzo et al., 2013] (+)	
Издержки на рабочую силу в регионе или стране	[Bortoluzzo et al., 2013] (-)	[Belderbos, Zou, 2006] (+) [Berry, 2013] (+) [Fisch, Zschoche, 2012] (+) [Wang, 2022] (+) [Chen, Wu, 1996] (-)
Качество трудовых ресурсов в регионе	[Bortoluzzo et al., 2013] (+)	
Уровень развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры и удобство транспортировки и связи	[Bortoluzzo et al., 2013] (+) [Cuervo-Cazurra et al., 2007] (+)	
Культурные особенности принимающей страны	[Cuervo-Cazurra et al., 2007] (кач.)	
Развитые бизнес-окружение и иные институциональные условия		[Wang, 2022] (-) [Maunganidze, 2022] (-) [Dai et al., 2013] (-)
Возможность трансфера ресурсов за границу	[Andersson, Wallhunt, 2011] (+) [Cuervo-Cazurra et al., 2007] (+)	[Andersson, Wallhunt, 2011] (-) [Cuervo-Cazurra et al., 2007] (-)
Экономическая нестабильность / макроэкономические проблемы (инфляция, безработица, валютный курс и др.)	[Echandi et al., 2015] (-) [Honer, Dick, 2022] (+ при ослаблении национальной валюты)	[Maunganidze, 2022] (+)
Неблагоприятные политические события	[Echandi et al., 2015] (-) [Honer, Dick, 2022] (-)	[Andersson, Wallhunt, 2011] (+) [Soule et al., 2014] (+)

		[Maunganidze, 2022] (+) [Itoh, Konno, 2020] (+) [Dai et al., 2013] (+)
Ограничения трудового и иного законодательства	[Honer, Dick, 2022] (-)	[Siegfried, Evans, 1994] (-)
Локальный протекционизм (налоговые льготы, соглашения о свободной торговле и др.)	[Globerman, Shapiro, 1999] (+) [Echandi et al., 2015] (+) [Bortoluzzo et al., 2013] (+)	

Примечания:

+ - положительная зависимость,

- - отрицательная зависимость,

нелин. – нелинейная зависимость,

кач. – качественное влияние.

Источник: составлено автором на основе анализа литературы.

Среди факторов **на уровне компаний**, определяющих их приход или уход, основным является *прибыльность* иностранной компании и конкретного подразделения. Положительное влияние прибыли (которая отрицательно зависит от издержек) на экспансию и отрицательное ее влияние на уход доказывается в работах [Benito, Welch, 1997; Andersson, Wallhunt, 2011; Wang, 2022] и обзорной работе [Siegfried, Evans 1994]. При этом в исследованиях [Benito, Welch, 1997; Berry, 2010] говорится, что уход может осуществляться и при высокой прибыли в рамках реализации стратегий по оптимизации масштаба или сокращения издержек.

Также среди факторов на уровне компаний выделяются их размер, возраст, организационная форма и структура собственности. *Размер* иностранной компании (измеряемый по численности персонала, доходу, активам) согласно [Wang, 2022; Mitchell et al., 1994; Chen, Wu, 1996] отрицательно влияет на вероятность ухода компании в целом, при этом чем крупнее предприятие, тем более вероятно оно будет не закрыто полностью, а деинвестировано [Wang, 2022]. В работе [Haynes et al., 2000] влияние размера компании связывается с ее диверсификацией.

Влияние *возраста* компании на вероятность ухода имеет либо отрицательную [Wang, 2022; Berry, 2013; Chen, Wu, 1996], либо U-образную [Wang, 2022] зависимость, что объясняется концепцией жизненного цикла.

Влияние *структуры собственности* неоднозначно. Согласно [Mata, Portugal, 2000, 2002] полностью иностранные компании более вероятно будут деинвестированы, чем совместные предприятия, поскольку они менее прибыльны и устойчивы. В работе [Wang, 2022] доказывается обратное.

К факторам ухода на уровне компании, характеризующим ее международную деятельность, следует отнести международную *близость подразделений* [Pattnaik, Lee, 2014], их *связанность* [Benito, 1997], а также *степень контроля* деятельности за рубежом [Benito, Welch, 1997], отрицательно влияющие на вероятность ухода.

Среди барьеров ухода на уровне фирмы отмечаются также наличие *специфических активов и невозвратных издержек*, связанных с первоначальными инвестициями [Benito, 2005], *связанной продукции* [Siegfried, Evans 1994], *договорных обязательств* [Andersson, Wallhunt, 2011].

В целом, большинство факторов ухода компаний так же, как и ПИИ, на уровне фирмы могут быть сведены к таким качественным факторам, как *изменение менеджмента* компании и *изменение стратегии* компании в отношении активов [Benito, Welch, 1997; Andersson, Wallhunt, 2011].

Факторы ухода и экспансии иностранных компаний **на уровне отраслей и рынков**, стоит разделять на характеристики внутреннего и внешнего рынка. Основной характеристикой *внутреннего рынка*, способствующей решению компании об экспансии, выступает его *насыщенность* [Andersson, Wallhunt, 2011].

В роли факторов, препятствующих экспансии и способствующих уходу с *зарубежных рынков*, на которых работает компания, выступают его *зрелость*, проявляющаяся в увеличении конкуренции, сокращении спроса и продаж [Benito, 2005; Siegfried, Evans, 1994; Andersson, Wallhunt, 2011], высокая *волатильность* цен и общая *неопределенность* [Siegfried, Evans, 1994; Cuervo-Cazurra et al., 2007; Itoh, Konno, 2020].

Среди отраслевых факторов, влияющих на уход иностранных компаний отмечаются *степень входа отрасли* (как доля новых фирм в отрасли), влияние которой на уход может быть как положительным [Mata, Portugal, 2002; Siegfried, Evans, 1994], так и отрицательным [Wang, 2022], а также *темпы роста отрасли* (измеряемой в увеличении масштабов и концентрации), как правило, влияющие отрицательно [Wang, 2022], хотя иногда доказывается положительное влияние [Mitchell et al., 1994]. Согласно [Wang, 2022] степень входа отрасли значимо влияет на закрытие, темпы роста – на деинвестирование.

Факторы ухода **на уровне региона или страны** можно подразделить на условно неизменные и условно изменяемые. Сначала стоит рассмотреть условно-постоянные, практически не изменяемые в краткосрочном периоде.

Размер потребительского рынка, качество трудовых ресурсов, уровень развития транспортной инфраструктуры выделяются в исследовании [Bortoluzzo et al., 2013] как факторы, способствующие притоку ПИИ, а **издержки на оплату труда** – соответственно препятствующие. Также к факторам, препятствующим притоку ПИИ, в работе [Cuervo-Cazurra et al., 2007] отнесены **сложность транспортировки и некоторые культурные особенности** принимающей страны.

Влияние издержек на оплату труда на уход иностранных компаний в основном положительное [Belderbos, Zou, 2006; Fisch, Zschoche, 2012; Berry, 2013; Wang, 2022], но иногда доказывается и отрицательное влияние [Chen, Wu, 1996].

Фактор **возможности трансфера ресурсов за границу** положительно влияет на приток ПИИ и отрицательно на уход компаний [Andersson, Wallhunt, 2011; Cuervo-Cazurra et al., 2007]. Также обнаруживается отрицательное влияние на уход иностранных компаний такого фактора как благоприятные **бизнес-окружение** и в целом институциональная среда [Wang, 2022; Dai et al., 2013; Maunganidze, 2022].

К группе условно изменяемых факторов на уровне отраслей, которые быстро изменяются в краткосрочном периоде стоит отнести следующие.

Макроэкономические проблемы и нестабильность, выраженные в высокой инфляции и безработице, курсе национальной валюты, чаще выступают в роли барьеров экспансии [Echandi et al., 2015], и причиной ухода иностранных инвестиций из страны [Maunganidze, 2022].

Неблагоприятные для ведения бизнеса в целом **политические события** и действия правительств (причем как страны присутствия, так и страны выхода) выступают также как барьеры экспансии [Echandi et al., 2015; Honer, Dick, 2022] и стимулы ухода [Andersson, Wallhunt, 2011; Dai et al., 2013; Soule et al., 2014; Maunganidze, 2022; Itoh, Konno, 2020] иностранных компаний.

Изменения законодательства (в особенности трудового в части занятости, зарплат) чаще всего выступают барьером как экспансии [Honer, Dick, 2022], так и ухода [Siegfried, Evans, 1994].

Локальный *протекционизм*, проявляющийся в предоставлении правительством налоговых льгот и расширении возможностей свободной торговли, чаще определяется как фактор, положительно влияющий на приход иностранных компаний [Globerman, Shapiro, 1999; Echandi et al., 2015; Bortoluzzo et al., 2013].

В рассмотренных исследованиях наблюдается закономерность, что на экспансию международной компании влияют в первую очередь отраслевые, региональные и страновые факторы, а на уход и деинтернационализацию – факторы на всех уровнях, хотя чаще всего упоминаются именно факторы на уровне фирмы, причем в основном связанные с ее прибыльностью и эффективностью.

Уход иностранных компаний из России после 2022 г., исходя из их заявлений, а также различных исследований, определяется, с одной стороны, экономическими причинами и вполне естественными процессами, объясняемыми жизненным циклом компании, с другой – кардинальными политическими и институциональными изменениями, повлекшими за собой смену стратегий иностранных собственников и принятие ими решения об уходе.

Не совсем корректно отвергать и влияние других факторов ухода иностранных компаний, возникших в 2022 г., частично раскрывающих два основных, упомянутых выше, например, рост сложности транспортировки товаров через границу, ограничения внешней торговли, разрыв производственных цепочек и связей между подразделениями, в том числе связанных с санкционными ограничениями.

Помимо этого, многие из упомянутых выше факторов, наоборот, сказались на сохранении иностранных собственников и могут в дальнейшем повлиять на их возвращение. В частности, отсутствие масштабного ухода иностранных собственников во многих отраслях связано с высокой прибыльностью их деятельности, наличием ненасыщенных рынков, в случае с промышленностью – также значительным размером предприятий, относительно новыми, еще не окупившимися, основными фондами, приобретение которых несколькими годами ранее представляло крупные невозвратные издержки.

А.И. Леонов [Леонов, 2024], приходит к выводу, что среди мотивов ухода иностранных компаний из России после 2022 г. экономические занимают второстепенную роль, несмотря на то, что многие зарубежные теории и

исследования полагают, что уход компаний зависит, в первую очередь, от прибыльности и эффективности бизнеса компании в конкретной стране, доли рынка этой страны в деятельности компании. Согласно автору, в текущей ситуации более важную роль сыграли институциональные изменения, в частности, репутационное и политическое давление на иностранные компании в странах их происхождения, стремление компаний избежать рисков нарушения санкций (о чем также сказано в работе [Арапова, Балахонова, 2025]) и др.

И.Б. Гурков с соавторами [Гурков и др., 2023] также говорит о том, что ситуация в России после 2022 г. показала важную роль не только экономических (результативность деятельности российского подразделения, рыночная позиция, доля российского рынка в операциях компании, мобильность активов и др.), но и политических и институциональных факторов (политическая позиция домашней страны, репутационные риски для компании и др.) в выстраивании моделей поведения иностранных компаний на российском рынке. При этом авторы делают прогноз того, что в дальнейшем на решения иностранных компаний политические факторы будут влиять меньше, а экономические больше, при этом сами решения будут более медленными и обдуманными.

В некоторой степени, факторами, замедляющими процесс ухода иностранных компаний и выступающими его барьерами [Гурков и др., 2024] можно считать регуляторные меры, введенные в конце 2022 г., в частности, необходимость обязательного рассмотрения сделок по продаже российских подразделений иностранных компаний Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций⁸, скидку к стоимости предприятия и взнос в федеральный бюджет при продаже активов. С другой стороны, инструментом, позволяющим в некоторой степени сохранить деятельность предприятия в случае отказа иностранного собственника от него, может быть его передача во временное управление Росимущества (что было реализовано для некоторых предприятий Указами Президента РФ).

Несмотря на то, что поиск факторов не является непосредственной целью данного исследования, их рассмотрение важно с точки зрения корректной

⁸ Правительственная комиссия по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/department/560/events/> (дата обращения 01.09.2025).

трактовки закономерностей, связанных с уходом иностранных компаний и сокращением их деятельности в регионах и муниципальных образованиях.

Исследования эффектов экспансии и ухода иностранных компаний

Исследования эффектов (следствий) экспансии и ухода иностранных компаний менее многочисленны и разнообразны, чем исследования факторов (причин). В то же время, их рассмотрение более важно с точки зрения целей данной работы.

Среди таких работ (Таблица 2) существенно преобладают исследования эффектов притока ПИИ, нежели ухода иностранных компаний, что подтверждается в работе [Honer, Dick, 2022]. Тем не менее, во многих исследованиях, выявляющих эффекты притока ПИИ, подразумевается, что уход иностранных компаний создает обратные эффекты.

В отличие от факторов, возможность четко разделить эффекты по масштабным уровням отсутствует, поскольку большинство из них рассматривается применительно к страновой или региональной экономике в целом. Тем не менее, в отдельных случаях имеет смысл выделять кратко-, средне- и долгосрочные эффекты.

Таблица 2. Эффекты (следствия) притока / оттока ПИИ и прихода / ухода иностранных компаний (по эмпирическим исследованиям)

Эффект (следствие)	Притока ПИИ и экспансии иностранных компаний	Оттока ПИИ и ухода иностранных компаний
Экономический рост и экономическое развитие в целом, в том числе через:	[Echandi et al., 2015] (+) [Meyer, Sinani, 2009] (+ на отечеств. фирмы, в завис. от впитывающ. способности) [Joo et al., 2022] (+/0/- в завис. от впитывающ. способности) [Honer, Dick, 2022] (+) [Neuhaus, 2006] (+) [World Investment Report, 2020] (+/-)	[Benito, 1997] (-) [Honer, Dick, 2022] (-)
Накопление капитала	[Meyer, Sinani, 2009] (+, в завис. от впитывающ. способности) [Honer, Dick, 2022] (+) [Neuhaus, 2006] (+, физический и человеческий капитал)	
Увеличение производства	[Meyer, Sinani, 2009] (+ в развив. странах, +/- в странах с переходной экон. и развитых) [Honer, Dick, 2022] (+)	[Zhan et al., 2023] (-) [Javorcik, Poelhekke, 2017] (-)
Развитие внешней торговли (экспорт и импорт)	[Echandi et al., 2015] (+) [Meyer, Sinani, 2009] (+)	[Zhan et al., 2023] (-) [Javorcik, Poelhekke, 2017] (-)

Структурные трансформации экономики	[Neuhaus, 2006] (кач.)	
Увеличение занятости, создание новых рабочих мест, сокращение безработицы	[Echandi et al., 2015] (+) [Meyer, Sinani, 2009] (+ в развив. странах, +/- в странах с переходной экон. и развитых)	[Honer, Dick, 2022] (-) [Zhan et al., 2023] (-) [Javorcik, Poelhekke, 2017] (-)
Рост зарплат и доходов населения	[Echandi et al., 2015] (+) [Bedi, Cielek, 2002] (+) [Honer, Dick, 2022] (+)	[Honer, Dick, 2022] (-) [Javorcik, Poelhekke, 2017] (-)
Технологическое развитие и трансфер технологий, в частности ИКТ	[Saggi, 2002] (+) [Echandi et al., 2015] (+) [Neuhaus, 2006] (+) [Latif et al., 2018] (+) [Melane-Lavado et al., 2018] (+) [Girma et al., 2009] (+)	[Javorcik, Poelhekke, 2017] (-)
Развитие и трансфер управленческих и производственных знаний, навыков и компетенций; развитие человеческого капитала	[Echandi et al., 2015] (+) [Neuhaus, 2006] (+)	[Zhan et al., 2023] (-) [Javorcik, Poelhekke, 2017] (-)
Повышение производительности	[Echandi et al., 2015] (+) [Meyer, Sinani, 2009] (+)	[Javorcik, Poelhekke, 2017] (-)
Развитие специализированных факторов производства	[Meyer, Sinani, 2009] (+)	
Развитие предприятий-поставщиков и потребителей, в том числе МСП	[Tülüce, Dogan, 2014] (+)	
Развитие цепочек поставок		[Zhan et al., 2023] (-)
Сокращение внешнего долга страны	[Honer, Dick, 2022] (+, через накопление иностранной валюты)	[Honer, Dick, 2022] (-)
Угрозы критической инфраструктуры и технологическому суверенитету	[Barros Torres, 2020] (+)	
Социальные издержки (перемещения населения, технологическая безработица, неравенство и др.)	[De Angelis, Harvis, 2008] (+)	
Загрязнение окружающей среды	[Li et al., 2019] (+ в развив. странах / - в развитых) [Demena, Afesorgbor, 2018] (+/-, через «чистые» технологии) [Singhania, Saini, 2021] (+/-, через «чистые» технологии) [Melane-Lavado et al., 2018] (-, через «чистые» технологии)	

Примечания:

+ - положительная зависимость,

- - отрицательная зависимость,

кач. – качественное влияние.

Источник: составлено автором на основе анализа литературы.

При рассмотрении именно **эффектов** притока **ПИИ** и прихода иностранных компаний важно понимать, что часть работ выделяет эффекты для экономики страны в целом (например, обзорная работа [Echandi et al., 2015]), а часть – эффекты для отечественных компаний в этой стране, возникающие через эффекты перетоков (*spillover effects*) (например, обзорное исследование [Meyer, Sinani, 2009]). Кроме того, существуют различия эффектов между развитыми и развивающимися странами. Также многие работы делают выводы о том, что гринфилд-инвестиции создают более сильные эффекты, чем слияния и поглощения.

Наиболее всеобъемлющими эффектами, частично включающими в себя другие, являются *экономический рост и социально-экономическое развитие* в целом [Echandi et al., 2015; Meyer, Sinani, 2009; Joo et al., 2022; Honer, Dick, 2022; Neuhaus, 2006; World Investment Report, 2020].

При этом данные эффекты не всегда могут быть положительными. Так, в работах [Joo et al., 2022; Meyer, Sinani, 2009] показывается, что положительное влияние притока ПИИ на экономический рост достигается только в сочетании с высоким уровнем человеческого капитала и развития институтов, развитым финансовым сектором, открытой торговлей, а проявлению данного эффекта препятствует экономическая (связанная, например, с инфляцией) или политическая нестабильность.

Непосредственно в краткосрочном и среднесрочном периодах приток ПИИ влияет на *накопление физического капитала* [Meyer, Sinani, 2009; Honer, Dick, 2022; Neuhaus, 2006] (в последней работе также говорится о человеческом капитале, но его стоит рассмотреть ниже).

Также непосредственный канал влияния притока ПИИ на экономический рост и развитие – *увеличение производства* [Meyer, Sinani, 2009; Honer, Dick, 2022]. Тем не менее, согласно [Meyer, Sinani, 2009] влияние притока ПИИ на увеличение производства и продаж отечественных фирм в развивающихся странах преимущественно положительное, а в странах с переходными экономиками и развитых может быть и отрицательным (ввиду насыщенности рынков).

Влияние притока ПИИ на *развитие внешней торговли* (в особенности экспорта) отмечается в обзорных работах [Echandi et al., 2015; Meyer, Sinani, 2009].

Особенно это характерно для развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

В работе [Neuhaus, 2006], посвященной ПИИ в странах Восточной Европы с переходной экономикой, отмечается важная роль ПИИ в *изменении экономической структуры*, в частности, развитии новых отраслей, а также трансформации экономики от плановой к рыночной.

Отдельная группа эффектов связана с влиянием на рынок труда. Это влияние на занятость, зарплаты, а также качественные характеристики (определяющие следующую группу эффектов – технологическое развитие).

В первую очередь, приток ПИИ влияет на *численность занятых* и создание новых рабочих мест [Echandi et al., 2015; Meyer, Sinani, 2009]. При этом в развивающихся странах влияние преимущественно положительное, поскольку носит экстенсивный характер, а в странах с переходной экономикой и развитых может быть и отрицательным ввиду отсутствия избыточного предложения на рынках труда, и носит скорее интенсивный характер. Во многих исследованиях акцент делается на том, эффект увеличения занятости при гринфилд-инвестировании сильнее, чем при частичном участии иностранных компаний в структуре собственности.

О влиянии притока ПИИ на *увеличение зарплат и доходов* населения говорится в исследованиях [Echandi et al., 2015; Bedi, Cielek, 2002; Meyer, Sinani, 2009; Honer, Dick, 2022]. В данном случае, этот эффект характерен как для развивающихся, так и для развитых стран. Важно отметить, что низкие зарплаты могут быть также и фактором привлечения ПИИ [Honer, Dick, 2022].

В большом количестве исследований отмечается влияние притока ПИИ на *технологическое развитие* посредством трансфера технологий, приносимых иностранными компаниями [Saggi, 2002; Echandi et al., 2015; Neuhaus, 2006; Latif et al., 2018; Melane-Lavado et al., 2018; Girma et al., 2009].

В обзорном исследовании технологических эффектов ПИИ и внешней торговли в принимающих странах [Saggi, 2002] говорится, что приток ПИИ способствует вертикальному и горизонтальному распространению технологий, которое все же зависит от уровня развития человеческого капитала и институтов (в частности, защиты интеллектуальной собственности) в принимающей стране. При

этом в большинстве исследований делается вывод, что гринфилд-инвестирование оказывает больший эффект для технологического развития, чем участие иностранных компаний в структуре собственности.

Как правило, вместе с технологическим развитием, связанным с трансфером технологий, отмечаются *развитие и трансфер управленческих и производственных знаний, навыков и компетенций* [Echandi et al., 2015; Neuhaus, 2006].

Одним из критериев развития экономики и эффектом притока ПИИ является *рост производительности труда*, который выступает зависимой переменной во многих исследованиях эффектов ПИИ [Echandi et al., 2015; Meyer, Sinani, 2009].

О *развитии специализированных факторов производства* (трудовых ресурсов, сырьевых материалов и т.д.) в принимающей стране, которые увеличивают производственные возможности местных фирм, говорится в работе [Meyer, Sinani, 2009].

В обзорной работе [Tuluze, Dogan, 2014] рассматривается влияние притока ПИИ на *развитие отечественных малых и средних предприятий* (МСП), в том числе как поставщиков и потребителей иностранных компаний.

Эффект притока ПИИ для *сокращения внешнего долга ряда стран*, в том числе за счет накопления иностранной валюты отмечается в работе [Honer, Dick, 2022]. При этом, отток ПИИ связан с обратным эффектом.

В то же время, существуют и негативные эффекты, связанные с притоком ПИИ. Так, например, в работе [Barros Torres, 2020] поднимается проблема *безопасности критической инфраструктуры* и технологического суверенитета на фоне масштабных ПИИ Китая в Бразилию.

Социальные издержки связаны, с одной стороны, с перемещением работников между отраслями и регионами, с другой – с технологической безработицей и формированием избытка рабочей силы, снижением доли труда в национальном доходе, что может отражаться в усилении неравенства [De Angelis, Narvie, 2008]. Это характерно, в первую очередь, для наименее развитых стран.

Влияние притока ПИИ на *загрязнение окружающей среды* рассматривается в различных исследованиях и как положительное, и как отрицательное, что подтверждают выводы обзорной статьи [Demena, Afesorgbor, 2018]. В ней, а также

в некоторых эмпирических работах [Li et al., 2019; Singhanian, Saini, 2021] объясняется такой дуализм: положительное влияние на загрязнение связано с ростом производства, отрицательное – с внедрением и распространением более чистых технологий. При этом усиление загрязнения характерно преимущественно для развивающихся стран, где ПИИ сосредоточены в основном в ресурсных отраслях, сокращение – для развитых. Это также дополняется тем, что иностранные компании, совершая ПИИ, выносят загрязнение в развивающиеся страны, где экологические стандарты менее жесткие, чем в развитых. В работе [Melane-Lavado et al., 2018] говорится о влиянии притока ПИИ на устойчивое развитие в целом, связанное с приходом инноваций и технологий.

Таким образом, в целом, приток ПИИ положительно влияет на экономическое развитие, при этом они имеют некоторые различия развитых и развивающихся странах, в том числе странах с переходной экономикой. Если в развивающихся странах ПИИ в основном экстенсивные и проявляются в увеличении производства, экспорта, численности занятых, то в развитых – в основном интенсивные и влияют рост производительности труда, зарплат, развитие специализированных факторов производства и др. Для стран с переходной экономикой, к которым часто относят и Россию, характерно сочетание и экстенсивных, и интенсивных эффектов.

Исследований по **эффектам** оттока ПИИ и **ухода иностранных компаний** существенно меньше.

О том, что иностранное деинвестирование обратно связано с экономическим ростом (причем в обоих направлениях) заключается в работе [Benito, 1997], при рассмотрении норвежских компаний в обрабатывающей промышленности.

К исследованиям, оценивающим эффекты ухода иностранных компаний и оттока ПИИ можно также отнести работу [Honer, Dick, 2022], рассматривающую экономику Бразилии после 2020 г. К **основным эффектам** оттока ПИИ как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах, авторы относят:

- снижение валового внутреннего продукта (ВВП),
- снижение занятости и увеличение безработицы,
- снижение зарплат,
- замедление технологического и инновационного развития,

- рост внешнего долга страны.

В работе [Zhan et al., 2023] рассматривается влияние деинвестирования (в контексте выхода иностранных собственников из капитала) предприятий в Китае на их *экспортную деятельность*. Делается вывод, что деинвестирование снижает вероятность экспорта и экспортную выручку через разрывы в международных цепочках поставок, сокращение возможностей кредитования и снижения управленческой эффективности. Помимо снижения экспорта, также отмечается влияние на снижение *производственной активности* и *занятости*.

При этом авторы отмечают, что экспорт снижается сильнее для компаний, перешедших в частную собственность, имевших ранее японских и корейских собственников, более производительных и расположенных в экономически развитых регионах Китая и осуществлявших экспорт в развитые страны.

В исследовании [Javorcik, Poelhekke, 2017] для промышленных предприятий Индонезии рассматривается влияние деинвестирования на их основные показатели. Доказывается, что деинвестирование определяет снижение совокупной факторной *производительности, выпуска продукции, доли экспорта и импорта* в выручке, наценок (как характеристики *рыночной власти*), *численности занятых*, особенно рабочих специальностей, и *зарплат* (но в меньшей степени, чем производственных показателей), создает разрывы в международных *цепочках поставок*, а также сокращает *доступ к технологиям* и управленческим знаниям. Причем с точки зрения технологий и управленческих знаний связь с иностранными собственниками важна не только в момент осуществления ПИИ, но на протяжении всего процесса функционирования. Негативное влияние проявляется в первый же год и сохраняется в последующие; кроме того, оно более сильное для гринфилд-предприятий, нежели для совместных.

На основании проанализированных исследований можно сделать вывод, что в целом, большинство эффектов притока ПИИ и прихода иностранных компаний, переносятся на эффекты оттока ПИИ и ухода иностранных компаний с обратным знаком. Так, если приток ПИИ в основном положительно влияет на экономический рост и развитие, накопление капитала, увеличение производства, развитие экспорта, увеличение занятости и рост зарплат, технологическое развитие, трансфер управленческих и производственных знаний и накопление человеческого

капитала, повышение производительности, то отток ПИИ и уход иностранных компаний обратно влияет на данные параметры.

При этом в существующих исследованиях не говорится о влиянии оттока ПИИ и ухода иностранных компаний на развитие специализированных факторов производства (которое теоретически может быть отрицательным или нейтральным), поставщиков и потребителей (теоретически отрицательное), а также технологический суверенитет и экономическую безопасность, социальную стабильность и состояние окружающей среды. В случае с технологическим суверенитетом и экономической безопасностью теоретически возможно предполагать положительное или нейтральное влияние, в случае с социальной стабильностью – положительное, отрицательное или нейтральное, в случае с состоянием окружающей среды – положительное (если уход компаний касается развивающихся стран и ресурсных отраслей) или отрицательное (если рассматривается влияние на развитые страны и важную роль играли более экологичные технологии).

Говоря о возможных эффектах ухода иностранных промышленных компаний из России, авторы работы [Гурков и др., 2024] отмечают возможное влияние на развитие производственных и управленческих технологий, кооперационные связи с отечественными предприятиями и др. Тем не менее, говорится о трудности оценки данных эффектов ввиду сложности и недоступности данных, а также их проявлении в долгосрочном периоде. В случае с обратным процессом, протекавшим до 2022 г. – приходом этих компаний в Россию, отмечают, в первую очередь, положительные эффекты, такие как как привлечение финансовых, производственных и управленческих технологий в страну. В то же время, авторы полагают, что производственные подразделения иностранных компаний, созданные до 2022 г., выступали только в роли реципиентов этих технологий, а не их источников.

В целом, в существующих эмпирических исследованиях не дается четкого ответа, какие эффекты проявляются сильнее на национальном, а какие – на региональном и локальном уровнях. В то же время, по их содержанию, а также на основе отечественных работ по эффектам инвестиций в целом, рассмотренных ниже, справедливо полагать, что на региональный и локальный уровни переносятся

эффекты, в первую очередь, связанные с экономическим ростом и развитием, параметрами производства, занятости, зарплат и доходов населения, социальными и экологическими параметрами. Также на региональном и локальном уровнях возможно влияние через развитие сети поставщиков и потребителей, специализированных факторов производства, развитие технологий и управленческих компетенций, хотя в данных случаях этот эффект больше проявляется на национальном уровне и в целом труднее измеряется.

Основные методические подходы к выявлению факторов и эффектов экспансии и ухода иностранных компаний

Наиболее распространенным методом определения конкретных причин (факторов) и следствий (эффектов) экспансии и ухода иностранных компаний является эконометрический. Но также используются и другие методы.

Например, в работе [Maunganidze, 2022] для выявления факторов ухода иностранных инвесторов рассматриваются результаты их *опросов*. В исследовании [Itoh, Konno, 2020] факторы, влияющие на экспансию и уход компаний из иностранных бизнесов, определяются на основе *анализа текстов* документов о приобретении и продаже, на основе которых строятся сети взаимоотношений конкретных слов.

Эконометрический метод реализуется в основном посредством построения многомерных регрессионных моделей, с помощью которых определяются значимые и незначимые независимые переменные (факторы) и направления их влияния. В микроэкономических исследованиях модели строятся на уровне компаний, в макроэкономических и экономико-географических – как правило, на уровне регионов. Тем не менее, существуют и нестандартные эконометрические подходы.

К примеру, в работе [Wang, 2022] для выявления факторов ухода иностранных компаний строятся *модели выживаемости компаний*, в которых зависимая переменная отражает вероятность ухода компании (закрытия или деинвестирования) в определенный промежуток времени, а в качестве независимых закладываются различные переменные, характеризующие факторы.

В ряде исследований предпринимаются попытки решения проблемы *эндогенности* (неопределенности направлений причинно-следственных связей) в

поле исследуемых параметров. Например, в исследовании [Honer, Dick, 2022] для определения направления причинно-следственной связи между переменными (ПИИ, ВВП, зарплатами и инфляцией) используется тест причинности Грэнджера (Granger Causality), в рамках которого строятся модели векторной авторегрессии (VAR), куда помимо независимой переменной включается лаг зависимой переменной.

Включение в модели временных лагов зависимых и независимых переменных в целом является одним из способов борьбы с эндогенностью, даже при моделировании не на уровне компаний, а на уровне регионов [Салимова и др., 2023].

Для выявления эффектов различного рода событий (в том числе ухода иностранных компаний) в изменениях различных показателей используется *метод разности разностей* [Javorcik, Poelhekke, 2017; Zhan et al., 2023], основанный на сопоставлении динамик групп объектов, подвергшихся и не подвергшихся воздействию до и после данного воздействия. Как правило, объектами для расчетов по методу разности разностей выступают компании, но в региональных исследованиях он используется и на уровне регионов [Zemtsov et al., 2022].

Таким образом, в существующих исследованиях применяются различные методы для определения факторов и эффектов прихода и ухода иностранных компаний, приводящие к различным результатам, что подтверждает необходимость их взаимной верификации.

1.2.3. Исследования прямых иностранных инвестиций в регионах России

Исследования ПИИ в регионах России были наиболее популярны в 2000–2010-х гг. [Кузнецова, 2015; Шевченко, Горецкая, 2007; Драпкин, 2011; Федорова, 2016; Кузнецова, Михайлов, 2019], что было связано со значительным притоком ПИИ в Россию в 2000-е гг. В работах по данной теме значительное внимание уделяется в основном анализу межрегиональных различий в притоке ПИИ и оценке факторов инвестиционной привлекательности территорий [Кузнецова, 2016б].

Существуют подобные работы и по отдельным регионам России, например, рассматриваемым далее Ленинградской [Волков, 2018] и Калужской [Гутник, Трофимова, 2018] областям, а также отдельным отраслям (к примеру, [Кузнецова, Бобровский, 2022]).

Количественный анализ привлекательности российских регионов для ПИИ проводится либо с использованием эконометрических моделей [Нестерова, Мариев, 2005; Полиди, Сичкар, 2013], либо с помощью опросов [Инвестиционный климат ..., 2012].

В то же время, исследований влияния ПИИ и иностранных компаний на развитие регионов относительно немного [Землянский и др., 2022; Кузнецова, 2016б]. Также недостаточное внимание в исследованиях посвящается территориальным стратегиям крупных иностранных компаний [Кузнецова, Михайлов, 2019].

Проблемы с количественным анализом факторов и эффектов ПИИ на уровне регионов России связаны во многом с недостаточностью и сложностью статистических данных. Основным статистическим источником по прямым иностранным инвестициям в регионах России являются данные Росстата о притоке ПИИ в разрезе субъектов РФ, публиковавшиеся с 1995 по 2014 г., данные Банка России о накопленных ПИИ [Кузнецова, 2016б; Кузнецова, 2015], а также данные Банка России о поступлении (притоку) и изъятии (оттоку) ПИИ [Кузнецова, 2016а]. Кроме того, ряд авторов составляют собственные базы данных по инвестиционным проектам. Помимо этого, существуют статистические данные Росстата по организациям с участием иностранного капитала (среднесписочная численность занятых, оборот и инвестиции). В целом, ключевой проблемой анализа данных о ПИИ в России является проблема вычленения инвестиций через офшоры [Кузнецова, 2016б], доля которых велика.

Факторы распределения ПИИ по регионам России наиболее полно выделяются в работах О.В. Кузнецовой [Кузнецова, 2015; Кузнецова, 2016а; Кузнецова, 2016б; Кузнецова, Михайлов, 2019]. К ним относятся:

- доступ к потребительскому рынку, что подтверждается [Леонова, 2015; Инвестиционный климат..., 2012];

- доступ к природным ресурсам;

- эффект соседства, который подтверждается работой [Кузнецов, 2008], а именно приграничное положение и территориальная близость;

- инфраструктурный фактор (в особенности, наличие транзитных транспортных коридоров, морских портов) и экономико-географическое

положение (в особенности приморское или приграничное положение), которые усиливают фактор соседства;

- экономия на масштабе;

- уровень развития и структура экономики (отраслевая специализация) принимающего инвестиции региона, в т.ч. наличие отраслей и предприятий, интересных инвестору;

- фактор удаленности от стран-инвесторов;

- культурно-исторический фактор;

- наличие в регионе предприятий соотечественников;

- фактор информированности инвестора о регионе;

- вынос производств из крупных городов в соседние регионы;

- активная инвестиционная политика федеральных и региональных властей.

Среди работ по **описанию закономерностей распределения ПИИ** особо выделяются рассматривающие их с точки зрения территориальных стратегий компаний. Так, в статье [Кузнецова, Михайлов, 2019] рассматриваются территориальные стратегии развития крупнейших иностранных компаний из рейтинга Forbes-50 с позиций модели иерархически-волновой диффузии Т. Хегерстранда. Применяя данную модель к России, авторы выделяют наличие территориальных и географических барьеров диффузии (пример, когда иностранные инвесторы «не заходят» в регионы Дальнего Востока или Северного Кавказа), а также приходят к выводам, что размещение головных офисов связано с Москвой, логистических центров – с Московской областью, концентрация розничной торговли и центров – со всеми городами-миллионниками, а размещение производственных мощностей – с относительно небольшими городами по причине экономии на издержках.

В работе [Кузнецова, 2016б] при анализе данных об организациях с участием иностранного капитала (численность занятых, оборот, инвестиции в абсолютном и относительном выражении) в разрезе отраслей, регионов и стран делаются выводы о сильной их концентрации в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Свердловской области и Красноярском крае, при этом по относительным показателям (доле в занятости, обороте, внебюджетных инвестициях) отмечается лидерство Санкт-Петербурга, Калужской и Липецкой областей, Чукотского АО.

Высокие показатели для Москвы связываются, во-первых, с размером потребительского рынка, во-вторых, со столичным статусом, привлекающим штаб-квартиры компаний, в-третьих, с особенностями статистического учета, связанными с регистрацией в регионе [Кузнецова, 2015; Кузнецова, Михайлов, 2019].

Анализ влияния санкций на приток и отток ПИИ по регионам России в работе [Кузнецова, 2016] позволил сделать выводы о возрастании роли Московской и Ленинградской областей при сокращении роли Москвы и Санкт-Петербурга, сокращении доли Тюменской области (с автономными округами) ввиду ограничений в доступе к зарубежным финансовым ресурсам для госкорпораций, повышении роли регионов Юга и Дальнего Востока, в том числе ввиду поддержки федеральных властей.

Согласно [Кузнецова, 2016а] отток иностранных инвестиций, начавшийся в России в 2014 г., и закрытие предприятий могут быть связаны не только с ухудшением инвестиционной привлекательности страны или внешнеполитическими проблемами, но и с закономерностями развития бизнеса (что подтверждает выводы, сделанные нами при анализе факторов инвестирования и ухода иностранных компаний). Для оценки уязвимости регионов необходимо рассматривать не только происхождение капитала, но и географию поставщиков сырья и комплектующих, которые остаются относительно неизученными направлениями.

После 2022 г. для ПИИ в России наступает новый этап, связанный как с сокращением общего потока ПИИ, так и изменениями в наборе стран-инвесторов (рост доли «дружественных» стран, в первую очередь, Китая). В то же время, подробный анализ таких изменений существенно затруднен ввиду закрытия с 2022 г. Банком России статистики о ПИИ в разрезе стран-инвесторов и регионов инвестирования.

Тем не менее, существуют исследования [Zhirikov, 2025], которые подтверждают общее увеличение потока китайских ПИИ в Россию после 2022 г., при этом к 2024 г. отмечается повышенный интерес китайских инвесторов к добывающему (41% в общем объеме ПИИ) и аграрному (22%) секторам и более сдержанный – к обрабатывающей промышленности (12%). При этом в

накопленных к 2024 г. ПИИ сохранилась высокая роль Сибирского (19%) и Дальневосточного (6%) федеральных округов.

В целом, исследования, описывающие сложившееся к 2022 г. распределение ПИИ по регионам России, и выявляющие факторы и закономерности данного распределения оказываются важными при рассмотрении ухода иностранных компаний, потому что дают представление о размещении иностранных компаний и позволяют определить их роль в регионах до начала ухода и ограничений деятельности. Тенденции ПИИ в России, происходящие после 2022 г., характеризуются увеличением доли «дружественных» стран в них, но в региональном отношении остаются относительно неизученными.

1.2.4. Исследования ухода иностранных компаний из России после 2022 г.⁹

Уход из России иностранных компаний после 2022 г. стал предметом ряда современных исследований. При этом, большая часть таких исследований основана на *оценках* масштабов и роли данного явления. Методически такие оценки можно разделить на непосредственные (основанные на составлении перечней компаний с их статусами и агрегировании данных по ним) и косвенные (проведенные с помощью расчетов косвенных индикаторов на основе некоторых допущений). Сначала рассмотрим *непосредственные оценки*.

Одним из первых таких исследований, была работа Центра стратегических разработок (ЦСР) [Картина иностранного бизнеса..., 2022], проведенная в сентябре 2022 г. Ее методика основывается на формировании перечня компаний с иностранными собственниками по СПАРК-Интерфакс, определении статуса компаний по новостям и оценке масштабов деятельности компаний по численности персонала.

Из более 5000 иностранных компаний с занятостью 2 млн чел. анализируются 600 крупнейших с занятостью 1 млн чел. Даются оценки, что 22% иностранных компаний заявили об уходе из России (285–340 тыс. рабочих мест

⁹ При работе над данным разделом диссертации использованы публикации автора: Бобровский Р.О. Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России // Федерализм. – 2023. – Т. 28. – №. 2. – С. 197–219; Бобровский Р.О. Оценка вклада уходящих и ушедших иностранных компаний в отраслях и регионах России // Федерализм. – 2024. – Т. 29. – №. 2. – С. 153–171; публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Бобровский Р.О. Влияние сокращения деятельности иностранных промышленных компаний на социально-экономическую ситуацию в муниципалитетах Ленинградской и Калужской областей // Региональные исследования. – 2025. – № 2. – С. 94–106.

или 29–57%), а 34% – об ограничении деятельности на российском рынке (230–270 тыс. рабочих мест или 23–27%). Наиболее активно заявляют об уходе компании из Финляндии (80%), Дании (73%), Великобритании (35%), наименее активно (среди «недружественных» стран) – из Австрии (8%), Японии (14%), Швейцарии (16%), Польши (17%). Среди отраслей наибольшая доля заявивших об уходе компаний наблюдается в автомобилестроении, микроэлектронике и приборостроении.

Делаются выводы, что уход из России иностранных компаний не имеет разрушительного характера для российской экономики, хотя и повлияет на отдельные отрасли из-за технологических ограничений. 69% уходящих иностранных компаний заявили о готовности передать российские подразделения иным собственникам.

Также ЦСР в июле 2025 г. было проведено более актуальное исследование¹⁰ на основании заявлений иностранных компаний, информации СМИ и иных источников. Согласно нему, из 1645 анализируемых иностранных компаний, 143 остались в России, а 1502 полностью или частично ушли.

Среди зарубежных исследований относительно объективной видится работа [Evenett, Pisani, 2022], проведенная в декабре 2022 года. В ней с помощью базы данных ORBIS определяются 2405 дочерних российских предприятий, принадлежащих 1404 компаниям из стран ЕС и G7 (при этом общее число дочерних российских предприятий всех иностранных компаний составляет 3444). Оценивается, что 8,5% из этих компаний продали по меньшей мере одно из своих дочерних российских предприятий¹¹, то есть, ушли. На них приходится 6,5% прибыли до налогообложения, 8,6% активов, 8,6% внеоборотных активов, 10,4% выручки, 15,3% численности сотрудников всех фирм ЕС и G7, действующих в России.

Относительно невысокие доли авторы объясняют тем, что многие компании не выводят активы из России ввиду того, что это может быть экономически неэффективно, несмотря на рекомендации правительств своих стран. Также

¹⁰ ЦСР провел анализ ушедшего из России иностранного бизнеса [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.csr.ru/ru/news/tssr-provel-analiz-ushedshego-iz-rossii-inostrannogo-biznesa/> (дата обращения: 01.09.2025).

¹¹ Доля таких компаний в общем числе иностранных компаний составит при этом 5,9% (досчитано автором).

обнаруживается, что ушедшие фирмы в целом имели низкий уровень доходности по сравнению с оставшимися фирмами, то есть, политические причины ухода могли быть лишь предлогом сокращения неэффективных производственных подразделений. Установленная авторами доля ушедших компаний может увеличиваться, поскольку многие сделки на момент исследования не были завершены.

При страновом рассмотрении делается вывод, что американские и финские фирмы составляют более высокий процент уходящих фирм, итальянские – наименьший. Тем не менее, многие иностранные компании включили в контракты право обратного выкупа.

В исследовании [Егоров, Чатурова, 2024], выполненном по данным на июнь 2023 г. на основе открытых источников, оценивается, что доля компаний, уходящих без смены собственника составляет среди всех иностранных компаний 26% (372 тыс. чел.), уходящих с продажей активов – 28% (404 тыс. чел.), приостанавливающих операции и инвестиции – 14% (194 тыс. чел.), остающихся – 32% (458 тыс. чел.) среди всех иностранных компаний. Согласно авторам, среди «недружественных» стран наибольшая доля ушедших иностранных компаний характерна для Дании, Ирландии, Испании, Литвы, Люксембурга, Польши, Чехии, Финляндии, Швеции, Эстонии, Канады и США, наименьшая – для Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Греции, Словении. (Выводы в страновом разрезе во многом совпадают с другими исследованиями).

В то же время, оценка влияния различных факторов (размер и прибыльность компании) на уход иностранных компаний из России после 2022 г. не дает однозначных результатов, что объясняется искажающим воздействием ряда параметров: различной страновой и отраслевой принадлежностью компаний, соответственно, различными репутационными рисками, воздействием санкционных ограничений, и связанных с ними логистических проблем, на сами компании, регуляторными мерами по удержанию иностранных компаний (особый порядок согласования сделок по продаже, скидки к стоимости и взносы в федеральный бюджет).

В работах [Arapova, Balakhonova, 2023; Арапова, Балахонова, 2025] на начало 2023 и 2024 гг. проводится анализ на основе авторской базы, включающей

1625 иностранных компаний (1497 из «недружественных» стран и 128 из «дружественных»), где они классифицируются по степени осуществленных ограничений на основе их официальных заявлений и иной информации, экономические показатели учитываются по данным базы ORBIS, а также на основе другой авторской базы по участию иностранных компаний в отраслевых выставках (899 компаний).

На основе первой базы делаются выводы, что число ушедших иностранных компаний увеличивалось до начала 2023 г., но далее менялось незначительно, что объясняется, с одной стороны, завершением сделок, с другой – постепенным возникновением барьеров для ухода. По состоянию на начало 2023 г. на основе заявлений компаний намерения об уходе подтверждаются для 420 компаний, а реальный уход – для 114 компаний. Делаются закономерные выводы о различии поведения компаний из «недружественных» и «дружественных» стран, государственных и частных компаний.

На основе базы по участию компаний в выставках делается вывод, что российский рынок покинули 35% (315) иностранных компаний. Среди секторов с наибольшим количеством ушедших компаний выделяются промышленность, микроэлектроника, деловые услуги и информационные технологии, а в страновом разрезе лидируют Великобритания, Германия, Швейцария, Финляндия и Польша. Наименьшее количество ушедших иностранных компаний отмечается в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, в страновом разрезе – для Италии, Германии и Испании.

Согласно выводам авторов, *механизмы ухода* иностранных компаний разнообразны и неоднозначны, не всегда связаны с продажей бизнеса, а проявляются также в переименованиях юридических лиц или продукции, налаживанием продаж через параллельный импорт. При этом поведение компании определяется ее размером и долей российского рынка в структуре ее доходов.

В исследовании [Гурков и др., 2024] оценки ухода иностранных компаний проведены по выборке из 280 промышленных подразделений западных компаний. Делаются выводы о том, что доля проданных подразделений промышленных компаний в 2022 г. составила 1–2% стоимости основных фондов промышленности, а в общем числе компаний – 28%. Рассматривается широкий временной период, в

котором выделяются *этапы*: с 2014 по 2022 гг., когда, несмотря на действие санкций, западные компании продолжали активно инвестировать в российскую экономику и в основном не закрывали свои подразделения, ориентируясь на наличие свободных рынков в стране; второй – в 2022 г., когда уход иностранных компаний был относительно свободным и третий – с конца 2022 г., когда правила продажи российских подразделений иностранных компаний ужесточились, и уход компаний замедлился.

В работе [Гурков и др., 2023] выделяются основные *модели ухода*: продажи предприятий менеджменту; выбранному предприятию той же отрасли; на аукционе по более выгодной цене или ликвидация подразделения, а также модели продолжения деятельности: ее сокращение; отсутствие сокращения с отказом от планов развития; расширение бизнеса или его технологическое развитие. Отмечаются и *способы адаптации* иностранных компаний к ограничениям со стороны стран их происхождения: использование инструментов, позволяющих вернуться в будущем (опционы обратного выкупа и др.) или скрыть деятельность (передать предприятие локальному менеджменту, переименовать производимые в России бренды, перерегистрировать подразделения в нейтральной стране, например, ОАЭ и др.).

К марту 2025 г. было подготовлено исследование аудиторско-консалтинговой компании Керт¹² на основе собственной клиентской выборки, включающей 305 иностранных компаний. Делается вывод, что на конец 2024 г. из России ушли 62% крупных иностранных компаний (183 из 305), при этом заявили об уходе 68%. Среди ушедших 183 компаний, 103 передали активы российскому бизнесу, 40 – локальному менеджменту, 17 вышли из совместных предприятий, 14 приостановили деятельность, 9 передали активы иностранному бизнесу. При этом 96 компаний не заявляли об уходе и продолжают деятельность, 19 компаний находятся в процессе ухода, 7 компаний – переданы во временное управление государства. При этом в 2024 г. наблюдается сокращение количества сделок по продаже по отношению к 2023 г. почти в 2 раза, что объясняется ужесточением условий осуществления сделок. Также, как и в других исследованиях, наиболее

¹² В Керт назвали недружественные страны, чей бизнес чаще остается в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/03/2025/67dd5e2f9a79475505eb758f?ysclid=m8o3v4qdn0105410250> (дата обращения: 01.09.2025).

высокая доля ушедших компаний наблюдается среди финских, шведских, норвежских, датских компаний, средняя – американских, немецких, французских, британских, низкая – итальянских, бельгийских и швейцарских, австрийских, что частично объясняется отраслевой специализацией.

В 2022–2023 г. было проведено несколько работ отечественных исследователей, оценивающих эффекты ухода иностранных компаний для экономики регионов России на основе *косвенных оценок*.

В статье [Землянский и др., 2022] оцениваются риски приостановки и прекращения деятельности иностранных компаний в регионах России. Согласно данным Росстата о численности работников и обороте организаций с иностранной и совместной иностранной и российской собственностью на 2020 г., на такие организации приходится 2,8 млн. чел. или 6,5% от всех работников организаций и 41,3 трлн. руб. или 24,7% общего оборота всех крупных и средних организаций страны.

По итогам исследования сделан вывод, что в случае, если 50% организаций с иностранной и совместной собственностью в России (за 50% условно принята доля инвестиций из «недружественных» стран, за исключением офшорных)¹³ приостановят свою деятельность, в целом по стране под риском высвобождения окажутся 1,4 млн. работников, что сократит численность занятых на 1,9% и увеличит численность безработных на 43,3% (до 6,2% по стандартам МОТ). В 21 регионе число безработных может вырасти более чем в 1,5 раза. Среди них – Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская, Самарская, Нижегородская, Калужская, Владимирская, Костромская, Архангельская, Свердловская области, Краснодарский край и Республика Татарстан.

В работе [Земцов и др., 2023] моделируется рост числа новых предприятий малого и среднего бизнеса в регионах России в зависимости от факторов, связанных с кризисом 2022 г.: разрыв внешнеторговых связей (через включение в модель показателей доли «недружественных» стран в экспорте и импорте), уход иностранных компаний (через долю компаний из «недружественных» стран по выручке), развитие маркетплейсов, параллельного импорта, соседство с «недружественными» странами. Предлагается гипотеза, что уход иностранных

¹³ Таким образом, оцениваемая доля уходящих иностранных компаний составляет 3,3% по численности работников и 12,4% по обороту (досчитано автором).

компаний мог создать рыночные ниши для отечественных малых и средних компаний и повысить деловую активность, в то же время, негативно могли сказаться разрыв производственных цепочек и ограничения возможностей сбыта.

Доля иностранных компаний из «недружественных» стран в совокупном объеме выручки по регионам России рассчитывается исходя из данных СПАРК-Интерфакс. Для этого формируется перечень из 22906 компаний, на 50% или более принадлежавших лицам из «недружественных» стран. Выручка таких компаний за 2020 г. составила 16 трлн. руб. или 10% в общем обороте всех фирм. При этом отмечается высокая его концентрация в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Калужской, Ленинградской, Нижегородской областях и Республике Татарстан, а в отраслевом разрезе – в торговле и обрабатывающих производствах.

При интерпретации регрессионных моделей авторы приходят к выводу, что значимое положительное влияние ухода иностранных компаний на рост новых МСП происходит только в тех регионах, которые были слабее связаны с рынками «недружественных» стран, и сильнее – с отечественными. В целом, авторы отмечают, что передача некоторых предприятий новым собственникам дала возможность сохранить производство, но, тем не менее, оставила нерешенными проблемы с разрывом цепочек поставок, сохранения эффективности и производительности труда и др.

Таким образом, согласно различным зарубежным и отечественным исследованиям с относительно репрезентативными выборками (Таблица 3), доля уходящих и ушедших иностранных компаний *среди всех иностранных компаний* варьируется в среднем от 7 до 26% по числу компаний, от 15 до 29% по численности работников, от 10 до 30% по выручке (при непосредственных оценках). Согласно ряду отечественных исследований, роль уходящих и ушедших иностранных компаний *в экономике* России в целом составляет около 3% по численности работников, 10–12% по выручке (при косвенных оценках).

Среди исследований ухода иностранных компаний из России после 2022 г., помимо оценок масштабов и роли данного явления в экономике, важно выделить ряд работ, по которым можно сделать выводы о долгосрочности влияния фактора ухода иностранных компаний на экономику.

Таблица 3. Сравнение различных оценок доли уходящих и ушедших иностранных компаний в экономике России и ее регионов.

Тип расчета доли	По числу компаний	По численности занятых	По выручке	Наиболее пострадавшие регионы
Заявившие об уходе (среди всех иностранных компаний, непосредственные оценки) [Картина иностранного бизнеса..., 2022]	22%	29%	–	–
Ушедшие (среди компаний из ЕС и G7, непосредственные оценки) [Evenett, Pisani, 2022]	8%	15%	10%	
Заявившие об уходе (среди всех иностранных компаний, непосредственные оценки) [Егоров, Чатурова, 2024]	26%	–	–	
(Среди всех иностранных компаний, непосредственные оценки) [Агарова, Balakhonova, 2023]:		–	–	
- Заявившие об уходе	25%			
- Ушедшие	7%			
Потенциально уходящие (в экономике России, косвенные оценки) [Землянский и др., 2022; Земцов и др., 2022]	–	3%	10–12%	Москва, Санкт-Петербург, Московская Ленинградская, Самарская, Нижегородская, Калужская, Владимирская, Костромская, Архангельская, Свердловская области, Краснодарский край, Республика Татарстан.

Источник: составлено автором на основе анализа литературы.

К такому можно отнести, главным образом, некоторые *юридические исследования механизмов ухода* иностранных компаний и их *возможного возвращения*¹⁴. Наиболее интересными выводами подобного исследования является то, что при проведении сделок о передаче российских подразделений, опционы обратного выкупа были предусмотрены только в 21% случаев¹⁵, при этом из них около 1/3 истекло уже к началу 2025 г., по прошествии трехлетнего периода¹⁶. Кроме того, с 2025 г. существенно усложнились формальные условия возвращения иностранных собственников. Данные факты во многом подтверждают, что возвращение иностранных собственников, которые передали свои подразделения иным владельцам в будущем будет весьма затруднено и вряд ли будет массовым,

¹⁴ Возвращение иностранных компаний: на каких условиях их пустят в РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/259096/> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁵ Продавшие бизнес в России компании предусмотрели опцион на его возврат в 21% сделок [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/525181-prodavsie-biznes-v-rossii-kompanii-predusmotreli-opcion-na-ego-vozvrat-v-79-sdelok> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁶ Стоять нельзя вернуться [Электронный ресурс]. – URL: <https://expert.ru/ekonomika/stoyat-nelzya-vernutsya/> (дата обращения: 01.09.2025).

хотя с начала 2025 г. и начали появляться единичные заявления о возвращении некоторых иностранных компаний в Россию.

Таким образом, согласно непосредственным и косвенным оценкам, проведенным преимущественно в 2022–2023 гг., заявившие об уходе и ушедшие иностранные компании составляют существенную долю среди иностранных компаний, но формируют относительно небольшую долю в экономике России. Делать выводы о незначимости фактора ухода и ограничения деятельности иностранных компаний в социально-экономическом развитии отдельных отраслей и регионов только по оценке общероссийской доли ушедших иностранных компаний не совсем корректно. Для этого необходимо более детальное рассмотрение и оценка эффектов, в особенности на региональном и локальном уровнях.

1.3. Подходы к исследованию регионального развития и его факторов

1.3.1. Теории регионального роста и развития

Уход и изменение деятельности иностранных компаний возможно рассматривать как факторы, влияющие на региональное развитие. Поэтому для оценок их влияния на социально-экономическое развитие территорий необходимо учитывать основные теории и модели регионального роста, которые рассматривают различные факторы и объясняют причины территориальной неравномерности экономики. Данные модели принято разделять на неоклассические теории, теории кумулятивного роста и модели новой экономической географии.

Неоклассические теории регионального роста (Дж. Бортс, Р. Солоу, Х. Зиберт) основываются на макроэкономических моделях роста, появившихся в 1940–50-х гг., учитывающих в качестве факторов труд и капитал, уровень технологий и инноваций. Позднее Д. Родрик [Rodrik, 2003] называет эти факторы «прямыми». Предполагается, что факторы на уровне страны допустимо рассматривать и на уровне регионов. А поскольку в неоклассических моделях факторы производства (труд и капитал) мобильны, более развитые регионы привлекают труд и капитал из менее развитых, что приводит к поляризации развития.

В 1970-х гг. в рамках институциональной теории [North, 1973] возникает понимание, что на накопление труда и капитала, возникновение инноваций (и соответственно экономическое развитие) влияют институты – системы механизмов и правил, принятые в обществе. Институциональные и географические факторы Д. Родрик называет «глубинными». Они являются инертными и консервируют параметры экономического развития регионов. Это объясняет концепция зависимости текущего развития от предшествующего (path dependence) [Arthur, 1989; Норт, 1997].

В 1970-е гг. развиваются так называемые **теории кумулятивного роста**, в которых большее значение придается пространственным факторам и отчасти присутствует географический подход. В качестве основных следует выделить концепцию «полюсов роста» Ф. Перру и Ж.-Р. Будвиля и дополняющую ее концепцию «осей развития» П. Потье, согласно которым экономический рост и развитие концентрируются в определенных центрах и зонах между ними, которые формируют каркас развития территорий.

Дж. Фридманом [Fredmann, 1973] предложена концепция «центр-периферия», согласно которой самостоятельный экономический рост происходит в ключевых центрах, обладающих более развитым человеческим капиталом, инфраструктурой, потребительскими рынками и т.д., и постепенно переходит на полупериферию и периферию.

Процесс зарождения инноваций в центре, их последующее развитие и вытеснение на полупериферию и периферию (иерархическим или волновым способами) получил название «диффузии инноваций» (иерархической и волновой) и описан Т. Хегерстрандом [Hagerstrand, 1968]. Схожая модель «вулкана» предложена Х. Гиршем [Giersch, 1979].

Существенный вклад в объяснение регионального роста внесли более поздние теории и модели **новой экономической географии**, основанные на концепции эффекта положительной отдачи от масштаба и монополистической конкуренции.

Модель «потенциала рынка» Дж. Харриса описывает концентрацию экономической деятельности в местах с максимальным рыночным потенциалом, то есть, совокупным потенциальным спросом остальных регионов с учетом

транспортных издержек [Isard, 1960]. Справедливо и обратное – рыночный потенциал и инфраструктура улучшаются в местах концентрации производства.

П. Кругман [Krugman, 1991] предлагает схожую модель, согласно которой промышленные фирмы, стремясь получить эффект масштаба и снизить транспортные издержки, сосредотачивают производства вблизи рынков сбыта и поставщиков, где, в свою очередь сосредоточены другие фирмы. Это получило название агломерационного эффекта. Его рассматривают также более современные исследования [Fujita, Thisse, 2001; Martin, Ottaviano, 1999].

В целом, причину возрастающей отдачи от концентрации промышленного производства часто связывают с двумя типами эффектов: 1) эффектов кластеризации (также называемыми эффектами Маршалла-Эрроу-Ромера) [Romer, 1986] (на основании которых построен кластерный подход) и 2) эффектов урбанизации (Джекобс-эффекты) [Jacobs, 1969].

В рамках «новой экономической географии» существует также разделение факторов регионального развития на факторы «первой природы»: географическое положения, природные ресурсы, и «второй природы»: агломерационный эффект, человеческий капитал и институциональные факторы [Krugman, 1993; Fujita, Thisse, 2001; Fujita et. al, 1999].

В докладе Всемирного Банка [World Development Report, 2009], а также в исследовании [Зубаревич, 2009] факторы пространственного развития разделяются на («3D») характеристики плотности (density): концентрация экономики, агломерационные и кластерные эффекты: расстояния (distance): близость к рынкам и центрам технологий с учетом развития инфраструктуры; разделения (division): институциональные, культурные и иные барьеры.

Также заслуживает внимания приведенное в работе О.В. Кузнецовой [Кузнецова, 2014] разделение факторов регионального развития (по аналогии с пирамидой потребностей А. Маслоу) на объективные, то есть, условно неизменные (природно-климатические условия и ресурсы, система расселения и демографические характеристики, обеспеченность инфраструктурой, уровень развития и структура экономики) и субъективные, то есть, условно изменяемые (социально-экономическая политика государства в широком смысле).

Исходя из рассмотренного выше обзора исследований и понимания, что уход иностранных компаний является одним из факторов регионального развития на современном этапе, можно предположить, что он может выступать скорее опосредованным изменяющимся фактором регионального развития, который влияет на ряд прямых факторов, в частности, параметры трудовых ресурсов, человеческого и физического капитала и иные параметры, а также взаимодействует с некоторыми глубинными факторами, в том числе институциональными и некоторыми географическими. Кроме того, уход иностранных компаний вносит некоторые изменения в процессы, связанные с концентрацией экономики и соотношения элементов в системе «центр-периферия».

1.3.2. Исследования факторов регионального развития

Поскольку уход и изменение деятельности иностранных компаний возможно учитывать как факторы регионального роста и развития, существует необходимость рассмотреть подходы по выявлению и оценке совокупности факторов экономического роста в регионах.

Большинство авторов работ, где моделируется региональное развитие, либо 1) отталкиваются от **производственной функции** [Луговой и др., 2007; Коломак, 2019; Земцов, Смелов, 2018], и включают в модели труд, человеческий и физический капитал, технический прогресс и параметры, объясняющие общефакторную производительность; либо 2) рассматривают региональное развитие с позиций моделей **условной бета-конвергенции** (сходимости уровней экономического развития регионов) [Луговой и др., 2007; Демидова, Иванов, 2016; Демидова, Камалова, 2021], по сути своей также учитывающие схожие факторы. (Модели безусловной бета-конвергенции для регионов России оказываются незначимыми в условиях их высокой разнородности).

При построении эмпирических моделей регионального развития в качестве зависимых переменных используются, как правило, абсолютные, душевые показатели валового регионального продукта (ВРП) или приросты ВРП. В соответствии с ними выбираются виды независимых, в том числе контрольных переменных: абсолютные, душевые показатели или приросты.

В ряде случаев строятся системы моделей. Так, в исследовании [Луговой и др., 2007] используется трехшаговый метод наименьших квадратов (МНК), когда

оценивается модель темпов экономического роста, а также модели отдельных факторов: труда, капитала и временного лага зависимой переменной (для выявления эндогенности).

В роли *характеристик труда в моделях*, основанных на производственных функциях, выступают показатели среднегодовой численности занятых в экономике [Коломак, 2019], доли занятых в экономике [Дробышевский и др., 2005], роста численности населения [Демидова, Иванов, 2016], роста численности населения, вызванного миграцией [Луговой и др., 2007], роста численности экономически активного населения (ЭАН) [Земцов, Смелов, 2018].

В качестве *характеристик физического капитала* – стоимость основных производственных фондов [Коломак, 2019], инвестиции в основной капитал [Демидова, Иванов, 2016], отношение инвестиций прошлого года к ВРП текущего (норма накопления) [Земцов, Смелов, 2018], отношение инвестиций к ВРП (норма накопления) [Демидова, Камалова, 2021], индекс физического объема (ИФО) основных фондов [Дробышевский и др., 2005], инвестиции на душу населения [Луговой и др., 2007]. При моделировании приростов ВРП правильнее использовать либо прирост основных фондов, либо инвестиции в абсолютном виде. Предпочтительность последних отмечена в работах [Дробышевский и др., 2005; Луговой и др., 2007; Бессонов, 2005].

В роли *характеристик человеческого капитала* используются доля занятых горожан с высшим образованием в численности населения [Земцов, Смелов, 2018], доля работающего населения с высшим образованием [Демидова, Камалова, 2021], доля выпускников вузов в трудоспособном населении, заработная плата, инвестиции в образование, здравоохранение [Комарова, Павшок, 2007; Комарова, Крицына, 2012]; численность аспирантов на численность населения [Луговой и др., 2007], среднее число лет обучения [Штерцер, 2006];

Параметрами *общекфакторной производительности* выступают:

- ВРП на душу населения (контрольная переменная на масштаб) [Демидова, Камалова, 2021];

- Экономико-географическое положение (ЭГП) и близость к рынкам: сумма объемов рынков других регионов России и стран мира, отнесенные на расстояние до них в n -й степени, среднее значение отношения ВРП к ЭАН в соседних регионах

[Земцов, Смелов, 2018] и др. Также ЭПП и близость к крупным рынкам оценивается через исследования пространственных эффектов (см. ниже);

- Агломерационный эффект, измеряемый плотностью населения [Демидова, Иванов, 2016], долей городского населения (уровнем урбанизации) [Демидова, Иванов, 2016; Демидова, Камалова, 2021];

- Технологическое развитие, инновационный потенциал и предпринимательская активность, измеряемые числом работников, занятых в НИОКР, количеством новых фирм на численность населения [Audretsch, Keilbach, 2004], расходами на НИОКР [Brenner, 2014]; импортом машин, оборудования и транспортных средств к номинальному ВРП [Земцов, Смелов, 2018]; числом патентных заявок (в том числе потенциально коммерциализируемых) на численность населения (или численность городского населения с высшим образованием) [Демидова, Иванов, 2016; Демидова, Камалова, 2021; Земцов, Смелов, 2018];

- Институциональные условия, измеряемые, например, индексом инвестиционного риска РА «Эксперт», числом малых предприятий на численность ЭАН, числом преступлений на численность населения [Земцов, Смелов, 2018];

- Дотационность региона, оцениваемая через объемы финансовой помощи [Луговой и др., 2007], долю трансфертов из федерального центра в региональном бюджете [Демидова, Иванов, 2016; Демидова, Камалова, 2021], дамми-переменную депрессивности региона [Луговой и др., 2007];

- Структура экономики, отражаемая долями отдельных секторов (например, добывающей промышленности [Луговой и др., 2007; Штерцер, 2006], обрабатывающих производств, бюджетного сектора, сферы услуг, частного сектора [Демидова, Иванов, 2016]) в промышленном производстве региона или ВРП либо интегральными показателями диверсификации экономики, например, индексом Херфиндаля-Хиршмана [Демидова, Камалова, 2021].

- Открытость экономики региона, измеряемая отношением экспорта и импорта к ВРП [Демидова, Иванов, 2016; Демидова, Камалова, 2021].

- Инфраструктурная обеспеченность, измеряемая, например, объемом перевозок пассажиров железнодорожным транспортом на душу населения [Луговой и др., 2007] или плотностью автодорог [Демидова, Камалова, 2021].

Во многие модели включаются также *временные и пространственные лаги* зависимых и независимых переменных, позволяющие соответственно решить проблему эндогенности и выявить влияние **пространственных экстерналий** (факторов и эффектов), на которых и фокусируется значительная часть исследований.

Переменные пространственного лага зависимой переменной [Коломак, 2019; Демидова, Иванов, 2016; Луговой и др., 2007] рассчитываются с использованием различных стандартизированных матриц весов: матрицы граничных соседей, матрицы обратных расстояний (физических или временных), квадратов обратных расстояний, обратных расстояний с учетом размера (мощности) региона и т.д.

В ряде работ [Демидова, Иванов, 2016; Демидова, Камалова, 2019] предполагается, что коэффициенты пространственной автокорреляции, определяемые в моделях с пространственными эффектами, в условиях неоднородности российских регионов не постоянны, а линейно зависят от площади, плотности населения, уровня урбанизации или институциональных факторов.

Таким образом, региональное развитие и его динамика чаще всего оцениваются моделями, теоретически основанными на производственных функциях, учитывающими факторы труда, человеческого и физического капитала, общефакторной производительности (которая раскрывается множеством переменных), а также пространственные экстерналии.

В зависимости от целей исследования, подобные модели могут быть построены для выявления чистого влияния конкретных факторов (в нашем случае, ухода иностранных компаний) на региональное развитие с учетом влияния других факторов.

1.3.3. Подходы к исследованию шокоустойчивости территорий и изменений в территориальных социально-экономических системах

Эффекты ухода и изменения деятельности иностранных промышленных компаний для социально-экономического развития территорий разного масштабного уровня могут также рассматриваться с позиций изменений в территориальных социально-экономических системах (ТСЭС) и шокоустойчивости ТСЭС.

Теория территориальных социально-экономических систем

Одним из теоретико-методологических подходов, позволяющих рассматривать территорию и изменения на ней наиболее подробно и системно, является подход, основанный на теории ТСЭС. Данное понятие считается наиболее общим и полным объектом и предметом исследования социально-экономической географии в целом и отражает системный подход в ней.

Как система, ТСЭС обладает такими свойствами, как целостность, эмерджентность, полисистемность, открытость, инертность, инвариантность, управляемость, а также саморегулируемость (при этом саморегулятором может выступать рыночный механизм) [Мажар, Чистобаев, 2006]. Динамика ТСЭС, которая может описываться такими характеристиками, как развитие, эволюция, сдвиги, деформация, трансформация, в значительной степени определяет региональное развитие.

Понятие и концепция ТСЭС сформировались на основе трудов многих экономико-географов. Наиболее полным и понятным, на наш взгляд, можно считать подход П.Я. Бакланова. Согласно ему, ТСЭС – это «пространственное сочетание групп населения, объектов и организаций хозяйства, инфраструктуры, сферы обслуживания и управления в пределах одной территории (от отдельного поселения до социально-экономического района в целом) вместе с разнообразными взаимосвязями между собой и территорией» [Бакланов, 2017; Бакланов, 2013].

ТСЭС, согласно П.Я. Бакланову состоит из структурных звеньев и элементов. С некоторой долей условности можно считать, что звенья отражают строение системы в территориальном аспекте, а элементы – в отраслевом.

Звенья ТСЭС бывают узловыми (поселения), линейными (транспортные сети), ареальными (сельскохозяйственные угодья, ареалы лесоразработок, освоения месторождений полезных ископаемых и др.), линейно-узловыми, линейно-ареальными, узлово-линейно-ареальными. Минимальным целостным структурным звеном ТСЭС, или «точкой отсчета» структуры является отдельное поселение, которое дополняется элементами транспортной сети и площадными структурами природопользования [Бакланов, 2017].

При этом функциональными *элементами* ТСЭС (рассматриваемыми, в первую очередь, в пределах узла) являются природные ресурсы и территория;

производственная и социальная инфраструктура; население; организации и предприятия сферы обслуживания и дополнительных видов деятельности; предприятия основных видов деятельности (специализированные и работающие на внешние рынки).

Среди элементов звена ТСЭС выделяются условно-постоянные и условно-переменные [Бакланов, 2013]. К условно-постоянным элементам относятся все те, которые обеспечивают функционирование поселения в целом (другими словами, выполняющие градообслуживающие функции). К условно-переменным элементам относятся предприятия со специализированными видами деятельности, продукция которых поступает на внешние (для данного поселения) рынки. Оба сектора в рамках узла (поселения) взаимосвязаны и формируют единый рынок труда.

Различные изменения в звеньях ТСЭС (изменение объемов производства, технологий, появление новых компаний или отраслей специализации), особенно в условно-переменном блоке элементов, влияет на другие элементы звена, меняет внутреннюю структуру поселения и распространяется на внешние звенья (специализацию других поселений, транспортную инфраструктуру, ареалы природопользования). Эти изменения составляют структурные трансформации в ТСЭС, представляющие основу регионального развития.

При этом выделение ТСЭС для рассмотрения процессов регионального развития возможно на двух уровнях: районном, где возможно наблюдение за макроэкономическими показателями динамики населения, ВРП, выпуска продукции, инвестиций, не отражающих территориальной привязки изменений внутри района, и территориальном (поселений или иных звеньев), где видны «строгое пространственное содержание, выражение и территориальная привязка» этих изменений, существует возможность проследить структурные трансформации [Бакланов, 2017].

Иностранные промышленные компании, как и иные промышленные компании, являются для ряда населенных пунктов как звеньев ТСЭС ключевыми предприятиями, формирующими их специализацию. Соответственно, изменение в деятельности такой компании (например, приостановка или сокращение ее деятельности) как важного функционального элемента, влияет на другие элементы данного населенного пункта как звена ТСЭС: саму территорию, производственную

и социальную инфраструктуру, в том числе транспортную, население, дополнительные виды деятельности и сферу обслуживания, а также на другие структурные звенья ТСЭС, то есть, другие населенные пункты и территории.

Несмотря на то, что рассмотрение изменений в ТСЭС наиболее правильно проводить на уровне одного или нескольких населенных пунктов или на уровне экономических районов, существуют ограничения статистических данных на этих масштабных уровнях, что в реальности делает наиболее возможным анализ изменений в ТСЭС на уровне муниципальных образований и регионов, в границах которых мы в рамках данной работы, и проводим исследование.

Шокоустойчивость территорий

В рамках исследований влияния кризисов на территории, некоторыми российскими экономистами и экономико-географами [Жихаревич и др., 2020; Земцов, Волошинская, 2024; Замятина и др., 2020] используется концепция шокоустойчивости ТСЭС или территорий.

Под шокоустойчивостью, жизнестойкостью или резильентностью (resiliense) ТСЭС или территории понимается способность системы противостоять внешним шокам, адаптироваться, восстанавливаться и возвращаться на прежнюю траекторию развития, причем как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде.

Шокоустойчивость ТСЭС рассматривается как функция ряда подсистем (экономической, социальной, инфраструктурной и др.) [Жихаревич и др., 2020] или элементов ТСЭС. Шокоустойчивость может выступать ключевым параметром в управлении ТСЭС. При этом шокоустойчивость может оцениваться и управляться как априорно (до наступления шокового воздействия), так и апостериорно (после шока).

В рамках данной работы уход и сокращение деятельности иностранных компаний рассматривается как шоковое воздействие для территорий уровня регионов и муниципальных образований, поэтому концепция шокоустойчивости играет важную роль в объяснении воздействия данного шока на территории и их адаптации к нему.

1.3.4. Исследования современных факторов экономической динамики регионов России

Исследования различных факторов экономической динамики регионов России в кризисные периоды (в том числе после 2022 г.) позволяют понять их и вычлениить среди них действие фактора ухода иностранных компаний.

К настоящему времени появился круг работ, посвященных трансформациям социально-экономической ситуации в регионах России в кризисы и межкризисные периоды последних десятилетий. Они представляют интерес как с точки зрения причин этих изменений, так и самих изменений, выражаемых в конкретных показателях. В исследованиях кризиса 2022 г. значительная роль уделяется факторам санкций и ухода иностранных компаний.

Исследования *влияния санкций* на социально-экономическое развитие в России и ее регионах начали появляться еще после кризиса 2014 г. [Зубаревич, 2015; Климанов, Варданян, 2019; Дуплинская, Кобелева, 2015; Авраменко, 2015; Климова, Мурашкина, 2015; Казанцев, 2016; Кузнецова, 2015; Кузнецова, 2016а; Кузнецова, Михайлов, 2019]. То же самое справедливо сказать и для направления работ по импортозамещению [Голова, Суховой, 2020; Матвеева и др., 2015; Татаркин и др., 2015].

В то же время, исследований, где рассматривается влияние ухода иностранных компаний на экономическое и региональное развитие до 2022 г., практически не было, так же, как и работ, изучающих влияние санкций на деятельность иностранных компаний. Это произошло во многом потому, что несмотря на отток иностранного капитала в стране после 2014 г., массового ухода иностранных компаний до 2022 г. не отмечалось [Землянский и др., 2022].

В зарубежных исследованиях влияние санкций на экономическое развитие рассматривается преимущественно на национальном уровне (к примеру, в таких странах, как Китай, Иран и Югославия [Кнобель и др., 2019а, 2019b]). Так, в работе [Neuenkirch, Neumeier, 2015] делается вывод о снижении потенциальных темпов роста ВВП в странах, в отношении которых введены санкции. В работе [Ситкевич, Стародубровская, 2022] последствия санкций разделяются на краткосрочные (разрыв внешнеторговых связей, зарубежного финансирования, соответственно

рост инфляции, падение доходов населения, снижение деловой активности) и долгосрочные (снижение доступа к технологиям, уход компаний).

Оценки последствий кризиса, начавшегося в 2022 году приведены в работе [Зубаревич, 2022]. Согласно ей, более всего пострадали регионы со специализацией на экспорте сырья, Москва и Санкт-Петербург как два мировых города, интегрированных в глобальные финансовые и торговые потоки, приморские регионы, расположенные на основных транспортно-логистических маршрутах, регионы с крупными современными машиностроительными предприятиями, встроенными в глобальные цепочки поставок.

Влияние санкций и иных факторов на динамику промышленного производства и розничной торговли в регионах рассматривается в работах [Зубаревич, 2025; Малкина, 2024а], на региональные бюджеты – в статье [Землянский, Климанов, 2025]. Комплексный разбор динамики различных социально-экономических показателей (промышленное производство, инвестиции, строительство, бюджеты, доходы населения и др.) регионов в 2022–2023 гг. представлен в работе [Зубаревич, 2023]. О влиянии приостановки деятельности совместных предприятий на нарушение производственных цепочек и сокращение деловой активности говорится в работе [Демидова, 2022]. Динамика доходов по муниципальным образованиям в новых условиях анализируется в работе [Кузнецова, Ксенофонтов, 2025].

Для оценки ситуации рассчитываются и интегральные показатели. Расчеты интегрального индекса санкционного риска в регионах проведены в исследовании [Земцов, 2024], интегрального индекса стресса регионов в кризисные периоды – в работе [Малкина, 2024б]. Эконометрические оценки влияния кризисных факторов на индекс шокоустойчивости регионов – в статье [Земцов, Волошинская, 2024].

Для оценки влияния санкций и кризисов на экономику российских регионов оправдано использование подхода шокоустойчивости или жизнестойкости (resilience) регионов к санкциям и иным воздействиям. В одной из последних работ [Земцов, Волошинская, 2024] обнаруживается, что жизнестойкость регионов России определяется их отраслевой специализацией, уровнем сложности экономики, развитостью человеческого капитала, вовлеченностью в

международные связи, государственной поддержкой. Существуют и более ранние работы, использующий этот подход, например [Михеева, 2021; Кузнецова, 2022].

В недавних исследованиях С.П. Земцова [Земцов и др., 2023; Земцов, Волошинская, 2024; Земцов, 2024] с помощью построения регрессионных моделей предпринимаются попытки смоделировать экономический рост в регионах России и иные параметры с учетом фактора ухода иностранных компаний после 2022 г.

В большинстве работ по факторам экономической динамики регионов России в кризисные периоды, *уход иностранных компаний* рассматривается все же как дополняющий негативное влияние санкций фактор. В то же время, существуют исследования, где уход иностранных компаний рассматривается как «кризисно-позитивный» фактор: в работе [Землянский, Чуженькова, 2025] делается вывод, что вместе с уходом иностранных компаний снижается зависимость от импорта, а в работах [Земцов и др., 2023; Земцов, 2025] отчасти подтверждается гипотеза, что уход иностранных компаний высвободил рыночную нишу для роста отечественных компаний. Также, к положительным эффектам ухода иностранных компаний стоит отнести доходы федерального бюджета от сделок по продаже активов иностранных компаний [Егоров, Чатурова, 2024].

Несмотря на существование работ по влиянию различных шоковых ситуаций на регионы, попытки *классифицировать* регионы по выраженности данного явления и влиянию на региональное развитие проводятся в недостаточной степени. При построении подобных классификаций стоит опираться на ряд фундаментальных работ, например [Тикунов, 1997; Бутс и др., 2002]. С методической точки зрения нам интересно исследование [Бутс и др., 2002] и продолжающее его [Барина и др., 2015, где проводятся типологии регионов России для целей региональной политики.

В противоположность эконометрическому способу определения эффектов различного рода воздействий для социально-экономического развития территорий сформировался подход, рассматривающий эффекты на дробном территориальном уровне – *уровне муниципальных образований*. Так, например, в статье [Кузнецова, 2025] социально-экономические трансформации, происходящие в новых экономических условиях после 2022 г., анализируются по разным типам муниципалитетов (выделенных в работе [Кузнецова, 2024]) с помощью

показателей динамики фонда оплаты труда (ФОТ), налогооблагаемых доходов, выручки организаций, соотношения налогооблагаемых доходов к ФОТ.

Если посмотреть шире, присутствуют работы по влиянию инвестиций в целом на развитие территорий даже на уровне муниципальных образований. Так, в работе [Демидова, 2024] рассматривается влияние инвестиционных проектов на разных стадиях реализации на такие характеристики муниципальных образований, как численность населения, численность занятых, налогооблагаемые доходы, оборот розничной торговли, оборот общественного питания, ввод в действие жилых домов. В статье [Горячко, 2014] рассматривается влияние крупного инвестиционного проекта также на территориальную структуру городского округа.

Выбор показателей для выявления эффектов различных явлений, в том числе кризисных, для социально-экономического развития территорий во многом зависит от масштабного уровня. На региональном уровне рассматриваются преимущественно такие экономические показатели, как динамика ВРП, промышленного производства, инвестиций, налоговых отчислений и региональных бюджетов, используются подходы, рассчитывающие различные интегральные показатели, в том числе с позиций шокоустойчивости (резильентности) регионов. На уровне муниципальных образований рассматривается больше показателей, связанных с рынками труда, таких как занятость, зарплаты, доходы населения. На их основе далее могут оцениваться изменения налоговых доходов местных бюджетов, развитие обслуживающих отраслей, инфраструктуры и иных характеристик территорий.

Краткие выводы по Главе 1

Несмотря на деглобализацию мирового хозяйства, уход иностранных компаний остается малоизученным направлением исследований.

Тема ухода иностранных компаний связана, с одной стороны, с исследованиями ПИИ, с другой – с исследованиями регионального развития, его факторов, и шокоустойчивости территорий.

Факторы ухода иностранных компаний применительно к ситуации в России после 2022 г. неоднозначны: связаны не только с экономическими показателями деятельности компаний (которые считаются основными факторами в большинстве

проанализированных исследований), но и с политическими и институциональными изменениями, а также с ограничениями во внешней торговле и перемещении товаров. Кроме того, ряд факторов действует в роли барьеров ухода иностранных компаний: как экономические (прибыльность, невозвратные издержки), так и регуляторные юридические.

Согласно проведенному обзору литературы, эффекты ухода иностранных компаний преимущественно обратны эффектам притока прямых иностранных инвестиций и проявляются в отрицательном влиянии на экономический рост и развитие, производственную, экспортную деятельность, рынки труда (занятость, зарплаты), технологическое развитие, развитие человеческого капитала, специализированных факторов и др. При этом ряд исследований выделяет и некоторые положительные эффекты.

Эффекты ухода иностранных компаний на национальном, региональном и локальном уровнях могут различаться, для чего необходимо рассмотрение различных показателей на каждом из них.

На современном этапе уход иностранных компаний вместе с санкциями и иными параметрами может быть рассмотрен как фактор социально-экономической динамики территорий. При этом уход и сокращение деятельности иностранных компаний сами в некоторой степени определяются санкционными ограничениями. Кроме того, параллельно с уходом иностранных компаний преимущественно из «недружественных» стран, действует тенденция увеличения присутствия компаний из «дружественных» стран, хотя возможности полного замещения рынка ими остаются дискуссионными.

Оценок масштабов и роли ушедших и ограничивших деятельность иностранных компаний в экономике страны и регионов может быть недостаточно для выявления эффектов ухода и изменения деятельности иностранных компаний в регионах России.

Методически чистое влияние ухода и изменения деятельности иностранных компаний на социально-экономическую динамику территорий может быть оценено как построением регрессионных моделей, учитывающих другие факторы этой динамики, с другой – рассмотрением явления на достаточно детальном масштабном уровне, где влияние других факторов более прозрачно.

Глава 2. Методика исследования и оценки роли ушедших иностранных компаний в экономике России, ее отраслей и регионов после 2022 г.

2.1. Общая схема методики исследования

В общем виде исследование представляет собой последовательную цепочку решаемых задач:

- 1) Косвенные и непосредственные оценки масштабов и долей заявивших об уходе, ушедших, сокративших деятельность иностранных компаний в экономике отраслей (в том числе промышленности) и регионов России, выбор наиболее релевантных показателей для дальнейшего анализа;
- 2) Верификация и анализ оценок масштабов и долей иностранных компаний в экономике отраслей и регионов;
- 3) Классификация регионов России по доле ушедших иностранных компаний, экономической и промышленной динамике, а также по специализации ушедших иностранных компаний;
- 4) Определение эффектов, возникающих в регионах разных типов в связи с уходом иностранных компаний, через построение регрессионных моделей;
- 5) Рассмотрение эффектов ухода и изменения деятельности иностранных компаний на внутрирегиональном уровне в регионах-ключках в связке с динамикой основных социально-экономических показателей.

Оценки масштабов и долей иностранных компаний в экономике регионов для целей взаимной верификации рассчитаны в исследовании двумя способами – косвенным и непосредственным.

Косвенные оценки представлены показателем риска ухода иностранных компаний, отражающим долю иностранных компаний, которые потенциально могут уйти, получаемым при умножении доли иностранных компаний в экономике регионов на долю так называемых «недружественных»¹⁷ стран в накопленных ПИИ

¹⁷ Под «недружественными» странами понимаются «иностранное государства и территории, совершающие в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия», а именно: Австралия, Албания, Андорра, Великобритания, включая коронные владения и подконтрольные заморские территории, государства-члены Европейского союза, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, Сан-Марино, Северная Македония, Сингапур, Соединенные Штаты Америки, Тайвань (Китай), Украина, Черногория, Швейцария, Япония в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. №430-р.

в регионах (делается допущение, что могут уйти все компании из «недружественных» стран).

Показатели получены из следующих источников:

1. Данные Росстата о численности занятых и выручке организаций иностранной и совместной российской и иностранной собственности (на 2021 год) в разрезе регионов России;

2. Данные Банка России по накопленным прямым иностранным инвестициям (остатки по пассивам (обязательствам) за весь период наблюдений период по состоянию на конец 2021 г.) в разбивке по регионам России и по странам-инвесторам (или группам стран).

Непосредственные оценки представляют собой агрегированные в необходимых разрезах данные по российским подразделениям иностранных компаний, собранные в авторской базе данных.

Непосредственные оценки роли заявивших об уходе и ушедших иностранных компаний основываются на следующих источниках:

3. Открытые данные и информация иностранных компаний об их присутствии в России и о различного рода ограничениях их деятельности в России после 2022 г., на основании которых составлен перечень компаний на конец 2022, 2023 и 2024 гг.

4. Данные о структуре собственности и бухгалтерская отчетность организаций (за период 2017–2024 гг.), размещенные в СПАРК-Интерфакс¹⁸ и государственном информационном ресурсе бухгалтерской (финансовой) отчетности ФНС России¹⁹.

Для получения непосредственных оценок предприняты следующие шаги. На *первом шаге* был сформирован перечень иностранных компаний с указанием различных статусов по заявлениям (уход, приостановка деятельности, сокращение операций, отказ от инвестиций). После этого, к иностранным компаниям в перечне были подобраны российские юридические лица, находящиеся во владении этих компаний (для включения в выборку принят критерий доли конечного владельца в

¹⁸ СПАРК [Электронный ресурс]. – URL: <https://spark-interfax.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁹ Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности [Электронный ресурс]. – URL: <https://bo.nalog.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

уставном или акционерном капитале не менее 10% на начало 2022 г.), а также их представительства в России.

Именно такая методика, основанная на поиске российских подразделений собственно иностранных компаний, позволяет исключить попадание в нее офшорного капитала.

Далее российские юридические лица во владении иностранных компаний и их представительства обозначаются как «иностранные компании», именно по ним проводится дальнейший количественный анализ.

На *втором шаге* компании из составленной выборки были верифицированы на предмет ликвидации или смены собственника на российского или иного иностранного (при этом учитывался конечный собственник, доля которого в уставном или акционерном капитале не менее 50%, поскольку требовалась однозначность параметра для каждой компании) в 2022–2024 гг. путем обработки и анализа данных о собственности в СПАРК-Интерфакс. Таким образом, компаниям, удовлетворяющим этим условиям, присваивался статус «ушедшая».

На *третьем шаге* составленный перечень был дополнен основными показателями бухгалтерской отчетности и иными характеристиками компаний за 2017–2021 гг. (далее для анализа используются средние за период 2017–2021 гг. значения показателей) по данным СПАРК-Интерфакс и государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности ФНС России. Несмотря на доступность в 2025 г. данных бухгалтерской отчетности за 2022–2024 гг., для оценки масштабов деятельности иностранных компаний преднамеренно был выбран период до 2022 г., поскольку анализ данных за 2022, 2023 или 2024 гг., когда значительная часть компаний уже объявила об уходе из России, привел бы к некорректной оценке изначальной роли уходящих иностранных компаний в экономике отраслей и регионов.

Основными показателями для анализа были выбраны выручка, среднесписочная численность персонала как наиболее релевантные характеристики масштаба деятельности компаний. В отдельных случаях анализировались показатели внеоборотных активов, всех активов, основных средств, налогов.

На *четвертом шаге* показатели по компаниям были агрегированы (абсолютный показатель масштаба) и проанализированы в страновом, отраслевом и

региональном разрезе, а также сопоставлены с официальными статистическими данными Росстата по России в целом, отдельным регионам и отраслям: ВВП, инвестициями в основной капитал, среднесписочной численностью персонала и оборотом организаций (относительный показатель роли).

Как сказано выше, ушедшими иностранными компаниями считались те, которые были ликвидированы или сменили собственников в 2022–2024 гг. В то же время, полагая, что смена собственника может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние, а также имеет временной лаг, на *пятом шаге* была рассмотрена динамика их численности занятых и выручки в 2022–2024 гг. (к 2021 г.). Данный период покрывает как шоковое воздействие, так и частичные или полные адаптацию и восстановление экономики территорий после него.

На *шестом шаге* для верификации оценок и выявления отраслевых и региональных закономерностей ухода иностранных компаний был проведен анализ соответствующих новостей по компаниям на предмет смены собственности, ведения деятельности предприятия, изменения его основных показателей (в первую очередь, численности персонала) в 2022–2024 гг. За основу взяты рейтинги крупнейших иностранных компаний России Forbes²⁰ на 2021, 2022, 2023 и 2024 гг., содержащие информацию об основных компаниях, их выручке и производствах. Эта информация была дополнена новостями основных отечественных новостных агентств (Интерфакс, РБК, Коммерсант, Ведомости, Известия, ТАСС, РИА Новости, а также отраслевых и региональных СМИ) и портала T Adviser.

На дальнейших этапах использовались различного рода статистические показатели на региональном и муниципальном уровнях, полученные с сайтов ЕМИСС, Росстата, БДПМО Росстата, ФНС и др.

В работе употребляются такие термины, как роль и изменение роли иностранных компаний. Под *ролью* иностранных компаний понимается их вклад в ВРП, промышленное производство, занятость, налоговые отчисления и иные аспекты экономики регионов и муниципальных образований. В более упрощенном виде под ролью может пониматься вклад по одному из этих показателей.

²⁰ 50 крупнейших иностранных компаний в России. Рейтинг Forbes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/441733-50-krupnejsih-inostrannyh-kompanij-v-rossii-2021-rejting-forbes> (дата обращения: 01.01.2025).

Под *изменением роли* иностранных компаний понимается характеристика, отражающая, насколько изменится роль иностранных компаний при их уходе или сокращении деятельности. В упрощенном виде она может характеризоваться долей компаний, совершивших соответствующие действия, в более сложном – масштабами сокращения деятельности и т.д.

Цель работы включает определение масштабов, роли и эффектов ухода и сокращения деятельности именно *промышленных* иностранных компаний, поскольку они играют основную роль в экономике большинства регионов (за исключением столичных агломераций) и проще анализируются на крупномасштабном уровне, чем набор всех иностранных компаний. Тем не менее, рассмотрение оценок по всем иностранным компаниям также обосновано, потому что более полно отражает картину ухода и изменения деятельности, и дает понять роль промышленности в ней. Поэтому исследование проводится как для всех иностранных компаний, так и для промышленных. Под промышленными компаниями понимаются те, которые имеют вид экономической деятельности, отнесенный ОКВЭД к разделам В, С, D или E.

Классификация иностранных компаний проведена с применением инструментария агломеративного иерархического кластерного анализа и концептуально учитывает уход иностранных компаний как шок, изменение ВРП и промышленного производства как реакцию на него и показатели развития региональной экономики как характеристики устойчивости к шокам. Кроме того, дополнительно проведена классификация регионов с ушедшими иностранными компаниями по специализации этих компаний.

При определении **эффектов ухода и сокращения деятельности иностранных компаний** для социально-экономического развития территорий необходимо выявлять именно чистые (по возможности очищенные от влияния других факторов, например, санкций) эффекты. На наш взгляд, это реализуемо двумя путями, которыми мы следуем в рамках работы:

1. Построением регрессионных моделей зависимости динамики основных региональных показателей от множества факторов (ухода иностранных компаний, санкций и др.);

2. Рассмотрением влияния ухода или сокращения деятельности на динамику показателей территорий на достаточно детальном масштабном уровне (например, уровне муниципальных образований), где влияние других факторов более объяснимо и прозрачно (чем, например, на региональном).

Безусловно, полностью очистить влияние ухода и сокращения деятельности иностранных компаний от влияния санкций не всегда возможно, поскольку они влияют на развитие регионов и муниципальных образований не только параллельно с ними, но и в некоторой степени определяя уход и сокращение деятельности иностранных компаний. Анализ влияния санкций на развитие территорий может служить предметом отдельного исследования.

При **эконометрическом анализе** построены многомерные (учитывающие различные факторы (в том числе уход иностранных компаний и санкции)) регрессионные модели динамики основных социально-экономических показателей регионов России: ВРП, промышленного производства, занятости, инвестиций. Обоснование выбора конкретных показателей, закладываемых в модели, а также методики их построения в целом отражены в Разделе 3.2.

В качестве теоретической модели в регрессионном анализе используется производственная функция. При построении регрессионных моделей проверяется значимость тестируемых переменных в рамках выдвинутых гипотез. Также модели оцениваются для регионов различных типов (соответствии с отраслевой специализацией ушедших иностранных компаний).

Для выявления пространственных экстерналий тестируемой переменной (доли ушедших компаний) перед построением регрессионных моделей рассчитывался индекс Морана, показывающий наличие таких экстерналий.

Выводы, сделанные при оценках регрессионных моделей, касающиеся эффектов влияния ухода иностранных компаний на динамику ВРП, промышленного производства, занятости и инвестиций, верифицировались с помощью метода разности разностей.

В рамках данного исследования не оценивались мультипликативные эффекты ухода иностранных компаний для смежных отраслей, влияние данного процесса на технологическое развитие и иные среднесрочные и долгосрочные

эффекты, которые требуют более сложного методического аппарата и наблюдений за больший период времени.

Для выявления влияния исследуемых явлений, помимо проведения многомерного регрессионного анализа, также сопоставлялись масштабы ухода и сокращения деятельности с изменением конкретных социально-экономических показателей **на уровне муниципальных образований** регионов-ключей, и, кроме того, делалась попытка выявить географические закономерности в распределении данного влияния по территории данных регионов. Такой анализ проведен для двух регионов-ключей – Ленинградской и Калужской областей, которые являются одними из наиболее пострадавших.

Помимо того, что такой подход позволяет выявить по возможности чистое влияние ухода и сокращения деятельности иностранных компаний, он важен также потому, что во-первых, влияние на уровне отдельных муниципальных образований проявляется более сильно (ввиду концентрации иностранных компаний в ограниченном количестве муниципальных образований), во-вторых, влияние, реакция и адаптация территорий на уровне муниципальных образований имеет иной характер по сравнению с региональным и национальным уровнем.

При выборе показателей для сопоставления на уровне муниципальных образований мы исходили из рассмотренных выше исследований, проведенных на уровне муниципальных образований, и учитывали, что влияние на нем качественно отличается от влияния на региональном уровне и касается, в первую очередь, объемов производства, рынка труда (занятости, зарплата, фонда оплаты труда) и связанных с ним налоговых отчислений. Возможно также влияние на инвестиции и ряд других параметров, но, на наш взгляд, для их анализа требуется более длительный временной период. Обоснование выбора конкретных показателей для данного анализа приведено в Разделе 3.3.

При определении эффектов изменения деятельности иностранных компаний на уровне муниципальных образований, сопоставлялись и анализировались динамика показателей иностранных компаний в этом муниципальном образовании и динамика соответствующего показателя по муниципальному образованию в целом. Для этого, если они однонаправленные (обе отрицательные или обе

положительные), рассчитывалось их отношение, позволяющее сделать вывод о вкладе первой во вторую (в %).

Поскольку уход и сокращение деятельности рассматриваются как шоковое воздействие, для понимания шокоустойчивости регионов и муниципальных образований, важно учитывать и их адаптацию к данным шокам. Предполагается, что адаптация рынков труда к шоку сокращения занятости может происходить через переориентацию занятых на другие предприятия (что может выявляться, если динамика занятости по муниципальному образованию в целом более позитивная, чем по иностранным компаниям в нем) или уход занятых в малый бизнес или индивидуальное предпринимательство (что может быть зафиксировано через долю зарплат на крупных и средних предприятиях в налогооблагаемых доходах), либо вовсе через миграционный отток населения из муниципального образования.

Таким образом, методика исследования предполагает взаимную верификацию получаемых результатов, как в части оценок масштабов и долей ушедших и сокращающих деятельность иностранных компаний в экономике отраслей и регионов, так и в части эффектов этих явлений для социально-экономического развития регионов.

2.2. Косвенные оценки ухода иностранных компаний

Роль иностранных компаний в экономике России и ее регионов на начало 2022 г. могут характеризовать доля компаний иностранной и совместной российской и иностранной собственности в основных социально-экономических показателях регионов в 2021 г., публикуемых Росстатом, а также статистика Банка России о накопленных прямых иностранных инвестициях (ПИИ) на начало 2022 г. На основе них также могут быть рассчитаны косвенные оценки (показатели риска) ухода иностранных компаний.

Доля организаций иностранной и совместной иностранной и российской собственности в 2021 г., согласно данным Росстата, составляла 6,6% по численности занятых и 8,9% по выручке.

Среди регионов России по доле организаций иностранной и совместной собственности по численности занятых и выручке (Рисунки 8 и 9, Таблица А.1) выделяются регионы металлургии (Липецкая и Вологодская области), добычи полезных ископаемых (Красноярский край, Ямало-Ненецкий АО) и некоторые

другие, высокоспециализированные на экспортно-ориентированных отраслях (Новгородская область и др.), за счет того, что в них присутствуют предприятия с капиталом в офшорах, и реальные доли иностранных компаний существенно ниже. Но также выделяются регионы со значительной частью реальных накопленных ПИИ: Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Московская, Самарская, Калужская, Владимирская области, Республика Татарстан, Амурская область.

Рисунок 8. Доля организаций иностранной и совместной российской и иностранной собственности в регионах России по среднегодовой численности работников в 2021 г., %

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Рисунок 9. Доля организаций иностранной и совместной российской и иностранной собственности в регионах России по обороту организаций в 2021 г., %

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Таким образом, данный показатель существенно искажен включением данных по инвестициям из офшорных юрисдикций, что отражается на его территориальном распределении.

Более детальную информацию позволяет получить статистика Банка России по накопленным прямым иностранным инвестициям (ПИИ).

Стоит отметить, что статистические данные по ПИИ рассчитываются Банком России в двух разбивках: активов и пассивов (обязательств), а также оттока и притока. Кроме того, публикуемые данные представлены как в форме потока за конкретный период, так и в накопленной форме (в виде остатков) на конкретную дату.

Для того, чтобы охарактеризовать **накопленные ПИИ** в регионах России воспользуемся показателем остатков ПИИ, являющимися пассивами (обязательствами). Существующая по данному показателю статистическая информация позволяет провести анализ в разрезе регионов России инвестирования и стран-инвесторов²¹.

Публикуемые данные включают в себя инвестирование из офшорных юрисдикций. Для более достоверного анализа из них исключены инвестиционные потоки из таких стран-офшоров, как Кипр, Багамы, Бермуды, Виргинские британские острова, а также Южной Европе (доля Кипра в ней составляет более 80%), странам Карибского бассейна (доля соответствующих трех стран среди данной группы составляет практически 100%). В то же время, такие офшорные страны, как Нидерланды, Ирландия и Люксембург не исключаются из анализа, поскольку инвестиции из них содержат не только потоки офшорного капитала, но и реальные ПИИ.

Также, для более удобного расчета сумм и долей в разрезе регион инвестирования – страна-инвестор исключены отрицательные остатки ПИИ.

Наиболее крупным инвестором (за исключением перечисленных выше стран-офшоров) в накопленных ПИИ по состоянию на начало 2022 г. были страны Северной (19% от общего объема без стран-офшоров) и Западной Европы (12%), Ближнего и Среднего Востока (5%), Нидерланды (10%), Ирландия (8%), Люксембург (6%), Германия (6%), Соединенное Королевство (5%), Швейцария

²¹ В случае, если инвестиции не распределены по странам-инвесторам, данные представляются по соответствующим группам стран.

(5%). В целом на «недружественные» страны приходится 88% накопленных ПИИ в Российской Федерации.

При рассмотрении накопленных ПИИ в разрезе регионов России (Рисунок 10, Таблица А.1) прослеживается закономерность, что для большей части регионов-лидеров по объему накопленных ПИИ характерны относительно высокие показатели доли «недружественных» стран в инвестициях. Так, более 75% доля «недружественных» стран в ПИИ составляет в Москве, Санкт-Петербурге, Свердловской, Московской, Ленинградской, Новгородской, Липецкой, Тюменской, Самарской, Нижегородской областях, привлечших значительное количество реальных ПИИ, а также в Ямало-Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО – Югре, Красноярском крае, Кемеровской области, Республике Саха (Якутия), Челябинской области, в которых размещены активы крупных российских холдингов (с офшорным капиталом). Из первой 20-ки регионов по объему накопленных ПИИ доля «недружественных» стран составляет менее 75% только в Калужской и Калининградской областях и Краснодарском крае.

Рисунок 10. Объем накопленных ПИИ и доля «недружественных» стран-инвесторов на начало 2022 г.

Источник: рассчитано автором по данным Банка России.

При анализе накопленных ПИИ в разрезе стран происхождения (Рисунки 11 и 12) видно, что в большинстве регионов преобладают инвестиции из стран Западной Европы. В первую очередь, это Германия (Московская, Владимирская, Нижегородская, Саратовская области, без учета инвестиций, нераспределенных по странам (далее – «без нераспределенных»), – также Тульская, Рязанская, Ярославская, Воронежская, Архангельская, Тюменская области, Пермский край и Ямало-Ненецкий АО), а также Нидерланды (Москва, Республики Татарстан и Саха (Якутия), Ульяновская, Орловская, Сахалинская области, Ставропольский край, без нераспределенных – также Калининградская и Калужская области).

В остальном, как правило, сказывается фактор приграничного или относительно близкого положения к стране-инвестору, за исключением отдельных случаев, связанных со странами бывшего СССР.

Так, накопленные инвестиции Норвегии преобладают только в Мурманской области. Накопленные инвестиции Финляндии – в Республике Карелия и Тверской области, без нераспределенных – также в Новгородской области. Латвии без нераспределенных – в Псковской области.

Накопленные инвестиции Беларуси без нераспределенных – в приграничной Смоленской области, но также и в регионах, не имеющих общей границы с Белоруссией – Кировской области и Республики Крым.

Накопленные инвестиции Украины – в Брянской области, а также Белгородской, Курской, Ростовской областях (без нераспределенных), кроме того – в Республике Адыгея, Самарской области, а также в Вологодской, Тамбовской областях, Камчатском крае, Республиках Северная Осетия, Марий Эл, Мордовия, Чувашская и Удмуртская (без нераспределенных).

Накопленные инвестиции Казахстана – в соседствующих с ним Омской, Новосибирской областях, Алтайском крае, Республике Алтай, а также в Курганской, Челябинской Оренбургской областях (без нераспределенных). Кроме того, инвестиции Казахстана преобладают в ряде регионов, не имеющих общей границы с данной страной – Республиках Ингушетии и Чеченской, г. Севастополе, а также в Костромской области (без нераспределенных).

Накопленные инвестиции Узбекистана преобладают в Республике Башкортостан (без нераспределенных), Киргизии – в Карачаево-Черкесской Республике, Таджикистана – в Астраханской области.

Таким образом, в случае со странами бывшего СССР преобладание той или иной страны определяется не только соседством или близостью с регионом, но и его относительной слабой развитостью.

Распределение накопленных инвестиций Китая в регионах России также определяется преимущественно фактором соседства. Китай является крупнейшим инвестором в Забайкальском крае, а также Хабаровском крае, Еврейской АО, Амурской области, Республике Бурятия (без нераспределенных). Кроме того, Китай является крупнейшим инвестором в Краснодарском крае (без нераспределенных).

Япония является крупнейшим инвестором в Приморском крае (без нераспределенных), что подтверждает фактор территориальной близости.

Рисунок 11. Основные страны-инвесторы (с учетом инвестиций, не распределенных по странам) в объеме накопленных ПИИ на начало 2022 г. Источник: составлено автором по данным Банка России.

Крупнейшие страны инвесторы по накопленным ПИИ
(без оффшоров; без учета инвестиций, не распределенных по странам)

Рисунок 12. Основные страны-инвесторы (без учета инвестиций, не распределенных по странам) в объеме накопленных ПИИ на начало 2022 г. Источник: составлено автором по данным Банка России.

Соотнесение доли иностранных компаний и доли «недружественных» стран в ПИИ показывает положительную взаимосвязь между этими показателями (Рисунок 13). То есть, чем больше накопленных иностранных инвестиций привлечено регионом (как в абсолютном, так и в относительном выражении), тем больше в этих инвестициях доля «недружественных» стран.

Таким образом, в распределении доли «недружественных» стран в накопленных ПИИ среди регионов России видны следующие закономерности.

1. Чем больше накопленных ПИИ привлечено регионом (как правило, это более развитый регион), тем больше в нем доля «недружественных» стран (коэффициент корреляции 0,4), в первую очередь, стран Западной Европы. Это столичные агломерации (Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области), ряд промышленно развитых регионов Центра, Поволжья и Урала и некоторые ресурсные регионы Сибири и Дальнего Востока (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область).

2. Поскольку на распределение ПИИ в значительной степени влияет фактор соседства региона со страной-инвестором [Кузнецова, 2015; Кузнецова,

2016а, Кузнецова, 2016б], более высокие доли «недружественных» стран наблюдаются в регионах Европейских Севера и Северо-Запада (Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Мурманская, Архангельская области и Республика Коми), близкие к странам Северной Европы, а наиболее низкие – в восточных регионах, граничащих с Китаем (Амурская область).

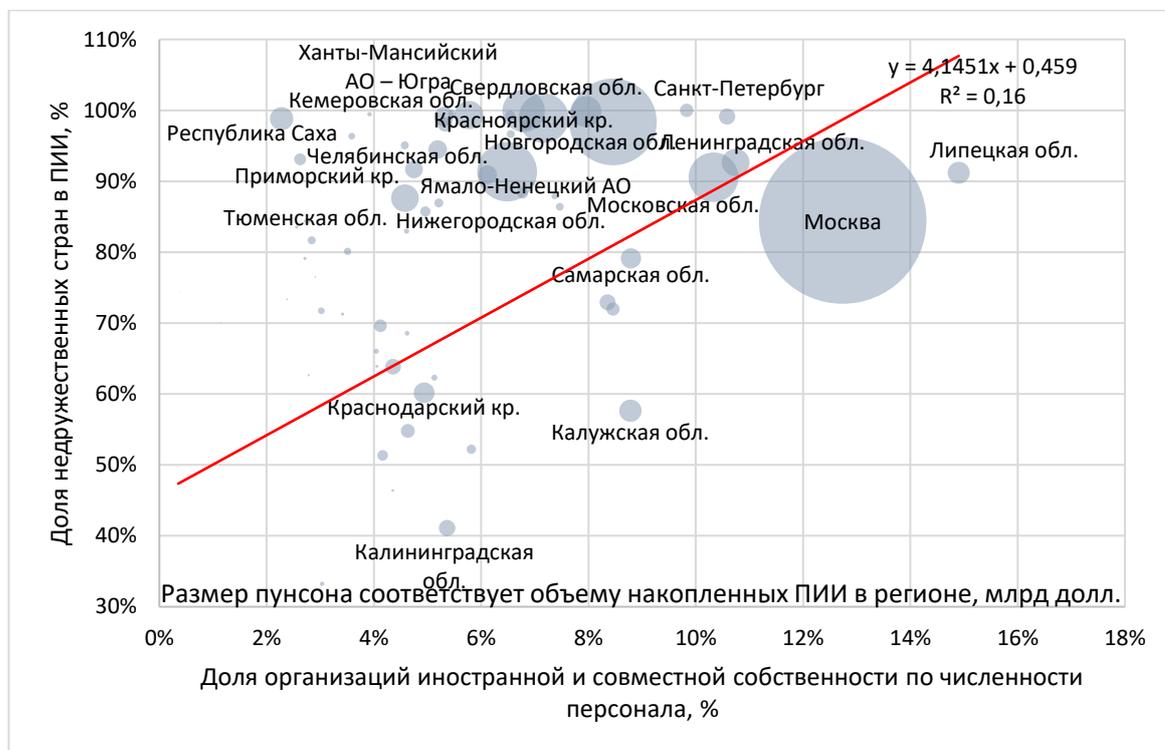

Рисунок 13. Соотнесение доли «недружественных» стран в накопленных ПИИ на начало 2022 г. в % и доли организаций иностранной и совместной иностранной и российской собственности по среднегодовой численности персонала в 2021 г. в %
 Источник: рассчитано автором по данным Росстата и Банка России.

Показатели доли иностранных компаний в 2021 г. и доли «недружественных» стран в ПИИ на начало 2022 г. вместе показывают риск ухода иностранных компаний в регионе. Произведение данных показателей характеризует **долю потенциально уходящих иностранных компаний** в экономике. Она в целом в экономике России составляет 5,8% по численности занятых и 7,8% по выручке.

Региональное распределение доли потенциально уходящих иностранных компаний отражено на Рисунке 14 и в Таблице А.1. Помимо металлургических Липецкой и Вологодской областей (где высокий показатель достигается за счет офшорного капитала крупнейших российских компаний), значения данного показателя высоки в Москве (11%), Ленинградской (10%), Московской (9%)

областях, Санкт-Петербурге (8%), Новгородской (8%), Свердловской (7%), Самарской (7%) областях, Республике Коми (7%).

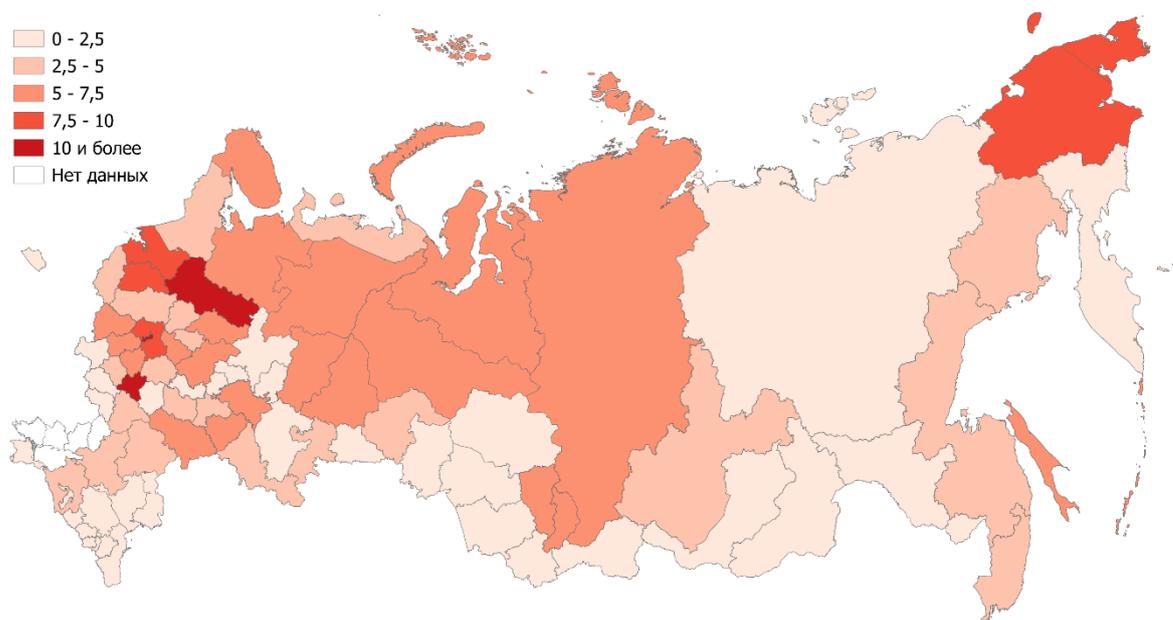

Рисунок 14. Доля потенциально уходящих иностранных компаний (произведение доли «недружественных» стран в накопленных ПИИ на начало 2022 г. и доли организаций иностранной и совместной иностранной и российской собственности по среднегодовой численности персонала в 2021 г.), %

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и Банка России.

Таким образом, наибольшие риски ухода иностранных компаний имеют более экономически развитые регионы, а также регионы Севера или Северо-Запада, расположенные близко к «недружественным» странам Северной Европы.

В целом, приведенные косвенные оценки обладают рядом недостатков: учетом офшорного капитала, а также наличием слишком сильных допущений. Непосредственные оценки, представленные далее, избегают данных недостатков, поэтому их использование наиболее оправданно.

2.3. Непосредственные оценки масштаба и роли ушедших и ограничивших деятельность иностранных компаний в отраслях и регионах России²²

Исследования ухода и иных ограничений деятельности иностранных компаний сложны тем, что, во-первых, изначальные их заявления не всегда соответствуют реальным действиям; во-вторых, смена или сохранение иностранного собственника предприятия – не всегда однозначно плохо или хорошо, поскольку оно может как продолжить, так и сократить или прекратить работу в обоих случаях (это подтверждается работой [Егоров, Чатурова, 2024]); в-третьих, реальный уход компаний (ликвидация или смена собственника) – явление, имеющее временной лаг и реализующееся в течении нескольких лет; в-четвертых, уход иностранных компаний – не единственный фактор региональной экономической динамики в 2022–2024 гг. (что подтверждается в работе [Зубаревич, 2025]): отрицательное влияние оказывают также санкции, положительное, особенно в 2023–2024 гг., – специализация регионов на отдельных отраслях²³.

Поэтому далее мы анализируем не только уход компаний (под которым понимаем ликвидацию или смену собственника), а также и изменение их деятельности, которые отражаются в изменении роли иностранных компаний в экономике регионов.

2.3.1. Роль иностранных компаний в экономике и промышленности России Масштабы и доли заявивших об ограничении деятельности иностранных компаний в экономике России

При анализе изменения роли иностранных компаний важно различать их заявления и реальные действия. Сначала следует рассмотреть масштабы

²² При работе над данным разделом диссертации использованы публикации автора: Бобровский Р.О. Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России // Федерализм. – 2023. – Т. 28. – №. 2. – С. 197–219; Бобровский Р.О. Оценка вклада уходящих и ушедших иностранных компаний в отраслях и регионах России // Федерализм. – 2024. – Т. 29. – №. 2. – С. 153-171; Бобровский Р.О. Место уходящих иностранных компаний в экономике отраслей и регионов России. Вып. 1. [Деп. РЭУ им. Г.В. Плеханова, 20.11.2023]. – М., 2023. – 10 с. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/xjmizm>; Бобровский Р.О. Место уходящих иностранных компаний в экономике отраслей и регионов России. Некоторые итоги 2023 г. Вып. 2. [Деп. РЭУ им. Г.В. Плеханова, 11.06.2024]. – М., 2024. – 12 с. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/hnhoxu>; Бобровский Р.О. Тенденции развития и модернизации промышленности регионов России. Итоги 2022 г. Вып. 4. [Деп. РЭУ им. Г.В. Плеханова, 21.04.2023]. – М., 2023. – 18 с. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/hzseoj>.

²³ Также это подтверждается коэффициентом корреляции между анализируемым далее показателем доли ушедших иностранных компаний и динамикой промышленного производства на уровне регионов России: если для 2022 г. он отрицателен (-0,06), что дает возможность предполагать, что уход иностранных компаний отрицательно влияет на экономическую динамику, то в 2023 и 2024 гг. он становится положительным (соответственно 0,15 и 0,31) и ставит данное предположение под сомнение.

иностранных компаний, сделавших заявления об ограничениях деятельности в России, и их доли в экономике.

В целом по России (Таблица 4) по итогам 2024 г. на компании²⁴, заявившие об уходе, пришлось 0,7% среднесписочной численности персонала (326 тыс. чел.) и 2,4% выручки (4,9 трлн руб.) всех организаций России, о приостановке деятельности – 0,3 и 2,0%, о сокращении операций – 0,2 и 1,2%, отказе от инвестиций – 0,3 и 1,8%, о продолжении деятельности – 0,2 и 0,6%.

Если рассмотреть только промышленные компании и их доли в промышленности, то на заявившие об уходе придется соответственно 1,2% (118 тыс. чел.) и 2,4% (1,9 трлн. руб.), о приостановке деятельности – 0,7 и 1,8%, о сокращении операций – 0,5 и 1,1%, отказе от инвестиций – 0,7 и 2%, о продолжении деятельности – 0,3 и 0,3%. Как видно, доли иностранных промышленных компаний в общепромышленной численности занятых практически в 2 раза выше, чем доля всех иностранных компаний в общеэкономической численности занятых, в случае с выручкой – доли примерно совпадают.

Таблица 4. Масштабы и доли иностранных компаний различных статусов по заявлениям в экономике и промышленности России в 2022–2024 гг.

Статусы компаний	Все иностранные компании						Иностранные промышленные компании					
	Численность занятых, тыс. чел. (% от общей по экономике)			Выручка, млрд руб. (% от общей по экономике)			Численность занятых, тыс. чел. (% от общей по экономике / промышленности)			Выручка, млрд руб. (% от общей по экономике / промышленности)		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Уход	207 (0,5)	316 (0,7)	326 (0,7)	2715 (1,3)	4679 (2,3)	4860 (2,4)	86 (0,2/0,9)	111 (0,3/1,1)	118 (0,3/1,2)	1338 (0,6/1,7)	1719 (0,8/2,2)	1885 (0,9/2,4)
Приостановка деятельности	153 (0,4)	136 (0,3)	136 (0,3)	4123 (2)	4223 (2)	4223 (2)	69 (0,2/0,7)	67 (0,2/0,7)	67 (0,2/0,7)	1361 (0,7/1,7)	1443 (0,7/1,8)	1443 (0,7/1,8)
Сокращение операций	112 (0,3)	104 (0,2)	99 (0,2)	3567 (1,7)	2543 (1,2)	2445 (1,2)	51 (0,1/0,5)	52 (0,1/0,5)	47 (0,1/0,5)	1215 (0,6/1,5)	941 (0,5/1,2)	854 (0,4/1,1)
Отказ от инвестиций	124 (0,3)	145 (0,3)	141 (0,3)	3175 (1,5)	3814 (1,9)	3743 (1,8)	61 (0,1/0,6)	76 (0,2/0,8)	73 (0,2/0,7)	1120 (0,5/1,4)	1635 (0,8/2)	1558 (0,8/2)
Продолжение деятельности	196 (0,4)	92 (0,2)	91 (0,2)	3025 (1,5)	1346 (0,7)	1335 (0,6)	65 (0,2/0,6)	27 (0,1/0,3)	27 (0,1/0,3)	974 (0,5/1,2)	269 (0,1/0,3)	268 (0,1/0,3)

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

²⁴ При анализе количественных показателей под иностранными компаниями понимаются российские подразделения (юридические лица), филиалы и представительства иностранных компаний. Число собственно иностранных компаний составляет 1590, а число их российских подразделений, филиалов и представительств – 4257.

Доля иностранных компаний, заявивших об уходе, во внеоборотных активах (которые помимо основных фондов предприятий включают нематериальные активы и иные активы) оценивается в 0,8%, в инвестициях (за инвестиции в разрезе компаний принят прирост внеоборотных активов) – в 0,4%.

При рассмотрении динамики долей иностранных компаний в экономике и промышленности за 2022–2024 гг. видно, что в 2023 г. увеличилась доля компаний, заявивших об уходе, но далее она не изменялась. То есть, ряд компаний, первоначально в 2022 г. заявивших о более мягких ограничениях или продолжении деятельности, в 2023 г. все же принял решение уйти.

Соответственно, доля иностранных компаний, сделавших какие-либо заявления в целом в экономике России, составляет 1,8% по численности занятых (меньше, чем данные Росстата по организациям иностранной и совместной собственности – 6,6%) и 8,1% по выручке (примерно соответствует данным Росстата – 8,9%). Учитывая то, что некоторая часть компаний (даже из «недружественных» стран) не сделала заявления об ограничениях деятельности, рассчитанные оценки можно считать достоверными.

Реальный уход иностранных компаний в экономике России

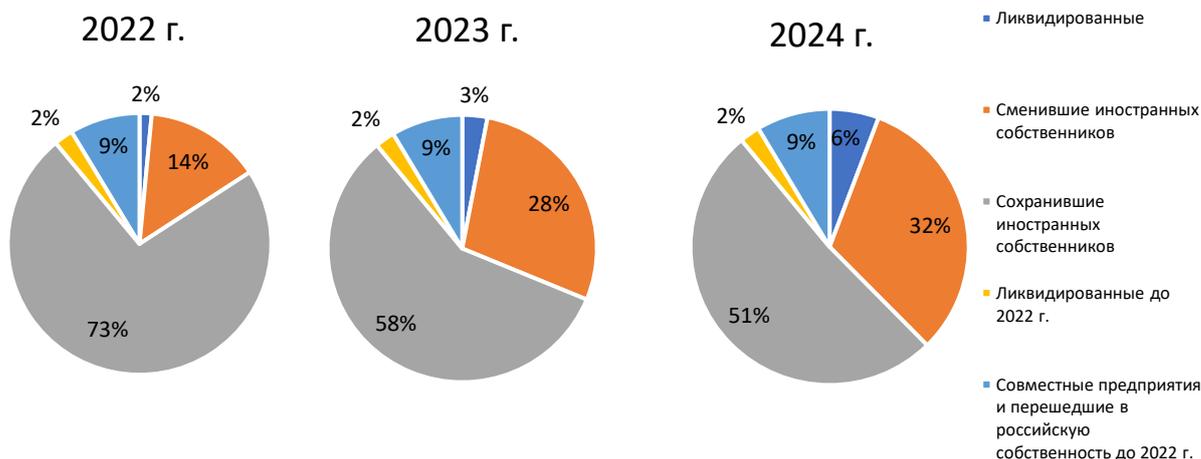
Оценка масштабов реального ухода иностранных компаний из России проведена путем проверки для иностранных компаний фактов ликвидации и изменения собственника на российского или иного иностранного в 2022–2024 гг. Так, среди всего анализируемого количества иностранных компаний (Рисунки 15, 16, 17) и среди промышленных иностранных компаний (Рисунки 18, 19, 20) по численности занятых:

- доля ликвидированных среди всех компаний увеличилась с 2% в 2022 г. до 6% в 2024 г.;
- доля сменивших собственников среди всех компаний увеличилась с 14% в 2022 г. до 32% в 2024 г.; среди промышленных – с 17% до 37%;
- доля сохранивших иностранных собственников среди всех компаний сократилась с 73% в 2022 г. до 51% в 2024 г.; среди промышленных – с 66% до 45%.

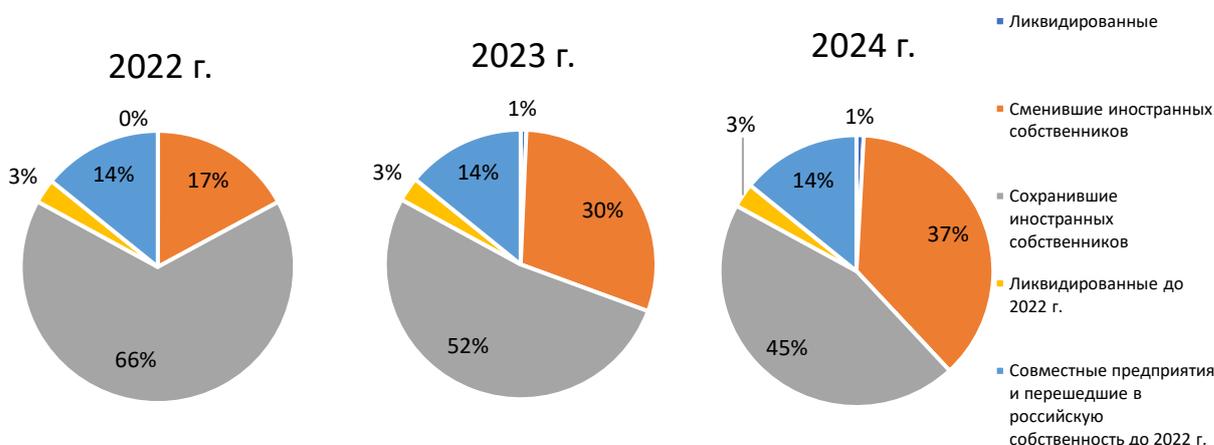
То есть, доля реально ушедших компаний среди всех иностранных компаний по численности занятых в 2022 г. составила 16%, в 2024 г. – 38%; среди

промышленных компаний наблюдаются примерно такие же доли.

В случае с выручкой всех компаний, доли в 2022 и 2024 гг. составили соответственно 10 и 33%, что ниже, чем по численности занятых, промышленных – 16 и 40%, что совпадает с долями по численности занятых. Таким образом, если речь идет о всех иностранных компаниях, то действительно можно говорить о том, что ушли менее производительные, в случае с промышленными так сказать нельзя.

Рисунки 15, 16, 17. Реальные статусы всех иностранных компаний на 2022, 2023 и 2024 гг. (структура по среднесписочной численности персонала).

Рисунки 18, 19, 20. Реальные статусы иностранных промышленных компаний на 2022, 2023 и 2024 гг. (структура по среднесписочной численности персонала).

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс.

Как ликвидация, так и смена собственника имеют отложенный характер, поэтому наблюдается поступательный рост доли ликвидированных и сменивших собственников иностранных компаний на протяжении 2022–2024 гг. (в отличие от заявлений компаний, распределение которых в 2023–2024 гг. существенно не менялось). Эту закономерность также подтверждает Рисунок 21, на котором показано, что основные ликвидации пришлись на 2023 и 2024 гг., а не 2022 г.

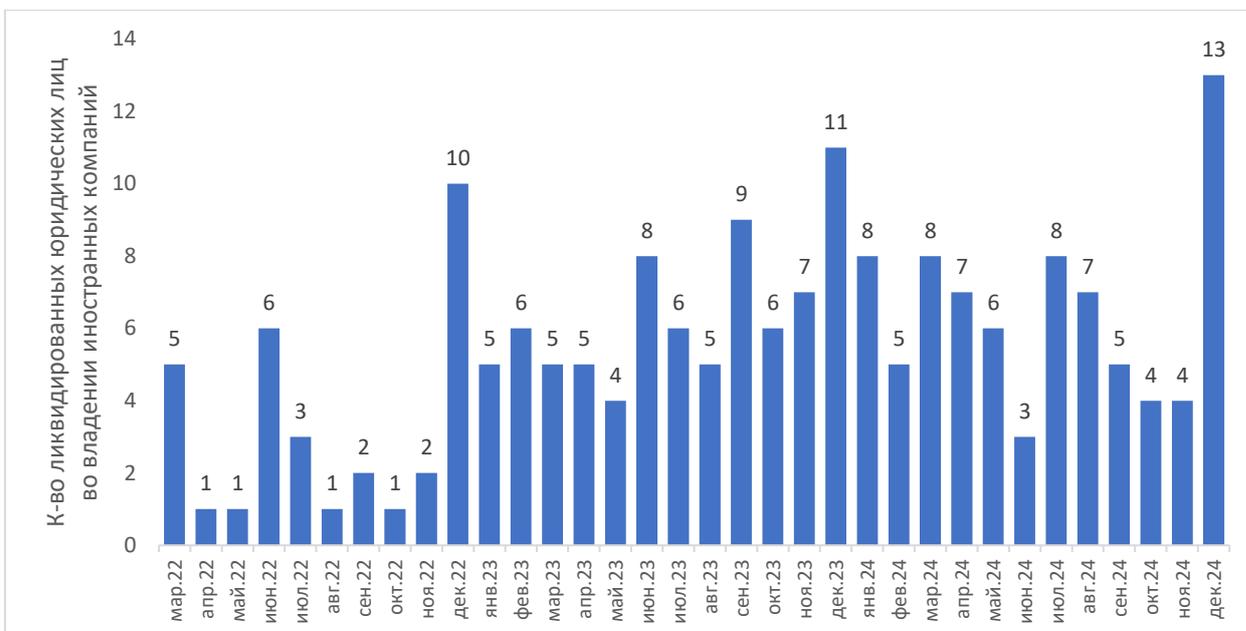
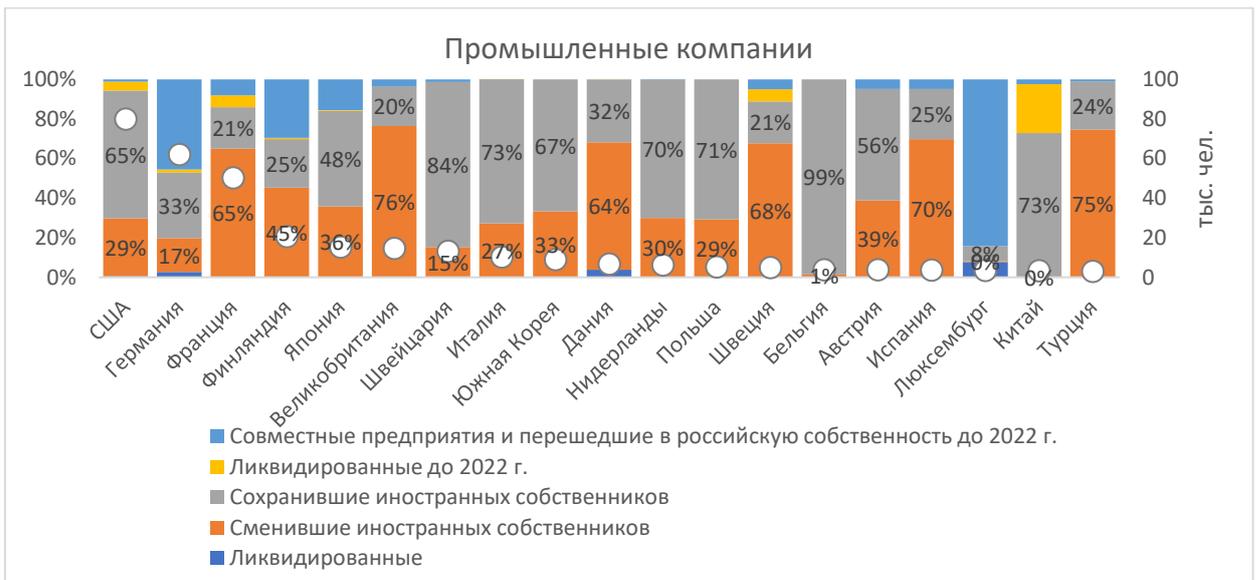
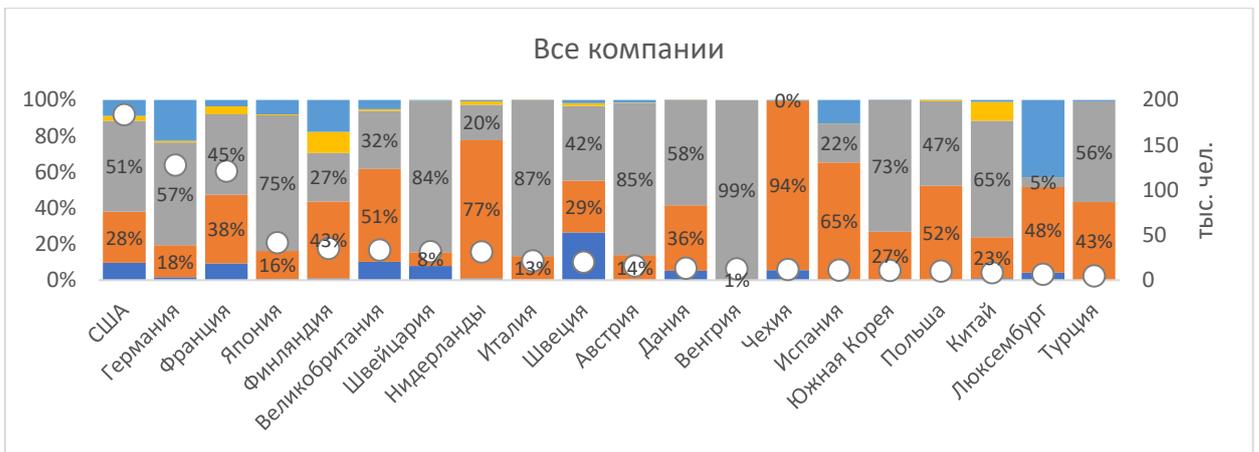

Рисунок 21. Динамика ликвидации российских юридических лиц во владении иностранных компаний, заявивших об уходе из России в 2022–2024 гг.
 Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс.

Важно отметить, что среди промышленных компаний ликвидация не распространена, ввиду значительных масштабов предприятий, здесь большую роль играет именно смена собственников.

В некоторой степени имеет смысл рассмотреть распределение реальных действий по *странам происхождения* иностранных компаний, поскольку от них во многом зависели эти действия (Рисунки 22 и 23).

Ключевую роль, как правило, играет принадлежность страны к «недружественным» (то есть, введшим или присоединившимся к санкциям в отношении России). Тем не менее, даже среди «недружественных» стран существуют различия: высокие доли ушедших наблюдаются среди британских, финских, шведских, датских, французских, испанских компаний, наоборот, высокие доли сохранивших иностранных собственников – среди швейцарских, австрийских, итальянских, японских и южнокорейских компаний. Такое распределение может быть объяснено институциональными особенностями и в целом соответствует выводам, полученным в других исследованиях, рассмотренных выше.

Рисунки 22 и 23. Распределение реальных статусов иностранных компаний (всех и промышленных) на 2024 г. по странам происхождения (по среднесписочной численности персонала).

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс.

Среди **новых собственников** компаний, сменивших прежних владельцев, (как всех, так и промышленных) преобладают российские (88% для всех компаний / 89% – для промышленных), в основном представляющие собой специализированные производственные и торговые холдинги, локальный менеджмент или его структуры. Новые иностранные собственники представлены такими странами как ОАЭ (8/6%), Турция (1/2%) и Катар (1/1%). В случае с ОАЭ и Катаром справедливо полагать, что часть компаний, зарегистрированных в них, могут быть офшорными и в конечном итоге принадлежать либо российским, либо прежним иностранным собственникам.

Масштабы и доли реально ушедших и ограничивших деятельность иностранных компаний в экономике и промышленности России

В 2024 г. доля ликвидированных компаний в российской экономике (Таблица 5) составила 0,1 и 0,2% (по занятости и по выручке, в абсолютных значениях это соответственно 45 тыс. чел. и 386 млрд. руб.), сменивших собственников на российских или иных иностранных – 0,6 и 2,5% (253 тыс. чел. и 5078 млрд. руб.). На компании, сохранившие иностранных собственников, приходится 0,9 и 4,8% (408 тыс. чел. и 9906 млрд. руб.).

Таблица 5. Масштабы и доли иностранных компаний различных статусов по реальным действиям в экономике и промышленности России в 2022–2024 гг.

Статусы компаний	Все иностранные компании						Иностранные промышленные компании					
	Численность занятых, тыс. чел. (% от общей по экономике)			Выручка, млрд руб. (% от общей по экономике)			Численность занятых, тыс. чел. (% от общей по экономике / промышленности)			Выручка, млрд руб. (% от общей по экономике / промышленности)		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Ликвидация	12 (0)	24 (0,1)	45 (0,1)	55 (0)	198 (0,1)	386 (0,2)	0 (0/0)	2 (0/0)	3 (0/0)	1 (0/0)	17 (0/0)	31 (0/0)
Смена собственника на российского или иного иностранного, в т.ч.	113 (0,3)	224 (0,5)	253 (0,6)	1623 (0,8)	4144 (2)	5078 (2,5)	57 (0,1/0,6)	99 (0,2/1)	124 (0,3/1,3)	956 (0,5/1,2)	1882 (0,9/2,4)	2370 (1,2/3)
Сокращение занятости и/или выручки	80 (0,2)	97 (0,2)	93 (0,2)	1254 (0,6)	2274 (1,1)	2100 (1)	41 (0,1/0,4)	47 (0,1/0,5)	39 (0,1/0,4)	737 (0,4/0,9)	1109 (0,5/1,4)	750 (0,4/0,9)
Нет сокращения занятости и выручки	16 (0)	65 (0,1)	84 (0,2)	289 (0,1)	1091 (0,5)	1314 (0,6)	8 (0/0,1)	18 (0/0,2)	30 (0,1/0,3)	148 (0,1/0,2)	332 (0,2/0,4)	541 (0,3/0,7)
Нет данных	17 (0)	62 (0,1)	76 (0,2)	80 (0)	779 (0,4)	1663 (0,8)	7 (0/0,1)	34 (0,1/0,4)	55 (0,1/0,6)	71 (0/0,1)	441 (0,2/0,6)	1079 (0,5/1,4)
Сохранение иностранного собственника, в т.ч.	580 (1,3)	458 (1)	408 (0,9)	13682 (6,6)	11025 (5,4)	9906 (4,8)	219 (0,5/2,2)	174 (0,4/1,8)	149 (0,3/1,5)	4243 (2,1/5,3)	3302 (1,6/4,1)	2799 (1,4/3,5)
Сокращение занятости и/или выручки	334 (0,8)	241 (0,6)	172 (0,4)	8069 (3,9)	5941 (2,9)	3720 (1,8)	117 (0,3/1,2)	73 (0,2/0,8)	47 (0,1/0,5)	2225 (1,1/2,8)	1413 (0,7/1,8)	779 (0,4/1)
Нет сокращения занятости и выручки	160 (0,4)	129 (0,3)	106 (0,2)	4232 (2,1)	3222 (1,6)	2260 (1,1)	74 (0,2/0,8)	66 (0,2/0,7)	49 (0,1/0,5)	1679 (0,8/2,1)	1327 (0,6/1,7)	1020 (0,5/1,3)
Нет данных	87 (0,2)	88 (0,2)	130 (0,3)	1381 (0,7)	1862 (0,9)	3926 (1,9)	28 (0,1/0,3)	34 (0,1/0,3)	52 (0,1/0,5)	340 (0,2/0,4)	562 (0,3/0,7)	1000 (0,5/1,3)
Ликвидация до 2022 г.	19 (0)	19 (0)	19 (0)	338 (0,2)	338 (0,2)	338 (0,2)	10 (0/0,1)	10 (0/0,1)	10 (0/0,1)	86 (0/0,1)	86 (0/0,1)	86 (0/0,1)
Совместные предприятия и компании, перешедшие в российскую собственность до 2022 г.	68 (0,2)	68 (0,2)	68 (0,2)	906 (0,4)	899 (0,4)	897 (0,4)	47 (0,1/0,5)	47 (0,1/0,5)	47 (0,1/0,5)	721 (0,4/0,9)	721 (0,4/0,9)	721 (0,3/0,9)
<i>Масштабы сокращения занятости / выручки (к 2021 г., с дооценкой на неполноту данных)</i>	-35 (-19%)	-84 (-41%)	-88 (-43%)	-8964 (-89%)	-7668 (-80%)	-6976 (-79%)	-7 (-12%)	-18 (-26%)	-21 (-28%)	-1710 (-54%)	-2305 (-74%)	-1797 (-69%)

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

В случае с долей иностранных промышленных компаний в промышленности, то на сменившие собственников компании приходится соответственно 1,3 и 3,0% (124 тыс. чел. и 2370 млрд. руб.), сохранившие – 1,5 и

3,5% (149 тыс. чел. и 2799 млрд. руб.), что подтверждает более высокую роль иностранных компаний в промышленности, по сравнению с экономикой в целом.

При этом на протяжении 2022–2024 гг. наблюдается тенденция увеличения масштабов и роли ушедших компаний за счет сохранивших собственников, что подтверждает идею о том, что процесс реального ухода (ликвидации и смены собственника) длительный.

Тем не менее, к 2024 г. доля реально ушедших иностранных компаний в экономике (и промышленных компаний в промышленности) практически сравнялась с долей компаний, заявивших об уходе (хотя между ними не наблюдается строгого соответствия, то есть, часть компаний, не сделавших заявления, могла уйти и наоборот), что говорит о том, что за 3 года процесс реального ухода постепенно завершается.

В целом, рассчитанные непосредственные оценки масштабов заявивших об уходе и ушедших иностранных компаний по стране в целом, а также их доли в экономике подтверждаются выводами исследований, рассмотренных выше.

При рассмотрении реальных действий компаний по ограничению деятельности в России недостаточно рассматривать только лишь факты их ликвидации или смены собственника (которыми определяется уход). Если ликвидация компании может свидетельствовать о том, что предприятие перестало действовать, и это негативно сказалось на региональном развитии, то смена или сохранение иностранного собственника об этом однозначно не говорит, поскольку в обоих случаях предприятия могут как сокращать свою деятельность, так и не делать этого.

Поэтому важно анализировать *динамику экономических показателей* иностранных компаний. Сокращение занятости и/или выручки в 2022–2024 гг. (к 2021 г.) наблюдается у большинства как сменивших, так и сохранивших иностранных собственников компаний (по которым имеются данные по занятости или выручке в 2022–2024 гг. – таких в среднем около 80%). При этом среди сменивших собственников (как всех, так и промышленных) сократившие деятельность (занятость и/или выручку) в 2022 г. сильно преобладали над не сократившими (соотношение 85:15), а в 2024 г. – уже не сильно (55:45). Для сохранивших иностранных собственников компаний данное соотношение слабо

изменилось – 60:40 в 2022 г. и 50:50 в 2024 г. (для промышленных – соответственно 70:30 и 60:40). То есть, уход иностранных собственников сильно влиял на динамику компаний именно в начале исследуемого периода.

О том, что сменившие собственников иностранные компании к 2024 г. частично восстанавливаются, свидетельствует характерная динамика общей занятости и выручки сменивших собственников сокративших деятельность компаний (как всех, так и промышленных): до 2023 г. их масштабы и роль росли, а в 2024 г. снизились

Среди компаний (как всех, так и промышленных), которые в 2022–2024 гг. не сокращали ни численность занятых, ни выручку (к 2021 г.), либо восстановили их к концу периода, около 1/4 (как всех, так и промышленных) имеют нулевую динамику занятости, около 1/4 – рост не более 20% и еще около 1/4 – рост не более 50%. Изменение выручки более динамично. В отличие от роста, который в основном невелик, темпы снижения в равной степени показывают как низкие, так и высокие значения.

В целом сокращение численности занятых за 2022–2024 гг. (к 2021 г., с дооценкой по компаниям, по которым отсутствуют данные) для сокративших занятость всех иностранных компаний по итогам 2024 г. оценивается в -88 тыс. чел. (-43% от численности сокративших занятость компаний), промышленных – в -21 тыс. чел. (-28%), при этом основное сокращение пришлось на 2023 г. В 2024 г. оно продолжилось, но существенно замедлилось. В целом, средние масштабы сокращения занятости в промышленности меньше, чем в экономике в целом.

Сокращение выручки для всех иностранных компаний за 2021–2024 гг. (к 2021 г.) составило -6976 млрд руб. (-79% от выручки сокративших выручку компаний), промышленных – -1797 млрд руб. (-69%). При этом с случае со всеми компаниями максимальное сокращение наблюдалось в 2022 г., а с промышленными – в 2023 г. То есть, в 2024 г. промышленные компании увеличивают выручку, но это пока не отразилось на занятости.

Отчасти верифицировать полученные результаты позволяют рейтинги крупнейших иностранных компаний России Forbes по состоянию на 2021, 2022, 2023 и 2024 гг., содержащие информацию об основных компаниях, и их выручке. Так, согласно данному источнику, с 2021 по 2024 гг. выручка крупнейших

иностранных компаний сократилась на -2032 млрд. руб., в том числе компаний из «недружественных» стран – на -4203 млрд. руб. Важно также отметить, что в перечне появилось несколько крупных компаний из «дружественных» стран: так, доля крупных иностранных компаний из Китая (преимущественно автомобилестроительных) по выручке увеличилась с 1% в 2021 г. до 25% в 2024 г., Турции – с 0 до 4%, Беларуси – с 0 до 5% среди всех крупнейших иностранных компаний в перечне.

2.3.2. Роль иностранных компаний в отдельных отраслях экономики и промышленности России

Масштабы и доли иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности в отраслях экономики

Среди отраслей экономики по итогам 2024 г. наибольшие масштабы и доли ликвидированных иностранных компаний в общеотраслевой численности занятых (далее в качестве основного мы используем показатель численность персонала) (Таблицы 6 и Б.1) приходятся на отрасли сферы услуг – деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (11 тыс. чел. или 1,4%); финансовую и страховую (10 тыс. чел. или 1,0%); в области информации и связи (5 тыс. чел. или 0,5%); торговлю оптовую и розничную (11 тыс. чел. или 0,2%); компаний, изменивших собственников на российских и иных иностранных – на обрабатывающие производства (117 тыс. чел. или 1,7%), и те же отрасли сферы услуг: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (19 тыс. чел. или 2,4%); финансовую и страховую (13 тыс. чел. или 1,3%); в области информации и связи (28 тыс. чел. или 2,5%); торговлю оптовую и розничную (46 тыс. чел. или 0,8%).

Высокая доля иностранных компаний, не поменявших собственников, в общеотраслевой численности занятых характерна для торговли оптовой и розничной (146 тыс. чел. или 2,6%); обрабатывающих производств (129 тыс. чел. или 1,9%); деятельности финансовой и страховой (35 тыс. чел. или 3,5%); в области информации и связи (26 тыс. чел. или 2,3%).

При этом, среди компаний, изменивших собственников, большая часть сокращает деятельность в обрабатывающих производствах (58%), торговле оптовой и розничной (64%), среди компаний, сохранивших иностранных

собственников – в деятельности в области информации и связи (99%), торговле оптовой и розничной (58%).

Таблица 6. Масштабы и доли иностранных компаний различных статусов в отраслях экономики на 2024 г. по численности занятых

Виды деятельности по ОКВЭД	Ликвидация		Смена собств.		в т.ч. сокр. деят-ть**	Сохранение иностр. собств.		в т.ч. сокр. деят-ть**	Ликвидация до 2022 г.		Совм. предпр. и смена собств. до 2022 г.		в т.ч. сокр. деят-ть**
	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	%*	тыс. чел.	%*	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	%*
С. Обрабатывающие пр-ва	3	0,0	117	1,7	1,0	129	1,9	1,0	10	0,1	29	0,4	0,1
Г. Торговля, рем. автотр. ср-в	11	0,2	46	0,8	0,5	146	2,6	1,5	4	0,1	1	0,0	0,0
Ж. Деят-ть в обл. инф. и связи	5	0,5	28	2,5	0,7	26	2,3	2,3	1	0,1	1	0,1	0,1
К. Деят-ть фин. и страх.	10	1,0	13	1,3	1,2	35	3,5	3,4	0	0,0	0	0,0	0,0
И. Деят-ть гостин. и ресторан.	11	1,4	19	2,4	0,2	6	0,8	0,1	2	0,3	7	0,9	0,0
М. Деят-ть проф., науч. и тех.	4	0,2	9	0,4	0,4	14	0,6	0,5	1	0,0	8	0,4	0,3
В. Добыча полезн. ископаем.	0	0,0	4	0,4	0,3	12	1,2	0,3	0	0,0	11	1,1	1,0
Всего в экономике	45	0,1	253	0,6	0,3	408	0,9	0,6	19	0,0	68	0,2	0,1

Примечания:

* доля в общеотраслевой численности занятых;

** сокращающие численность занятых и/или выручку в 2024 г. (к 2021 г.); с дооценкой по компаниям с отсутствующими данными.

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

При рассмотрении динамики масштабов и долей иностранных компаний в общеотраслевых показателях, предпринявших различные действия на протяжении периода 2022–2024 гг. для большинства рассмотренных отраслей характерно поступательное увеличение масштабов и долей сменивших иностранных собственников компаний за счет компаний, сохранивших их.

Таким образом, в разрезе укрупненных отраслей экономики наиболее пострадали от ограничений деятельности иностранных компаний отрасли сферы услуг, как потребительского сектора, так и наукоемкие. Также выше среднего по экономике пострадала и обрабатывающая промышленность.

Тем не менее, для обрабатывающей промышленности (в силу больших масштабов и значимости предприятий, чем в сфере услуг) больше характерна именно такая форма ухода, как изменение собственников, а не ликвидация. При этом, чаще всего даже изменение собственника, не выводит предприятия обрабатывающей промышленности на прежние масштабы работы.

Масштабы и доли иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности в отраслях промышленности и модели ограничения деятельности компаний

В отраслях промышленности ликвидация, смена собственности иностранных компаний или ее отсутствие не всегда соотносятся с динамикой основных показателей предприятий, поэтому стоит сравнить масштабы и роли иностранных компаний различных статусов (ликвидированных, сменивших и сохранивших иностранных собственников), а также среди них – сокративших деятельность (Таблицы 7 и В.1). Помимо этого, необходимо глубже проанализировать ситуацию на крупнейших предприятиях (по имеющимся данным бухгалтерской отчетности, верифицированной по отраслевым и региональным новостям и иной информации). На основании этой информации необходимо выявить различные модели изменения деятельности компаний и определить среди отраслей наиболее, относительно и наименее пострадавшие отрасли.

Таблица 7. Масштабы и доли иностранных компаний различных статусов в отраслях промышленности на 2024 г. по численности занятых

Виды деятельности по ОКВЭД	Ликвидация		Смена собств.		в т.ч. сокр. деят-ть**	Сохран. иностр. собств.		в т.ч. сокр. деят-ть**	Ликвидация до 2022 г.		Совм. предпр. и смена собств. до 2022 г.		в т.ч. сокр. деят-ть**
	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	%*	тыс. чел.	%*	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	%*
29. Пр-во автотрансп. средств	0	0,1	44	15,7	15,6	9	3,1	2,5	3	1,1	24	8,5	0,0
10. Пр-во пищевых продуктов	0	0,0	16	1,6	0,7	38	3,8	1,4	3	0,3	1	0,1	0,1
11. Пр-во напитков	0	0,0	6	4,8	0,1	13	10,6	0,1	0	0,0	0	0,0	0,0
23. Пр-во проч. неметал. прод.	0	0,0	8	1,9	0,6	9	2,3	0,9	1	0,2	0	0,0	0,0
35. Обесп-е электр. энергией	0	0,0	2	0,2	0,0	7	0,5	0,0	0	0,0	5	0,4	0,0
27. Пр-во электр. оборудован.	0	0,1	2	0,9	0,8	11	4,3	4,2	1	0,3	0	0,1	0,0
22. Пр-во резин. и пластм. изд.	2	0,6	7	2,9	2,8	4	1,7	1,6	0	0,0	0	0,0	0,0
9. Пр-е усл. в обл. доб. пол. иск.	0	0,0	3	0,8	0,8	10	3,0	0,7	0	0,0	0	0,1	0,1
28. Пр-во пр. машин и оборуд.	0	0,1	5	1,2	1,2	7	1,7	1,5	0	0,0	0	0,1	0,1
17. Пр-во бумаги и бум. изд.	0	0,0	9	8,0	3,3	1	1,0	0,0	1	0,5	0	0,0	0,0
6. Добыча нефти и прир. газа	0	0,0	1	0,3	0,3	2	1,1	0,0	0	0,0	7	3,2	3,0
20. Пр-во хим. вещ-в и продукт.	0	0,1	3	0,8	0,7	7	1,9	1,4	0	0,0	0	0,0	0,0
21. Пр-во лекарственных ср-в	0	0,0	0	0,0	0,0	9	10,3	4,4	0	0,0	0	0,2	0,0
16. Обработка древесины	0	0,0	4	1,9	1,7	2	1,1	0,9	0	0,0	3	1,2	1,2
12. Пр-во табачных изделий	0	–	2	–	–	6	–	–	0	–	0	–	–
Всего по промышленности	3	0,0	124	1,3	0,7	149	1,5	0,7	10	0,1	47	0,5	0,2

Примечания:

* доля в общеотраслевой численности занятых;

** сокращающие численность занятых и/или выручку в 2024 г. (к 2021 г.); с дооценкой по компаниям с отсутствующими данными.

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

Среди отраслей промышленности наибольшие масштабы и высокие доли компаний, сменивших собственников, в общеотраслевой численности занятых характерны, в первую очередь, для **производства автотранспортных средств** (ликвидированные: 0,2 тыс. чел или 0,1%, сменившие собственников: 44 тыс. чел. или 15,7%, сохранившие собственников: 9 тыс. чел. или 3,1%). Эту отрасль можно считать наиболее пострадавшей, в том числе потому, что она отличается высокой долей предприятий, сокративших деятельность, а значит, не восстановивших производства до уровня 2021 г.

В отличие от других отраслей, автомобилестроительные производства наиболее крупных иностранных компаний (немецкой Volkswagen, японской Toyota, немецкой Mercedes-Benz, южнокорейской Hyundai, японских Nissan и Mitsubishi, шведской Volvo) довольно долго простаивали в течение 2022 г., не меняя собственников, сокращая сотрудников с компенсациями или выплачивая им часть зарплат, в 2023 г. многие из них были переданы в федеральную собственность, но уже в 2024 г. – переданы, как правило, российским диллерским холдингам или локальному менеджменту. В 2024 г. многими предприятиями были приняты попытки наладить сборку китайских или российских автомобилей, при этом, чаще всего, не требующую прежнего количества занятых. Исключением стали только активы французской Renault: автозавод в Москве, выкупленный Правительством Москвы уже в 2022 г., и «Автоваз», который являлся совместным предприятием и продолжил работу. Таким образом, в автомобилестроении видны значительные проблемы, проявляющиеся в приостановке производств и высвобождении рабочей силы.

Несмотря на то, что согласно рейтингам крупнейших иностранных компаний России Forbes на 2021, 2022, 2023 и 2024 гг., основной прирост выручки в 2021–2024 гг. в них достигается за счет китайских автомобилестроительных компаний (Haval, Chery, Geely, FAW, JAC и др.), увеличение их деятельности связано не столько с гринфилд-инвестициями, сколько с увеличением продаж и налаживанием контрактной сборки на освободившихся производственных площадках западных компаний: Volkswagen в Калуге, Hyundai в Санкт-Петербурге, а также калининградском заводе «Автотор», хотя некоторые из них и совершают инвестиции в собственные производства в России.

Наоборот, отраслью, выделяющейся по масштабам и доле компаний, сохранивших иностранных собственников, в общепромышленной численности занятых, является **производство электрического оборудования** (сменившие собственников: 2 тыс. чел. или 0,9%, сохранившие: 11 тыс. чел. или 1,3%). Тем не менее, ситуация в ней также является неблагоприятной, поскольку сохранение или изменение иностранного собственника в данном случае не является гарантией того, что предприятие продолжило работу. Это подтверждается тем, что и среди большинства компаний, сохранивших иностранных собственников, и среди сменивших, наблюдается сокращение деятельности. Если рассматривать крупнейшие иностранные компании, производящие бытовую технику и электронику: южнокорейские Samsung и LG, то важно отметить, что производство на их заводах было остановлено в 2022 г. и далее не возобновлялось, в отдельных случаях были сокращены сотрудники. С 2024 г. производственные площади частично арендованы крупными российскими торговыми сетями для контрактного производства китайской техники. При этом данные объемы производства существенно ниже прежних. В случае с немецкой Robert Bosch, ее производства бытовой техники и инструментов, систем для автомобилей были в конечном итоге переданы российским собственникам в 2023 или 2024 гг., но для производства бытовой техники имели место приостановка предприятия, некоторое сокращение персонала и длительный поиск нового собственника, который планирует менять профиль выпускаемой продукции. В случае с производствами американской Whirlpool (ранее Indesit), то они были уже в 2022 г. переданы турецким собственникам Arcelik (бренд Beko), при этом не останавливались. Таким образом, в данной отрасли, также, как и в автомобилестроении, уход иностранных компаний сказался наиболее негативно, главным образом из-за технологической сложности и проблем с поставками комплектующих из-за границы.

Отрасль, где велики масштабы и доля компаний, сохранивших иностранных собственников, в общепромышленной численности занятых и, в то же время, велик и масштаб компаний, передавших собственность – это **производство пищевых продуктов** (сменившие собственников: 16 тыс. чел. или 1,6%, сохранившие: 38 тыс. чел. или 3,8%). При этом среди компаний, не поменявших собственников, большая часть не сокращает деятельность (доля сокративших деятельность – 21%), а среди

компаний, поменявших собственников, большая часть сокращает деятельность (доля сокративших деятельность – 54%). Это является отражением того, что отрасль не имела проблем с поставками сырья (поскольку оно преимущественно из России). Большинство крупнейших компаний (швейцарская Nestle, американские Mars и Cargill, американская Mondelez, итальянская Ferrero, тайландская Charoen Pokphand) сохранили собственность над своими российскими подразделениями, которые продолжили работать, хотя и в ряде случаев отказались от отдельных сегментов бизнеса и производства некоторых брендов. В случае с французской Danone – ее активы были переданы в 2023 г. в управление Росимущество, в 2024 г. – российскому собственнику, при этом о приостановке производств в России не сообщалось.

В производстве напитков велики масштабы и доля компаний, сохранивших иностранных собственников, в общепромышленной численности занятых, но также значительна и доля компаний, сменивших собственников (сменившие собственников: 6 тыс. чел. или 4,8%, сохранившие: 13 тыс. чел. или 10,6%). При этом, как и в случае с пищевой промышленностью, большинство компаний, сохранивших собственников, не сокращают деятельность. Крупнейшие компании – производители безалкогольных напитков, имеющие разветвленные сети предприятий – американские PepsiCo и Coca Cola HBC сохранили собственность над своими активами в России (хотя последнее было переименовано по названию дочернего холдинга «Мултон»), но прекратили производства основных напитков и стали выпускать их аналоги, при этом не приостанавливая предприятия. В случае с крупнейшими компаниями – производителями пива – датской Carlsberg, владевшей пивоваренной компанией «Балтика», а также бельгийской AB InBev, владевшей совместно с турецкой Efes несколькими заводами в России, то в 2023 г. доли этих компаний были переданы в управление Росимущество, хотя до этого их планировал выкупить турецкий Efes. В 2024 г. «Балтика» приобрела российских собственников. При этом заводы деятельность не приостанавливали.

По доле компаний, как сменивших, так и сохранивших иностранных собственников, в общепромышленной численности занятых выделяется **производство табачных изделий**. Среди компаний, сохранивших иностранных собственников, не наблюдается сокращения деятельности. Две крупнейшие компании –

американская Filipp Morris и японская Japan Tobacco, несмотря на изначальные планы уйти из России в 2022 г., к концу 2023 г. поменяли их, ограничившись прекращением инвестиций. Активы двух других крупнейших компаний – британских British American Tobacco и Imperial сменили собственников на российских, при этом о приостановке работы заводов не известно.

Производство бумаги и бумажных изделий выделяется по масштабам и доле сменивших собственников иностранных компаний в общеотраслевой численности занятых (сменившие собственников: 9 тыс. чел. или 8,0%, сохранившие: 1 тыс. чел. или 1,0%). Среди них есть как сокращающие, так и не сокращающие деятельность (доля сокращающих деятельность среди сменивших собственников – 44%). Крупнейшая компания – австрийская Mondi – продала активы российским собственникам в 2023 г., при этом о приостановке основных предприятий не было известно. Для других крупных компаний – американской International Paper и финской Stora Enso характерно то же самое.

Также относительно высокая доля сменивших собственников иностранных компаний в общеотраслевой численности занятых характерна для **обработки древесины и производства изделий из дерева** (сменившие собственников: 4 тыс. чел. или 1,9%, сохранившие: 2 тыс. чел. или 1,1%) и **производства мебели** (сменившие собственников: 3 тыс. чел. или 2,3%). Такие компании преимущественно сокращают деятельность (в обработке древесины доля компаний, сокративших деятельность среди сменивших собственников – 98%, среди сохранивших собственников – 84%, в производстве мебели – 78%). Крупнейшая компания в данной сфере – шведская ИКЕА – продала производственные активы российским собственникам в 2023 г., при этом производство на них было возобновлено. Более мелкие компании меняли собственников на российских уже в 2024 г.

Производство прочей неметаллической минеральной продукции, главным образом, цемента и иных строительных материалов, характеризуется значительными масштабами как сменивших, так и сохранивших иностранных собственников компаний (сменившие собственников: 8 тыс. чел. или 1,9%, сохранившие: 9 тыс. чел. или 2,3%). Среди компаний есть как сократившие, так и не сократившие деятельность. Крупнейшая компания по производству

стройматериалов – немецкая Knauf к 2024 г. сохранила иностранных собственников, продолжая производство. Крупные производители цемента – немецкая HeidelbergCement и швейцарская Holcim соответственно сохранили и поменяли собственников на российских, производители сантехнических изделий – испанская Roca и польская Cersanit изменили собственников на российских / иных иностранных.

Наибольшие масштабы и доли ликвидированных компаний, а также компаний, сменивших собственников, в общеотраслевой численности занятых наблюдаются в **производстве резиновых и пластмассовых изделий** (в первую очередь, это производства шин) (ликвидированные: 2 тыс. чел или 0,6%, сменившие собственников: 7 тыс. чел. или 2,9%, сохранившие: 4 тыс. чел или 1,7%), то есть, в отрасли, не характеризующейся значительными масштабами предприятий, но тесно связанной с сильно пострадавшей отраслью – автомобилестроением. Среди действующих компаний большая часть сокращает деятельность (среди сменивших собственников – 97%, сохранивших – 69%). Среди крупных производств ликвидация юрлица характерна для производства немецкой Continental, тем не менее, на площадке возобновлено производство под российским брендом; смена собственника – для производств французской Michelin и финской Nokian Tyres; сохранение собственника – для производства итальянской Pirelli.

Производство химических веществ и химических продуктов в целом не выделяется высокой долей иностранных компаний в общеотраслевой численности занятых (ликвидированные: 0,2 тыс. чел. или 0,1%, сменившие собственников: 3 тыс. чел или 0,8%, сохранившие: 7 тыс. чел. или 1,9%), но в ее потребительском сегменте все же велика роль крупнейших иностранных компаний. Так, предприятия американской Procter&Gamble сохранили иностранного собственника, а немецкой Henkel и британской Unilever – изменили собственников на российских соответственно в 2023 и 2024 гг. О приостановках данных производств не известно.

Значительными масштабами компаний, сохранивших собственников, а также сохранивших или увеличивших объемы производства на большинстве площадок характеризуется, в первую очередь, **производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях** (сохранившие собственников: 9 тыс. чел. или 10,3%). Крупнейшие иностранные компании (из перечня Forbes):

швейцарская Novartis, французская Sanofi, британская AstraZeneca, американские Bayer и Abbott Laboratories действительно сохраняют производства в России, объясняя это ответственностью в производстве жизненно важной продукции, хотя, в ряде случаев и приостанавливая инвестиции и клинические испытания в России.

Также высокая доля сохранивших иностранных собственников компаний в общеотраслевой численности занятых характерна для **предоставления услуг в области добычи полезных ископаемых** (в первую очередь, нефти и газа) (сменившие собственников: 3 тыс. чел. или 0,8%, сохранившие: 10 тыс. чел. или 3,0%). Так, подразделения американских компаний Schlumberger, Weatherford, KCA Deutag сохранили иностранных собственников, а Baker Hughes – сменили собственника на российского.

Дополнительно стоит сказать, что в составленной базе данных также присутствуют компании, которые были ликвидированы до 2022 г. и компании, уже имевшие российскую собственность до 2022 г. Компании, ушедшие до 2022 г., не попадают в область исследования. Тем не менее, к категории компаний, имевших российскую собственность до 2022 г., относятся также так называемые совместные предприятия (поскольку страна собственника определяется по доле владельца более 50% в уставном или акционерном капитале, и таким владельцем может быть российское юридическое или физическое лицо). Так, доля совместных предприятий высока в таких отраслях промышленности, как **добыча нефти и природного газа; угля; обеспечение электрической энергией, газом и паром; а также производство автотранспортных средств**. Активы крупнейших иностранных энергетических компаний – немецкой Uniper и финской Fortum в российской тепловой энергетике в 2023 г. были переданы в управление Росимущества. При этом на объемы выработки это не повлияло.

В целом, среди **наиболее пострадавших** отраслей промышленности стоит выделить машиностроение: главным образом, автомобилестроение, а также производство электрического оборудования. Вне зависимости от смены или сохранения иностранной собственности, в них существовали длительные простои производственных мощностей, как правило, не восстановившихся в 2024 г., и сокращения персонала, что связано с высоким уровнем технологичности и зависимости от поставок иностранных комплектующих.

Относительно пострадавшими отраслями, для которых как при смене собственника, так и без нее, часто были характерны сокращения деятельности, но значимых приостановок производств не происходило, являются целлюлозно-бумажная, деревообрабатывающая, мебельная отрасли, промышленность стройматериалов, химическая и шинная отрасли, имеющие, как правило, сырьевую базу в России, но частично совершавшие поставки за рубеж или для наиболее пострадавших отраслей.

Наименее пострадавшими отраслями со значимой ролью иностранных компаний в целом (как сменивших собственников, так и нет), но тем не менее, не сократившими объемы производства, являются пищевая, табачная, производство напитков, бытовой химии, ориентированными на внутренний рынок и остающиеся весьма прибыльными. Отраслью с практически полным отсутствием уходящих компаний и сохранением производства является фармацевтическая.

Таким образом, несмотря на то, что факт смены собственника и динамика основных показателей деятельности иностранных предприятий не всегда соотносятся друг с другом, их чаще всего можно объяснить определенными характеристиками отрасли, а именно, технологической зависимостью от иностранных собственников, часто проявляющейся в поставках сырья и комплектующих из-за границы, зарегулированных санкционными ограничениями внешней торговли, а также наличием или отсутствием внутренних рынков сбыта.

Так, из-за сильной технологической зависимости от иностранных собственников негативную динамику и проблем с поиском новых собственников (которые не могут наладить производство такой же продукции в прежнем объеме) имеют отрасли машиностроения: автомобилестроение и производство электрического оборудования. Преимущественно находят новых собственников предприятия целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей отраслей, при этом многие из них существенно сокращают деятельность из-за проблем с экспортом продукции, который сильно зарегулирован санкциями. В потребительских отраслях (пищевая, табачная и др.) чаще всего такие проблемы отсутствуют и предприятия не сокращают деятельность все зависимости от смены собственника или его отсутствия.

2.3.3. Роль иностранных компаний в регионах России

В 2022–2024 гг. уход иностранных компаний (ликвидация или смена собственника) затронул 53 региона (промышленных компаний – 43 региона), то есть, большую часть субъектов Российской Федерации, причем наиболее развитых.

Среди иностранных компаний на промышленные по стране в целом приходится 42%, но тем не менее, в большинстве регионов они составляют основную роль (от 80 до 100%). Исключением являются регионы с крупнейшими агломерациями, где больше развит сектор услуг, и некоторые регионы с незначительной ролью иностранного капитала в целом. Так, в Москве, доля промышленных иностранных компаний составляет всего 12%, в Санкт-Петербурге и Московской области – по 49%. В региональном разрезе имеет смысл рассматривать как иностранные компании в целом (Рисунок 24, Таблица Г.1), так и промышленные иностранные компании (Рисунок 25, Таблица Д.1).

По итогам 2024 г. наиболее высокие абсолютные значения масштабов и относительные значения долей ликвидированных иностранных компаний в региональной численности занятых характерны для Москвы (27 тыс. чел. – 0,5% в экономике), Санкт-Петербурга (7 тыс. чел. – 0,3% в экономике), Московской области (5 тыс. чел. – 0,2% в экономике) и Калужской области (2 тыс. чел. – 0,5% в экономике или 1,4% в промышленности).

По абсолютным значениям масштабов компаний, сменивших собственников выделяются Москва (117 тыс. чел. – 2,4% в экономике; 17 тыс. чел. – 3,5% в промышленности), Санкт-Петербург (30 тыс. чел. – 1,4%; 19 тыс. чел. – 5,1%), Московская (23 тыс. чел. – 1,0%; 9 тыс. чел. – 1,7%), Самарская (26 тыс. чел. – 2,6% в экономике или 9,3% в промышленности), Ленинградская (12 тыс. чел. – 2,3% или 7,7%), Калужская области (6 тыс. чел. – 1,8% или 5,2%), Республики Коми (5 тыс. чел. – 1,5% или 7,2%) и Татарстан (4 тыс. чел. – 0,3% или 1,3%). В относительном выражении – также Калининградская (3 тыс. чел. – 0,9% или 3,8%) и Новгородская (2 тыс. чел. – 0,9% или 2,8%) области, Республика Марий Эл (2 тыс. чел. – 1,1% или 3,4%).

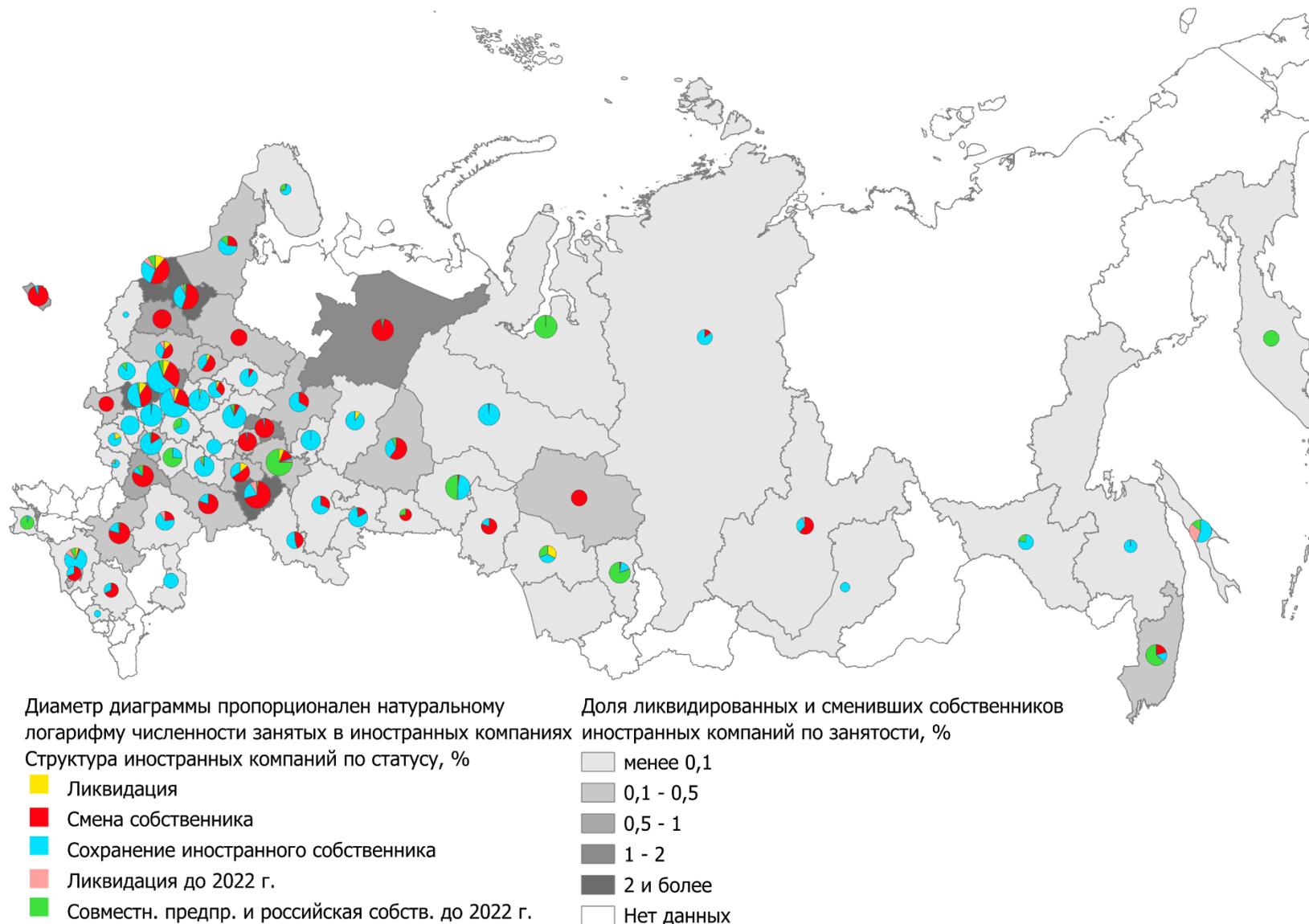
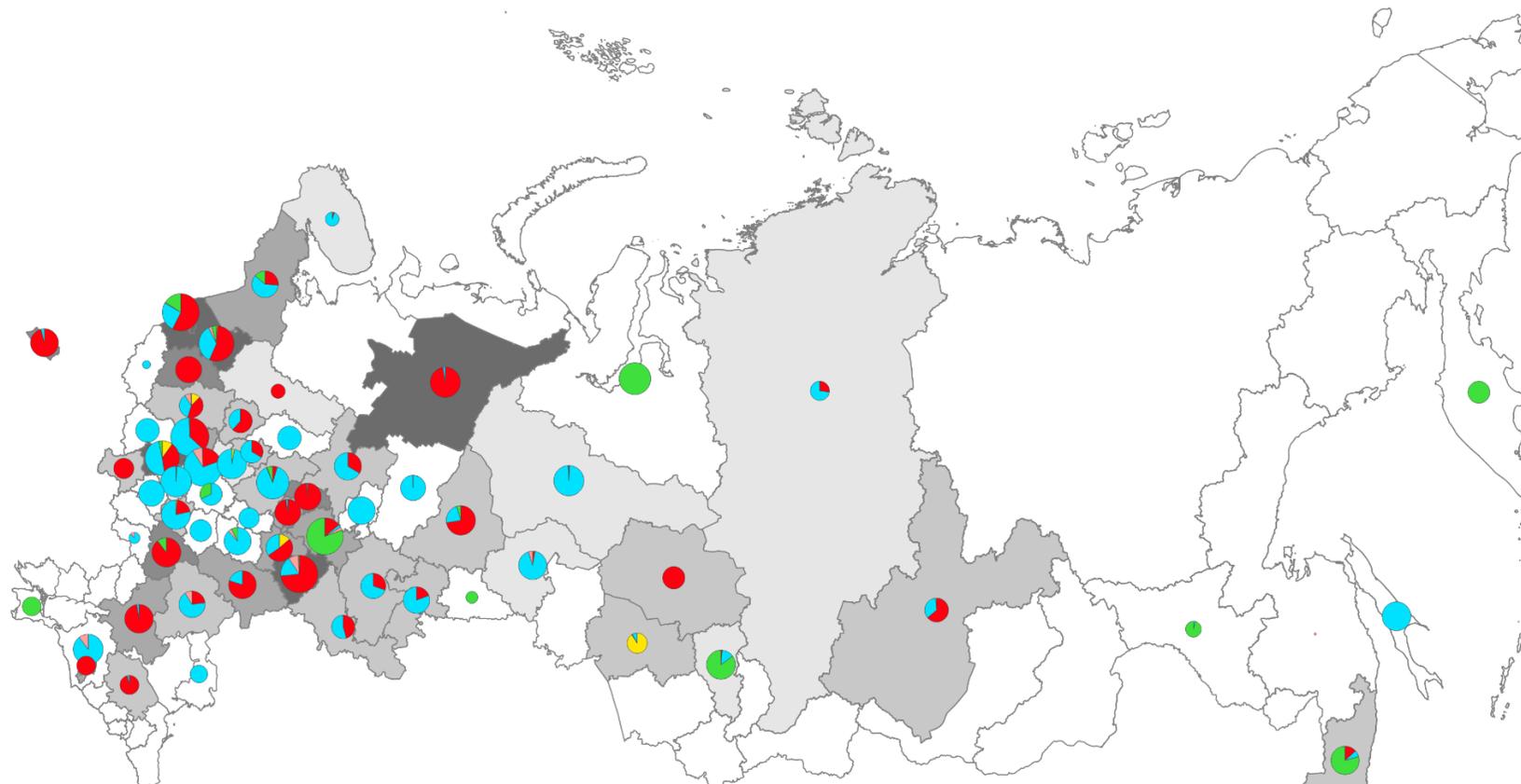

Рисунок 24. Масштабы и доли иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности по численности занятых в экономике регионов России в 2024 г.

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

Диаметр диаграммы пропорционален натуральному логарифму численности занятых в иностранных промышленных компаниях
 Структура иностранных промышленных компаний по статусу, %

Доля ликвидированных и сменивших собственников иностранных промышленных компаний по занятости, %

■ Ликвидация	■ менее 0,1
■ Смена собственника	■ 0,1 - 1
■ Сохранение иностранного собственника	■ 1 - 2
■ Ликвидация до 2022 г.	■ 2 - 5
■ Российская собственность до 2022 г.	■ 5 и более
	■ Нет данных

Рисунок 25. Масштабы и доли иностранных промышленных компаний различных статусов ограничения деятельности по численности занятых в промышленности регионов России в 2024 г.

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

Абсолютные значения по компаниям, сохранившим иностранную собственность велики в Москве (237 тыс. чел. – 4,8% в экономике; 29 тыс. чел. – 6,1% в промышленности), Московской области (61 тыс. чел. – 2,7%; 29 тыс. чел. или 6,1%), Санкт-Петербурге (20 тыс. чел. – 0,9%; 8 тыс. чел. или 2,2%), Ленинградской (9 тыс. чел. – 0,8%; 7 тыс. чел. – 5,0%), Самарской (8 тыс. чел. – 0,7%; 6 тыс. чел. или 2,2%), Калужской (8 тыс. чел. – 2,4% в экономике или 6,8% в промышленности), а также в Нижегородской (9 тыс. чел. – 0,8% в экономике; 8 тыс. чел. – 2,8% в промышленности), Липецкой (5 тыс. чел. – 1,3%; 3 тыс. чел. – 3,2%) областях, Краснодарском крае (5 тыс. чел. – 0,4%; 4 тыс. чел. – 2,0%), Тульской (6 тыс. чел. – 1,3% в экономике или 3,8% в промышленности), Владимирской (4 тыс. чел. – 1,0% или 2,9%) областях и Ханты-Мансийском АО – Югре (5 тыс. чел. – 0,6% или 1,7%). Относительные значения – также в Сахалинской области (4 тыс. чел. – 2,0% в экономике; 3 тыс. чел. или 11,4% в промышленности).

Таким образом, среди наиболее пострадавших от ухода иностранных компаний регионов следует выделять регионы с крупнейшими агломерациями – Московской и Санкт-Петербургской (для которых характерны высокие абсолютные масштабы и высокая роль иностранных компаний в сфере услуг), регионы с диверсифицированным набором уходящих иностранных компаний (в первую очередь, Республика Татарстан и Липецкая область, где много иностранных компаний было ранее привлечено в успешно функционирующие ОЭЗ), регионы иностранного автомобилестроения (Калужская, Самарская, Ленинградская области), регионы иностранного лесоперерабатывающего комплекса (Республики Карелия и Коми, Новгородская область).

Распределение регионов по специализации иностранных компаний

Поскольку отраслевая ситуация во многом определяет региональную, перед проведением дальнейшего анализа необходимо распределить регионы России по специализации ушедших иностранных компаний. Такая «условно отраслевая» группировка регионов отражена в Таблице 8.

Таблица 8. «Условно отраслевые» группы регионов с ушедшими компаниями в экономике

№	Тип	Регионы
1	Регионы с крупнейшими городскими агломерациями и диверсифицированным набором ушедших иностранных компаний	Москва, Санкт-Петербург, Московская область
2	Промышленно-диверсифицированные регионы	Республика Татарстан, Липецкая область Воронежская, Свердловская, Саратовская, Тульская, Тверская, Ярославская, Новосибирская, Нижегородская, Ставропольский край, Владимирская области, Республика Башкортостан
3	Регионы с ушедшими иностранными компаниями в автомобилестроении	Калужская, Самарская, Ленинградская области Ульяновская область, Приморский край, Красноярский край
4	Регионы с ушедшими иностранными компаниями в лесопереработке	Республики Карелия, Коми, Новгородская область Кировская, Вологодская области
5	Регионы с ушедшими иностранными компаниями в добыче полезных ископаемых или производстве электроэнергии	Сахалинская, Кемеровская области, Республика Адыгея, Тюменская область, Мурманская область, Ханты-Мансийский АО – Югра
6	Регионы с ушедшими иностранными компаниями в сфере услуг или агропромышленном комплексе	Краснодарский край, Ростовская область, Пермский край, Иркутская область, Алтайский край, Волгоградская, Ивановская, Костромская, Тамбовская, Пензенская, Оренбургская области
0	Регионы без ушедших иностранных компаний или с низкой их долей	Все остальные субъекты РФ

Источник: составлено автором.

Анализ ситуации с изменением роли иностранных компаний в регионах

Рассмотренные выше оценки масштабов и роли иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности могут быть недостаточны для понимания ситуации в регионах. Для их использования при дальнейшем анализе влияния исследуемого явления на развитие регионов необходим более подробный анализ, предполагающий верификацию статусов ограничения деятельности по корпоративным, отраслевым и региональным новостям.

При проведении данного анализа имеет смысл разделить регионы с высокой ролью иностранных компаний на группы в зависимости от количества и специализации этих компаний (диверсифицированные и моноспециализированные) и степени проявления отрицательных эффектов ухода и изменения деятельности иностранных компаний (наиболее, относительно и наименее пострадавшие) (Таблица 9).

Таблица 9. Группировка регионов по представленности иностранных компаний и степени проявления отрицательных эффектов их ухода и изменения деятельности

Диверсификация и специализация иностранных компаний	Степень проявления отрицательных эффектов ухода и сокращения деятельности иностранных компаний														
	Наибольшая					Средняя					Наименьшая				
	Регион	% в экон-ке*		% в пром-ти*		Регион	% в экон-ке*		% в пром-ти*		Регион	% в экон-ке*		% в пром-ти*	
		уход	сокр.	уход	сокр.		уход	сокр.	уход	сокр.		уход	сокр.	уход	сокр.
Диверсифицированные (по набору иностранных компаний)	С преобладанием автомобилестроения					Столичная агломерация					С преобладанием предприятий потребительского сектора				
	Калужская обл.	2,3	3,9	6,6	11,3	Москва	2,9	4,6	3,6	4,5	Нижегородская обл.	0,1	0,7	0,1	2,1
	Ленинградская обл.	2,3	3,2	7,8	11,0	Московская обл.	1,3	1,9	1,7	3,4	Тульская обл.	0,01	1,2	0,03	3,5
	Санкт-Петербург	1,8	1,4	5,2	5,2	С преобладанием автомобилестроения					Владимирская обл.	0,03	0,01	0,1	0
						Самарская обл.	2,6	2,3	9,3	8,2	Краснодарский край	0,03	0,3	0	0,8
						Республика Татарстан	0,5	0,4	1,3	1,3	Свердловская обл.	0,2	0,1	0,7	0,3
						Иные									
						Липецкая обл.	0,3	0,8	0,9	1,8					
Моноспециализированные (по набору иностранных компаний)	Лесоперерабатывающие					Машиностроительные					Лесоперерабатывающие				
	Республика Коми	1,6	0	7,1	0	Ульяновская обл.	0,4	0,5	1,3	1,6	Костромская обл.	0,1	0,6	0	1,6
	Республика Карелия	0,2	0,7	1,1	3,5	Саратовская обл.	0,3	0,003	1,3	0,01	Ивановская обл.	0,1	0,1	0,3	0,3
	Новгородская обл.	0,8	0,8	2,8	2,7	Челябинская обл.	0,03	0,2	0,1	0,4	Смоленская обл.	0	0,3	0	1,1
	Кировская обл.	0,2	0,6	0,7	2,1	Тверская обл.	0,1	0,2	0,4	0,6	Аграрные и пищевые				
	Приморский край	0,1	0,6	0,4	2,3	Ярославская обл.	0,1	0,1	0,4	0,5	Воронежская обл.	0,5	0,6	2,3	2,4
						Добывающие					Волгоградская обл.	0,1	0,2	0,3	0,9
						ЯНАО	0	2,1	0	6,6	Прочие регионы				
						ХМАО-Югра	0	0	0,01	0					
						Тюменская обл.	0,1	0,1	0,4	0,4					
					Сахалинская обл.	0	0,8	0	1,0						

Примечание: * доля ушедших / сокращающих деятельность иностранных компаний в общеэкономической / общепромышленной численности занятых в регионе на 2024 г.; для сокращающих деятельность – с дооценкой по компаниям с отсутствующими данными.

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

Среди диверсифицированных регионов наиболее пострадавшими являются *Калужская область, Санкт-Петербург* и *Ленинградская область*, где основной вклад вносит уход иностранных компаний из автомобилестроительных кластеров.

В *Калужской области* наиболее крупные иностранные компании представлены в автомобилестроении. Это сменившие собственников автозаводы немецкой Volkswagen (2023 г.), который простаивал в 2022–2023 гг., но в 2024 г. возобновил деятельность, связанную со сборкой китайских автомобилей, не требующую прежней численности персонала, частично перешедшего работать на другие предприятия региона, шведской Volvo (2023 г.), который приостанавливал производство в 2022–2023 гг., но в конце 2023 г. наладил производство российских грузовиков, а также формально сохранивший иностранных собственников, но переименованный завод нидерландской Stellantis (производство автомобилей Peugeot, Citroën, Mitsubishi), приостанавливавший работу в 2022–2023 гг., но возобновивший производство автомобилей одного из брендов из китайских комплектующих. Также автомобильная отрасль дополняется сопутствующими производствами: шин немецкой Continental, простаивавшим в 2022 г., но реорганизованным и переданным российскому собственнику в 2023 г., преимущественно сохранившими иностранных собственников производствами автокомплектующих французской Faurecia, испанских Gestamp и CIE Automotives, американских Corning и Visteon, швейцарской Bucher Industries, специального оборудования немецкой Mahle, преимущественно сокращающими деятельность. Из других пострадавших отраслей – производство бытовой электроники Samsung, которое формально сохранило иностранных собственников, но приостановило деятельность в 2022 г., не возобновив ее. Частично на площадях завода в 2024 г. были организованы мелкие производства техники. Смена собственника коснулась производства бумаги и картона финской Stora Enso (2022 г.) и изделий из дерева австрийской Kronospan (2023 г.), в первом случае с сокращением деятельности, во втором – без. Предприятия по производству фармацевтической продукции и медицинских инструментов немецкой STADA, итальянской Menarini, британской AstraZeneca, венгерской Sanatmetall сохранили иностранных собственников и продолжают работать без существенных сокращений деятельности. Таким образом,

для Калужской области были свойственны продолжительные простои предприятий в 2022–2023 гг. как с сокращением занятости, так и без него. Крупнейшие автомобилестроительные заводы возобновили деятельность к 2024 г., но явно не в прежнем объеме. Остановка и сокращение деятельности этих предприятий приводит к сокращению деятельности остальных предприятий автомобилестроительного кластера. Отсутствие негативной динамики в других отраслях специализации, в частности, в фармацевтике не оказывает значимого позитивного влияния на ситуацию.

Иностранные компании *Санкт-Петербурга* во многом представлены в сфере услуг (более 40%: торговля, деятельность ресторанов, разработка программного обеспечения и др.) (как в Москве и Московской области), которые как сохраняют собственника, так меняют его или ликвидируются, а также штаб-квартирами промышленных компаний, хотя в существенно меньшей степени, чем в Москве; в Санкт-Петербурге важную роль играют и промышленные предприятия.

Значительную роль в иностранной промышленности Санкт-Петербурга играло автомобилестроение: автосборочные предприятия корейского Hyundai, японского Nissan, японской Toyota, а также производство автокомплекующих канадской Magna, которые сменили собственников (в 2024, 2022, 2023, 2023 гг.), преимущественно простаивали в 2022 и 2023 гг. (в случае с Toyota известно об увольнении сотрудников), и с 2024 г. совершают попытки наладить производство автомобилей (бывший завод Hyundai – под прежними брендами из китайских комплектующих, Nissan – китайских автомобилей, Toyota – российских автомобилей), но не в прежнем объеме. Схожая ситуация характерна для производства бытовой техники немецкой Bosch, которое было выкуплено турецкими собственниками в 2023 г., но по состоянию на 2024 г. только предпринимает попытки наладить контрактное производство.

Для производств потребительских товаров: пищевых продуктов и напитков преимущественно характерна смена собственников с продолжением деятельности: продуктов питания финских Fazer (2022 г.) и Valio (2022 г.), греческой Chipita (2022 г.), пива датского Carlsberg (2024 г., завод пивоваренной компании Балтика»), нидерландской Heineken (2023 г.). В табачной отрасли есть как сохранившие иностранных собственников предприятия американской Philip Morris и японской

Japan Tobacco, так и сменившее собственника производство British American Tobacco, при этом все продолжают деятельность.

Преимущественно сохранение собственников характерны для химической отрасли (завод красок финской Tikkurila, сокращающий деятельность, но сменивший собственника только в 2025 г.), а также фармацевтики (производства немецкой V. Braun и швейцарской Novartis).

Таким образом, для Санкт-Петербурга влияние ухода иностранных компаний проявляется в основном в машиностроении.

Ленинградская область относится к регионам с диверсифицированным набором иностранных компаний. Они преимущественно связаны с лесоперерабатывающим комплексом, автомобилестроением, строительным и потребительским секторами.

Автомобилестроение представлено бывшим производством автомобилей американской Ford, которое формально не было передано российским собственникам и прекратило деятельность еще до 2022 г., а также производствами автокомпонентов (датской Dinex, французской Faugès, испанских Grupo Antolin и Gestamp), преимущественно сохранивших иностранных собственников и сокративших деятельность. В то же время, крупное производство шин финской Nokian Tyres передано российским собственникам в 2023 г. и продолжает работать. Также смена собственника с сокращением деятельности характерны для производства экскаваторов и погрузчиков американской Caterpillar и производства двигателей и турбин немецкой Siemens. Но, например, производство бытовой техники итальянской Ariston не поменяло собственника (хотя и было передано в 2024 г. во временное управление «Газпром»), продолжив работать, не сокращая существенно деятельность.

Производство бумаги американской International Paper сменило собственника в 2022 г., картона ирландской Smurfit Kappa – в 2023 г. При этом оба предприятия продолжили работать. Производство мебели шведской IKEA изменило собственника в 2023 г., продолжив работать, но сократив деятельность. Производства изделий из дерева британской Mayr-Melnhof и финской Metsä изменили собственников в 2022 и 2024 гг., существенно сократив деятельность.

Это же касается лесозаготовительных предприятий финской Metsä и американской International Paper.

Как в регионе, входящем в агломерацию крупнейшего города, в Ленинградской области широко представлены иностранные компании, производящие потребительские товары. Так, производство табачных изделий американской Philip Morris сохранило иностранного собственника и работает без существенного сокращения деятельности, в пищевой отрасли – производство колбас финской Atria сменило собственника и сокращает деятельность, производства кофе нидерландской JDE Peet's и соусов американской Kraft Heinz сохранили иностранных собственников и не сокращают деятельность, хотя и отказались от выпуска ряда брендов.

Таким образом, в Ленинградской области наиболее критичная ситуация характерна для предприятий автомобилестроительного кластера (связанного с Санкт-Петербургом), которого коснулись приостановки и сокращения производств, а также лесоперерабатывающего кластера (на разных стадиях переработки), характеризующегося сокращением деятельности предприятий.

К **диверсифицированным относительно пострадавшим** регионам относится Московская столичная агломерация, где весомый вклад вносит сектор услуг: в Москве – более 80%, в Московской области – более 40%).

При рассмотрении г. **Москвы** стоит учитывать, что значительная доля иностранных компаний достигается преимущественно компаниями сферы услуг (торговля, финансовые услуги, разработка программного обеспечения, телекоммуникации и информационные технологии), которые в основном сохранили иностранных собственников либо были ликвидированы, а также головными офисами ряда промышленных компаний, зарегистрированных в столице (ниже не рассматриваются).

В пищевой промышленности и производстве напитков иностранные производства преимущественно сохранили собственников: из реально ведущих деятельность стоит отметить производство напитков американской Coca Cola HBC, продолжающей деятельность.

Автомобилестроение представлено бывшим заводом французской Renault («Москвич»), который уже в 2022 г. сменил собственника и сразу наладил производство российских автомобилей и контрактную сборку китайских.

Не сменили собственников производство бумаги и картона ирландской Smurfit Карра, производство пластмассовых изделий итальянской Fondital, не существенно сократившее деятельность, фармацевтическое производство французской Servier, не сокращающие деятельность (малые или средние предприятия, расположенные в том числе в Новой Москве).

В *Московской области* зарегистрированы и действуют, в первую очередь, подразделения компаний розничной торговли, в частности французских Leroy Merlin, Auchan-Retail, немецкой Globus, шведской H&M и др., а также автодиллерские компании, торговые подразделения крупных производственных холдингов. Для них характерны как смены, так и сохранения собственников, а также ликвидации.

В промышленности иностранные компании представлены преимущественно производствами пищевых продуктов и напитков, они, как правило, сохраняют иностранную собственность и, главным образом, не сокращают или даже увеличивают деятельность: производства напитков американской PepsiCo и бельгийской AB InBev, производства кондитерских изделий американской Mars и итальянской Perfetti Van Melle, сыров немецкой Hochland, молочной продукции немецкой Ehrmann, макарон итальянской Barilla и др. Смена собственности на российскую или ликвидация отдельных подразделений коснулась предприятий французской Danone, которые также продолжили работать.

Для промышленности строительных материалов, лесоперерабатывающей, химической и металлообрабатывающей характерны различные тенденции, хотя и преобладает смена собственников и сокращение деятельности. Так, изменение собственников характерно для производств шин французской Michelin (2023 г.), цемента швейцарской Holcim (2024 г.), стекла японской NSG Group (2023 г.), керамической плитки польской Cersanit (2022 г.), прочей мебели испанской Rosa (2024 г.), изделий из дерева австрийской Kronospan (2023 г.), бытовых бумажных изделий финской Huhtamäki (2023 г.) (не сокращает деятельность, ориентирована на потребительский рынок), металлической тары американской Ball Corporation

(2022 г.). С другой стороны, сохранили собственников производства бетонных смесей немецкой Henkel, изоляционных материалов французской Saint-Gobain и датской Rockwool, гипсовых плит немецкой Knauf, бытовых бумажных изделий американской Kimberly-Clark, металлической тары польской Caprack, пластмассовых профилей немецкой Rehau.

В Московской области также присутствует автомобилестроительное предприятие немецкой Mercedes-Benz, которое приостановило деятельность в 2022 г. но в 2023 г. приобрело новых собственников, а в 2024 г. предприняло попытки по сборке китайских автомобилей.

Сохранение иностранной собственности характерно для производств лекарственных средств и медицинских материалов польских Polpharma и TZMO, словенской Krka, венгерской Gedeon Richter, немецкой Ottobock, а также промышленных газов немецкой Linde и лакокрасочных материалов нидерландской Akzo Nobel. Кроме этого, не сменило собственника предприятие по производству бытовой техники и электроники южнокорейской LG, при этом оно было приостановлено в 2022 г. и не возобновило работу.

К диверсифицированным относительно пострадавшим относятся также *Самарская область* и *Республика Татарстан*, где вклад в уход иностранных компаний также вносят автомобилестроительные кластеры, но скорее не за счет крупных предприятий, а за счет производителей автокомплекующих, а также *Липецкая область*.

В *Самарской области* также основную роль играет автомобилестроение, но она достигается за счет АО «Автоваз», в котором присутствовала 68% доля французской Renault, проданная в 2022 г., при этом предприятие в 2022 г. приостанавливало работу, а также АО «Лада Запад Тольятти», ранее известное как совместное предприятие американской GM и «Автоваза», которое было ликвидировано еще до 2022 г. Изменения собственников коснулись производства автокомплекующих французской Faurecia (2024 г.), которое сократило деятельность, производства алюминия американской Arconic (2022 г.), продолжившего действовать, производства керамических изделий польской Cersanit (2022 г.), продолжившего действовать без существенных сокращений. Сохранили иностранных собственников производство электрооборудования

французской Schneider Electric, продолжившее действовать, и подразделение американской нефтесервисной компании Schlumberger. Помимо этого, в Самарской области присутствует несколько средних иностранных компаний, специализирующихся преимущественно на производстве автокомплекующих (немецкая Bosch, ирландская Johnson Controls, японская Toyota, испанские Gestamp и CIE Automotives), электрооборудования, в том числе для автомобилей (американские Corning и Tenneco), которые преимущественно сменили собственников и сокращают деятельность, различных химических веществ (немецкая Linde, французская Veolia, испанская Maxam), преимущественно сохранившие собственников, но сокращающие деятельность. Таким образом, ситуация с уходом иностранных автомобилестроительных компаний после 2022 г. в данном регионе не столь критична как в других, хотя они и составляют основную долю, но дополняется предприятиями других отраслей.

Республика Татарстан во многом похожа на Самарскую область по специализации иностранных компаний и моделям их ухода. Так, 15% акций ПАО «Камаз» принадлежало немецкой Daimler Truck, их продажа в 2024 г. не повлияла существенно на деятельность предприятия. Доля американской Ford в совместном с ПАО «Соллерс» предприятии была передана российским собственникам в 2023 г., при этом предприятие продолжило работу, наладив сборку китайских автомобилей. Смена собственников коснулась совместных с ПАО «Камаз» производств автокомплекующих немецких ZF Friedrichshafen (2022 г.), Knorr-Bremse (2022 г.) и двигателей американской Cummins (2024 г.). Сохранение иностранных собственников, при этом незначительное сокращение деятельности (а иногда и рост), характерны для производств бытовой электроники китайской Haier, стеклянных изделий турецкой Sisecam, строительных материалов немецкой Knauf и датской Rockwool, химических веществ американской Nalco Water и французской Air Liquide, пластмассовых изделий финской Huhtamäki, расположенных в ОЭЗ «Алабуга», а также производств солода бельгийской AB InBev, кормов нидерландской Royal DSM.

Липецкая область также характеризуется высокими долями сохранивших собственность иностранных компаний. Значительную роль среди них занимает агропромышленный сектор: сельскохозяйственные производства и производства

сахара французской Sucden, а также производство соков американской PepsiCo (точнее, ее российского подразделения «Лебедянский»), которые незначительно сократили деятельность. Смена собственника не произошла у табачного производства японской Japan Tobacco, не сократившего деятельность. В свою очередь, предприятие по переработке картофеля американской Lamb Weston сменило иностранного собственника в 2022 г. Это же касается предприятия по производству бумажной упаковки британской Mondi, которое сменило собственника в 2023 г. Для менее крупных производств металлических изделий, машиностроительной продукции и химических веществ, расположенных в ОЭЗ «Липецк», характерны различные ситуации: сменили собственников и сокращают деятельность лакокрасочное производство американской PPG (2022 г.), производства отопительного оборудования немецкой Viessman (2022 г.), электрического оборудования американской Honeywell (2022 г.) и швейцарской ABB (2024 г.). Сохранили иностранных собственников производства металлических изделий бельгийской Bekaert и немецкой OBO Bettermann, алюминия итальянской Fenzi Group, измерительной аппаратуры американской Schlumberger и отопительного оборудования итальянской Fondital (последние два не сокращают деятельность). Помимо этого, производство бытовой техники американской Whirlpool (ранее Indesit), было уже в 2022 г. передано турецким собственникам Arcelik (бренд Beko), при этом предприятие не останавливалось. Таким образом, Липецкую область можно считать относительно пострадавшим регионом, хотя иностранные компании в ней не специализируются на наиболее пострадавших отраслях.

Среди диверсифицированных наименее пострадавших регионов, где предприятия преимущественно сохранили иностранных собственников и продолжили работать, стоит упомянуть ***Нижегородскую, Тульскую, Владимирскую области и Краснодарский край.***

Нижегородская область характеризуется высокими долей и масштабами сохранивших собственность иностранных компаний. Это достигается за счет фармацевтической отрасли (предприятие, принадлежащее немецкой STADA – завод «Нижфарм»), производств стекла и стеклянных изделий турецкой Sisecam и немецкой Schott (последний изменил собственника в 2024 г.), продолжающих

деятельность, производств автокомпонентов японской Yazaki, американской Lear Corporation, польской Borgszew, испанской Grupo Antolin (последнее сменило собственника в 2023 г.), преимущественно сокращающих деятельность. Примечательно, что в регионе действует крупнейший отечественный автомобилестроительный завод, на котором до 2022 г. было организовано контрактное производство немецкой Volkswagen. Также сохраняют иностранных собственников, но преимущественно сокращают деятельность машиностроительные производства швейцарской Liebherr, японской Marubeni и американской Ingersoll Rand, производство изделий из дерева американской Mohawk Industries, гипса немецкой Knauf.

Также высокие масштабы и доли сохранивших иностранных собственников компаний свойственны *Тульской области* за счет сохранивших иностранных владельцев производств крахмала американской Cargill, бытовой химии американской Procter&Gamble, гипсовых плит и цемента немецких Knauf и HeidelbergCement, а также некоторых малых предприятий.

Высокие масштабы и доли сохранивших иностранную собственность компаний характерны для *Владимирской области*, в первую очередь, за счет двух производств кондитерских изделий – американской Mondelez и итальянской Ferrero, а также химических производств американской Dow, французской Saint-Gobain, производства электрического оборудования американской Visteon, которые продолжают работать.

Относительно высокие масштабы сохранивших иностранных собственников компаний характерны для *Краснодарского края*. Они сконцентрированы преимущественно в потребительских секторах: производство кофе швейцарской Nestle, консервированных овощей французской Bonduelle. Также это характерно для производства сельскохозяйственной техники немецкой Claas и гипсовых панелей немецкой Knauf.

В таких регионах с крупнейшими агломерациями, как *Новосибирская* и *Свердловская* области, хоть и присутствуют иностранные компании, и во многом в сфере услуг, они не играют существенной роли. В Новосибирской области из иностранных промышленных присутствует производство химических веществ люксембургской OCSiAl, сохранившее иностранного собственника и

продолжающее функционировать. В Свердловской области высокая роль сменивших собственность иностранных компаний формально достигается благодаря регистрации активов итальянской Enel, сменивших собственников в 2022 г., а также производства упаковки британской Mondi (2023 г.). При этом сохранило иностранных собственников производство цемента итальянской Buzzi Unicem.

Если переходить к **моноспециализированным** (по набору иностранных компаний) регионам, то **наиболее пострадавшими** являются специализирующиеся на лесопереработке, ранее сильно ориентированные на экспорт регионы, где предприятия преимущественно сменили собственников, но сокращают деятельность. В первую очередь, это *Республики Коми, Карелия и Новгородская область*, а также, отчасти *Кировская область* и *Приморский край*.

В *Республике Коми* основную роль играла британская Mondi, которой принадлежал Сыктывкарский ЛПК, в 2023 г. сменивший собственников, но продолживший деятельность. В *Новгородской области* – производства изделий из дерева шведской IKEA, финских UPM и Stora Enso, которые сменили собственников соответственно в 2023, 2024 и 2022 гг., но продолжили деятельность, хотя и сократив ее масштабы. В *Республике Карелия* иностранная лесопереработка представлена шведской IKEA и финской Stora Enso, сменивших собственников на российских в 2022 г. и сокращающих деятельность, но также присутствует предприятие по добыче нерудных полезных ископаемых швейцарской Holcim, сменившее собственников и не сокращающее деятельность. В *Кировской области* – производство шведской IKEA, сменившее собственника в 2023 г. и сокращающее деятельность, также играет роль производство шин Pirelli, сохранившее собственников и сокращающее деятельность. В *Приморском крае* – лесозаготовительные и деревообрабатывающие производства японской Sumitomo, сохранившие иностранного собственника, также вклад вносит сменившее иностранного собственника в 2022 г. и сокращающее деятельность производство автомобилей Mazda.

Отдельные иностранные деревообрабатывающие предприятия не сменили собственность и не сократили деятельность (из-за ориентации на внутренний рынок) в *Костромской* (швейцарская Swiss Krono), *Ивановской* и *Смоленской*

(австрийская Egger) *областях*, которые стоит относить к **наименее пострадавшим регионам**.

Моноспециализированными относительно пострадавшими регионами стоит считать ряд машиностроительных (*Ульяновская, Саратовская, Челябинская, Тверская, Ярославская, Калининградская области*) и добывающих (*Сахалинская, Тюменская области, ЯНАО и ХМАО–Югра*).

Среди регионов со специализацией иностранных компаний на машиностроении, где предприятия преимущественно сократили деятельность, стоит выделить *Ульяновскую* (сохранившие иностранных собственников машиностроительные производства французской Legrand, датской Vestas, японской DMG Mori, сменившее собственника в 2023 г., производство шин японской Bridgestone Tires и др.), *Саратовскую* (сменившие в 2023 г. иностранного владельца машиностроительные предприятия немецкой Bosch) и *Челябинскую* (сменившее в 2022 г. иностранного собственника производство автомобилей итальянской Iveco) *области*. Компенсирующими (не сокращающими деятельность, или сокращающими ее незначительно) в Саратовской области являются цементные производства швейцарской Holcim (сменило собственника в 2024 г.) и немецкой HiedelbergCement (сохранило собственника), в Челябинской – производства гипсовых и изоляционных материалов немецкой Knauf, французской Saint-Gobain, датской Rockwool, сохранившие иностранных собственников.

Также значимую роль машиностроительные иностранные компании, сокращающие деятельность, играют в *Тверской и Ярославской областях* (заводы по производству экскаваторов японских Hitachi и Komatsu, сохранившие собственников, и подшипников шведской SKF, сменивший собственников в 2022 г.).

Стоит упомянуть такой регион, как *Калининградская область*. Формально доля иностранных компаний в ее экономике не высока и достигается за счет рыбоперерабатывающего предприятия литовской Viciunai, которое сменило собственника в 2024 г. Тем не менее, важно сказать об автозаводе «Автотор», который не является иностранным предприятием, но до 2022 г. осуществлял контрактную сборку автомобилей таких брендов, как Kia, BMW и др. В некоторой степени контрактная сборка этих брендов была заменена контрактной сборкой

китайских брендов: Chery и др., что должно было сгладить влияние от прекращения сборки первой группы компаний.

В ряде регионов добычи нефти и газа уход иностранных инвесторов проявился через их выход из совместных добывающих проектов: в *Сахалинской области* – американской ExxonMobil, британской Shell, японских Mitsui и Mitsubishi, в *Ямало-Ненецком АО* – немецкой Wintershall, британской British Petroleum. При этом в совместных предприятиях СПГ в Ямало-Ненецком АО доля французской Total Energies сохранилась.

Сохранили иностранных собственников и не сокращают деятельность в *Тюменской* и *Сахалинской областях* производства оборудования для нефте- и газодобычи американской Schlumberger и британской KCA Deutag, в *Ханты-Мансийском АО – Югре* – нефтесервисное подразделение американской Schlumberger. Формально также в электростанциях ХМАО–Югры сохраняются доли E.ON, переданные во временное управление Росимущество, что не влияет на их работу.

Моноспециализированными наименее пострадавшими являются регионы агропромышленного комплекса (АПК) и потребительских секторов: помимо Липецкой области, к ним стоит относить и другие регионы Черноземья, например, *Воронежскую* и *Волгоградскую области*, где наблюдается относительно позитивная динамика предприятий. В *Воронежской области* действуют сменившие иностранных собственников в 2022–2023 гг. пищевые производства американской Kellogg's и немецкой Hochland, а также производство трансформаторов немецкой Siemens.

В целом, картина ухода или изменения роли иностранных компаний по регионам России во многом определяется географией прямых иностранных инвестиций в 1990–2010-х гг. и соответствующим размещением иностранных производств.

При этом отраслевая ситуация в основном спроецирована на региональную. Изменение роли иностранных компаний сильно детерминируется отраслевой специализацией: сильнее пострадали регионы, привлечшие в прежние периоды наибольшее количество иностранных компаний наиболее пострадавших отраслей,

в особенности, автомобилестроения, для которого характерны значительные масштабы производств.

Наибольшие изменения роли иностранных компаний возникают не только при специализации регионов на наиболее пострадавших отраслях, но и при небольших масштабах экономик данных регионов. Так, значимый вклад в региональные экономики ушедшие и сократившие деятельности иностранные компании вносили в ряде небольших регионов, специализирующихся на лесоперерабатывающем комплексе.

Таким образом, наиболее критичная ситуация с точки зрения изменения роли иностранных компаний складывается в регионах иностранного автомобилестроения и иностранного лесоперерабатывающего комплекса.

Тем не менее, в региональной проекции отраслевой картины присутствуют искажения. Так, экспортно-ориентированная лесопереработка Северо-Запада и Севера пострадала сильнее, чем в Центре; автомобилестроение на Северо-Западе и в Центре и пострадало сильнее из-за ограничений импортных поставок, чем в Поволжье, причем просадка наблюдается целыми кластерами: с приостановкой крупных сборочных предприятий сокращают деятельность и производители автокомплекующих. Вообще, автомобилестроение является одной из отраслей, где кластеры формируются на основе крупных сборочных предприятий, вокруг которых, в пределах одного муниципального образования или нескольких соседних, обычно размещаются более мелкие производители автокомплекующих [Бобровский, Горячко, 2024], поэтому приостановка деятельности первых часто приводит к негативной динамике деятельности последних.

Регионы, специализирующиеся на высокотехнологичной промышленности и наукоемких услугах, в которых также велика доля уходящих компаний – преимущественно крупные и диверсифицированные. Здесь проблема ухода иностранных компаний наиболее критична не для регионального развития, а с точки зрения дальнейшего технологического развития отраслей и экономики страны в целом.

Краткие выводы по Главе 2

При изучении изменения роли иностранных компаний возникает ряд исследовательских проблем: заявления иностранных компаний не соответствуют реальным действиям; уход иностранных компаний не всегда однозначно определяет динамику деятельности их подразделений; реальный уход имеет отложенный характер; изменение роли иностранных компаний – не единственный фактор региональной экономической динамики в 2022–2024 гг.

Применяемая методика подразумевает проведение косвенных и непосредственных (в том числе на основании заявлений и реальных действий) оценок ухода иностранных компаний, а также рассмотрение динамики их деятельности.

Согласно непосредственным оценкам, которые более достоверны, чем косвенные, роль реально ушедших иностранных компаний (ликвидированных и сменивших собственников преимущественно на российских) в экономике России в 2024 г. составляет 0,7% по численности занятых, промышленных компаний в промышленности – 1,6%.

При проведении оценок по заявлениям видно резкое увеличение роли компаний, заявивших об уходе в 2023 г., тогда как роль реально ушедших иностранных компаний поступательно увеличивалась весь период 2022–2024 гг., что говорит об отложенном характере данного процесса. В целом оценки роли иностранных компаний по реальным действиям сравнялись с оценками по заявлениям в 2024 г., что дает основание предполагать, что уход иностранных компаний, запланированный ими после 2022 г., в 2024 г. постепенно завершается.

Помимо факта ухода иностранных компаний важно рассматривать также динамику их основных показателей. Так, в 2022–2024 гг. среди иностранных компаний (как ушедших, так и сохранивших иностранных собственников) преобладает сокращение занятости и / или выручки. При этом если для сохранивших собственников иностранных компаний, доля сокративших деятельность примерно постоянна все три года, то для сменивших иностранных собственников она существенно сократилась. Это говорит о том, что предприятия, сменившие собственников, начали восстанавливать деятельность к 2024 г.

Относительно невысокие оценки роли ушедших и сокративших деятельность иностранных компаний по численности занятых в российской экономике в целом не говорят о малой значимости данной проблемы, поскольку они становятся выше при рассмотрении отдельных отраслей и регионов.

Среди отраслей экономики наиболее высокие масштабы и роль ушедших иностранных компаний наблюдаются в отдельных отраслях сферы услуг, а также обрабатывающих производствах. Среди отраслей промышленности наиболее пострадавшими являются машиностроение, в том числе автомобилестроение, относительно пострадавшими – деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная, промышленность стройматериалов, наименее пострадавшими – пищевая и иные потребительские отрасли. Во многом такая ситуация определяется зависимостью от поставок сырья, материалов, готовой продукции и технологий через границу, которые оказались сильно зарегулированы санкциями.

В основном отраслевая картина проецируется на региональную. Отсюда в изменении роли иностранных компаний проявляются центр-периферийные и зональные закономерности: например, специализация на относительно пострадавшей сфере услуг в крупнейших агломерациях, более пострадавшей лесопереработке в лесной зоне, менее пострадавшем АПК в черноземной зоне. При этом в проекции отраслевой ситуации существуют некоторые искажения: автомобилестроение пострадало больше в Центре и на Северо-Западе, лесопереработка – на Севере и Северо-Западе.

Рассмотренные изменения в роли иностранных компаний с точки зрения территориального распределения можно интерпретировать с двух сторон.

- Во-первых, происходит существенное сокращение ранее значимой роли иностранного капитала в регионах Центра и Северо-Запада, которые были основными точками притяжения инвестиций из «недружественных», в первую очередь, европейских стран. В свою очередь, растущий поток инвестиций из «дружественных», преимущественно азиатских, стран имеет несколько иное региональное распределение, хотя после 2022 г. регионы выхода западных иностранных компаний также привлекают азиатские компании освободившимися производственными площадями, но не в контексте прямого инвестирования, а в рамках развития контрактных производств. То есть, происходит изменение

территориального распределения иностранных инвестиций внутри страны и привлекательности регионов для иностранных инвесторов в целом.

- Во-вторых, территориальное распределение изменения роли иностранных промышленных компаний, частично являющееся проекцией отраслевого, накладывается на центр-периферийную структуру экономики, которая преимущественно смягчает степень ущерба от ухода и сокращения деятельности иностранных компаний. К примеру, иностранные предприятия наиболее пострадавших отраслей – автомобилестроения и прочего машиностроения преимущественно расположены вблизи крупнейших агломераций, что определяет их относительную устойчивость.

Глава 3. Эффекты ухода иностранных промышленных компаний для экономики регионов и муниципальных образований России после 2022 г.

3.1. Выбор показателей для оценки эффектов, классификация регионов по роли ушедших иностранных компаний и экономической динамике²⁵

Выбор релевантных показателей ухода иностранных компаний

Перед проведением классификаций и типологий регионов и оценки эффектов ухода иностранных компаний в них, среди рассмотренных в предыдущей главе оценок следует выбрать наиболее релевантные для дальнейшего анализа. В Таблице 10 сведены описательные статистики для различных оценок ухода иностранных компаний на конец 2022 г.

Таблица 10. Некоторые описательные статистики данных, характеризующих уход иностранных компаний

Вид оценок	Показатели		К-во набл. (регионов)	Ср. взвеш. (ср. по России)	Ср. арифм	Стд. отклон.	Мин.	Макс.	Асимметрия	Экссесс	
											К-во набл. (регионов)
Косв.	Потенц. уходящих	По числ. занятых	85	5,8	3,7	3,0	0,0	13,6	0,9	0,4	
		По выручке	70	7,8	6,5	9,7	0,0	49,8	2,7	7,2	
Непоср.	Доля всех компаний в экономике	Заявивших об уходе	По числ. занятых	53	0,7	0,4	0,8	0,0	3,4	2,6	6,5
			По выручке	53	2,3	1,0	2,0	0,0	10,1	2,8	8,0
		Ушедших	По числ. занятых	44	0,5	0,3	0,6	0,0	2,6	2,5	5,9
			По выручке	44	1,9	1,3	3,6	0,0	22,9	5,1	27,4
	Доля пром. компаний в пр-ти	Заявивших об уходе	По числ. занятых	41	0,3	0,3	0,6	0,0	3,2	3,1	9,9
			По выручке	41	0,8	1,0	1,8	0,0	10,0	3,4	12,9
		Ушедших	По числ. занятых	32	0,2	0,3	0,5	0,0	2,3	2,7	7,6
			По выручке	32	0,6	1,3	4,0	0,0	22,9	4,8	22,9

Источник: рассчитано автором по данным Росстата, Банка России и СПАРК-Интерфакс.

²⁵ При работе над данным разделом диссертации использованы публикации автора: Бобровский Р.О. Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России // Федерализм. – 2023. – Т. 28. – №. 2. – С. 197–219; Бобровский Р.О. Место уходящих иностранных компаний в экономике отраслей и регионов России. Некоторые итоги 2023 г. Вып. 2. [Деп. РЭУ им. Г.В. Плеханова, 11.06.2024]. – М., 2024. – 12 с. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/hnhoxu>; Бобровский Р.О. Тенденции развития и модернизации промышленности регионов России. Итоги 2022 г. Вып. 4. [Деп. РЭУ им. Г.В. Плеханова, 21.04.2023]. – М., 2023. – 18 с. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/hzseoj>.

Из таблицы видно, что косвенные оценки, в отличие от непосредственных, охватывают большее количество регионов и наиболее приближены к нормальному распределению (имеют минимальные асимметрию и эксцесс), что формально говорит об их высоком качестве.

Среди непосредственных оценок описательные статистики для компаний, заявивших об уходе, слабо отличаются от таковых для реально ушедших.

Оценки по численности занятых имеют меньший размах (что связано с меньшим количеством выбросов), а также больше приближены к нормальному распределению (имеют меньшие асимметрию и эксцесс), чем оценки по выручке. Поэтому далее используются оценки по численности занятых.

Тем не менее, в связи с не совсем корректным региональным распределением косвенных оценок, учетом ими офшорного капитала, их следует считать менее достоверными по сравнению с непосредственными. Также менее достоверными являются оценки по заявлениям компаний, по сравнению с оценками по реальным действиям. Поэтому далее используются непосредственные оценки по реальным действиям компаний как наиболее достоверные.

Классификация регионов по роли ушедших иностранных компаний и экономической динамике

Оценка эффектов ухода иностранных компаний в регионах, а также применение соответствующей региональной политики требует разделения регионов на группы [Бутс и др., 2002], в частности, при помощи проведения классификации.

Группировка регионов с наибольшей долей ограничивших деятельность иностранных компаний, приведенная выше, при анализе изменения роли иностранных компаний, качественно учитывает специализацию регионов (точнее, специализацию ушедших компаний) и их размер, но не говорит о степени воздействия ухода иностранных компаний на региональные экономики и их устойчивости.

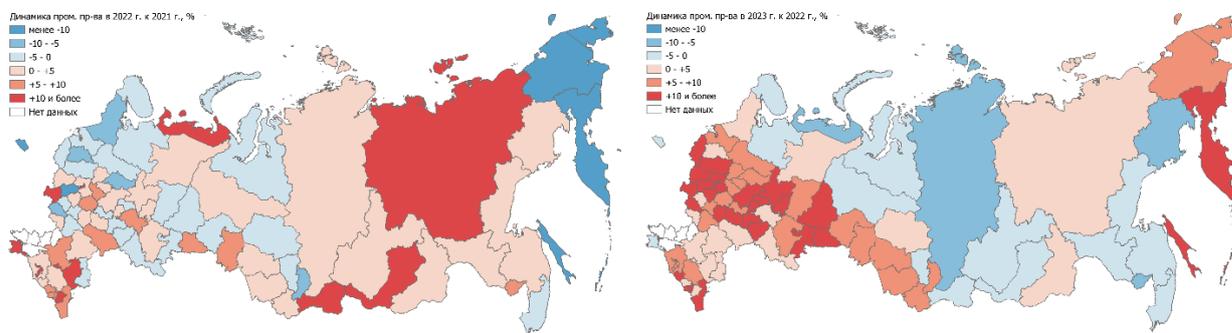
Проведение кластеризации количественно позволяет выявить группы регионов по доле ушедших компаний и характеру экономической динамики, отчасти отражающей степень воздействия данного явления на региональную экономику и ее устойчивость.

Далее проведены две многомерных классификации – сопоставляющие:

- 1) Долю всех ушедших иностранных компаний и динамику ВРП в 2022 г.,
- 2) Долю промышленных ушедших иностранных компаний и динамику промышленного производства в 2022 г.

При этом мы понимаем, что динамика ВРП и промышленного производства в значительной степени определяется влиянием других факторов, в первую очередь санкционных ограничений внешней торговли. «Очищение» от влияния санкций мы проводим далее, при выявлении эффектов изменения роли иностранных компаний.

Выбор динамики за 2022 г. связан с тем, что в 2023 и 2024 гг. влияние фактора ухода иностранных компаний на экономическую динамику нивелируется другими факторами (главным образом динамикой отраслей, связанных с ОПК), в связи с этим, во многих регионах снижение, вызванное уходом иностранных компаний практически полностью компенсируется ростом других отраслей. Это отражено на Рисунках 26 и 27, где показана динамика промышленного производства в 2022 и 2023 г.

Рисунки 26 и 27. Индекс промышленного производства в регионах России в 2022 г. (к 2021 г.) и 2023 г. (к 2022 г.)

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Согласно [Земцов, Волошинская, 2024] устойчивость регионов России объясняется, главным образом, размером и разнообразием экономики.

Поэтому для учета в многомерной классификации устойчивости региональных экономик к уходу иностранных компаний, а также для контроля масштаба ВРП и промышленного производства, в многомерную классификацию добавлены показатели абсолютных ВРП или отгрузки товаров («Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами») для отраслей промышленности в 2021 г.

Переменные были проверены на отсутствие высоких парных корреляций, логарифмированы и стандартизированы. Также из выборок были исключены регионы, в которых отсутствовало явление.

Кластеризация проводилась иерархическим способом, наилучшее количество кластеров определялось при анализе дендрограммы²⁶. Опытным путем определен лучший метод кластеризации – метод Уорда, минимизирующий дисперсию внутри кластеров, который также используется для классификации регионов России в других исследованиях [Бутс и др., 2002; Баринаева и др., 2015]. В качестве метрики расстояния между объектами выбрано Евклидово расстояние.

Главным критерием качества рассчитанной многомерной классификации была близость к естественной²⁷.

Результаты многомерных классификаций для экономики и промышленности соотнесены друг с другом и со специализацией ушедших компаний в Таблице 11.

Классификация по доле всех ушедших иностранных компаний в экономике и динамике ВВП (Рисунки 28 и 29, Таблица 11) представлена 7-ю группами регионов.

Для 1-й, с наибольшей долей ушедших компаний и наиболее негативной динамикой, то есть наиболее пострадавшей, и 2-й групп регионов характерна специализация на автомобилестроении (в первую очередь, для Калужской области) и/или наличие большого количества ушедших компаний в различных отраслях (Ленинградская, Липецкая области). (В случае с Липецкой областью негативное влияние также объясняется санкциями в металлургической отрасли).

Для 3-й группы характерен малый размер региональных экономик, что делает их также одними из наиболее пострадавших, дополняемый, в ряде случаев, специализацией на лесопереработке (Новгородская, Кировская обл.). (В данных регионах дополнительное негативное влияние также оказывают проблемы экспорта минеральных удобрений).

4-я группа образована регионами с крупнейшими городскими агломерациями (Москва, Санкт-Петербург, Московская область), характеризующихся крупными и диверсифицированными экономиками, что

²⁶ В результате анализа дендрограммы выявлялось, как правило, 6 или 7 кластеров, что соответствует оптимальному количеству, рассчитанному по формуле Стерджесса.

²⁷ Формально, согласно [Бутс и др., 2002], критерием качества кластерного анализа является равномерное распределение объектов между классами, количественно характеризующееся энтропией классификации объектов. В данном исследовании мы не преследуем цели равномерной классификации.

положительно сказалось на их экономической динамике, нивелировав уход иностранных компаний.

Для 5-й и 6-й групп уход иностранных компаний был не ключевым фактором, и экономическая динамика в них не была негативной.

Для 7-й группы регионов ключевым фактором негативной экономической динамики был не уход иностранных компаний, а санкционные ограничения внешней торговли с «недружественными» странами (что характерно также преимущественно для лесоперерабатывающих регионов).

Классификация по доле ушедших промышленных компаний в промышленности и динамике промышленного производства (Рисунки 30 и 31, Таблица 11) представлена 6 группами регионов, частично схожих с предыдущими.

Среди основных отличий такой классификации от приведенной выше стоит выделить попадание в 1-ю (наиболее пострадавшую) группу Республики Карелия, Новгородской и Ульяновской областей, то есть, специализирующихся на лесопереработке и автомобилестроении менее крупных регионов и переход промышленно более диверсифицированной и развитой Липецкой области во 2-ю, менее пострадавшую, группу.

Также видно дополнение 4-й группы регионов (с крупнейшими городскими агломерациями) Республикой Татарстан и Свердловской областью, так как в промышленном отношении они становятся сопоставимы с Санкт-Петербургом, Московской областью и Москвой.

Таблица 11. Сопоставление многомерных классификаций регионов по доле ушедших иностранных компаний и экономической динамике для экономики в целом и промышленности

№	По доле всех ушедших иностранных компаний в экономике и динамике ВРП		По доле ушедших промышленных компаний в промышленности и динамике промышленного производства	
	Название группы	Регионы	Название группы	Регионы
1	С высокой долей и отрицательной динамикой (автомобилестр. и диверсиф.)	Калужская обл., Липецкая обл.	С высокой долей и отрицательной динамикой (автомобилестр. и лесоперерабат.)	Калужская обл., Новгородская обл., Ульяновская обл., Респ. Карелия
2	С высокой долей и слабоотрицательной-слабоположительной динамикой – средние (преим. автомобилестр. и диверсиф.)	Ленинградская обл., Воронежская обл., Самарская обл., Кемеровская обл., Свердловская обл.	С высокой долей и слабоотрицательной динамикой (преим. автомобилестр. и диверсиф.)	Ленинградская обл., Липецкая обл., Воронежская обл., Самарская обл., Кемеровская обл.

3	С высокой долей и слабоотрицательной-слабоположительной динамикой – малые (преим. лесоперерабат. и диверсиф.)	Новгородская обл., Ульяновская обл., Респ. Адыгея, Кировская обл., Ярославская обл., Тверская обл., Костромская обл., Ивановская обл., Тамбовская обл., Пензенская обл.	С высокой долей и слабоотрицательной-слабоположительной динамикой – малые (преим. лесоперерабат. и диверсиф.)	Респ. Адыгея, Саратовская обл., Кировская обл., Ярославская обл., Тверская обл.
4	С высокой долей и слабоотрицательной-слабоположительной динамикой – крупнейшие (диверсиф.)	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская обл.	С высокой долей и слабоотрицательной-слабоположительной динамикой – крупнейшие (диверсиф.)	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская обл., Респ. Татарстан, Свердловская обл.
5	Со средней долей и слабоположительной динамикой (спец. на различных отраслях или преим. диверсиф.)	Респ. Татарстан, Саратовская обл., Приморский кр., Респ. Коми, Новосибирская обл., Нижегородская обл., Краснодарский кр., Пермский кр., Ростовская обл., Тюменская обл., Тульская обл., Ставропольский кр., Иркутская обл.	Со средней долей и слабоположительной динамикой (спец. на различных отраслях или преим. диверсиф.)	Новосибирская обл., Тюменская обл., Владимирская обл., Нижегородская обл., Ставропольский кр., Вологодская обл., Красноярский кр., Тульская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра
6	С низкой долей и слабоположительной динамикой (спец. на различных отраслях или преим. диверсиф.)	Красноярский кр., Ханты-Мансийский АО – Югра, Респ. Башкортостан, Оренбургская обл., Волгоградская обл., Алтайский кр.	С низкой долей и слабоположительной-слабоотрицательной динамикой (спец. на различных отраслях или преим. диверсиф.)	Приморский кр., Мурманская обл., Ростовская обл., Респ. Башкортостан
7	Со средней и низкой долей и отрицательной динамикой (преим. лесоперерабат. и спец. на различн. отраслях)	Респ. Карелия, Владимирская обл., Вологодская обл., Мурманская обл., Сахалинская обл.		

Источник: составлено автором.

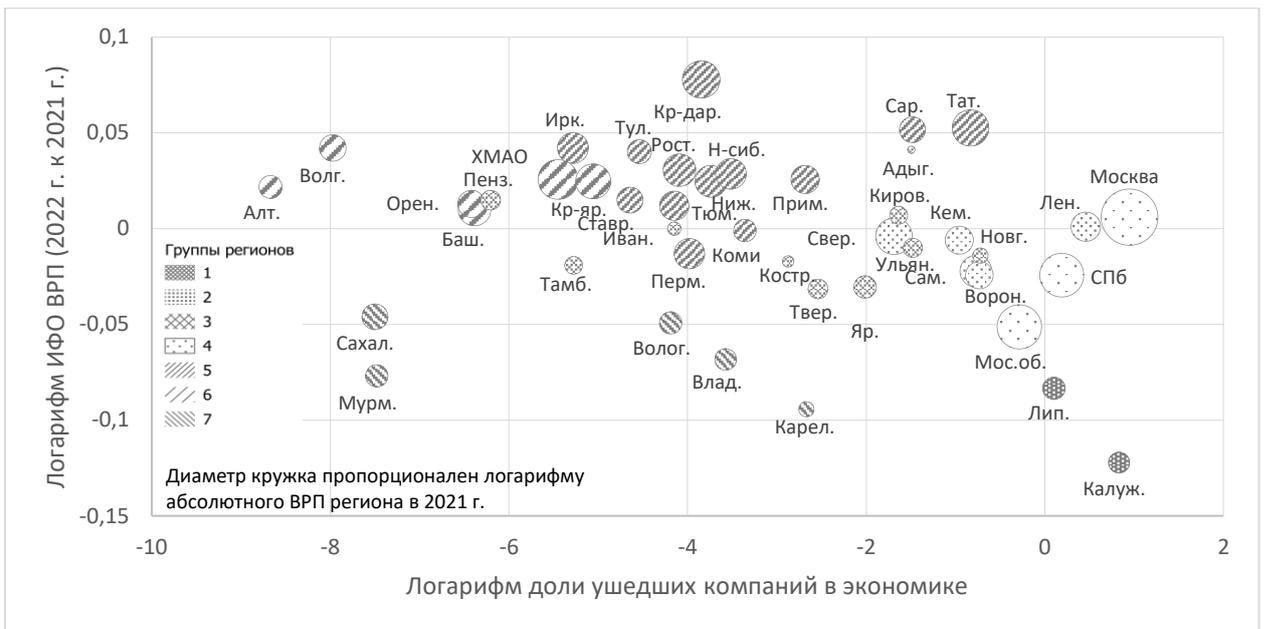

Рисунок 28. Распределение регионов при классификации по доле ушедших компаний в экономике и динамике ВРП
 Источник: рассчитано автором по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс.

Рисунок 29. Классификация регионов по доле ушедших компаний в экономике и динамике ВРП
 Источник: составлено автором.

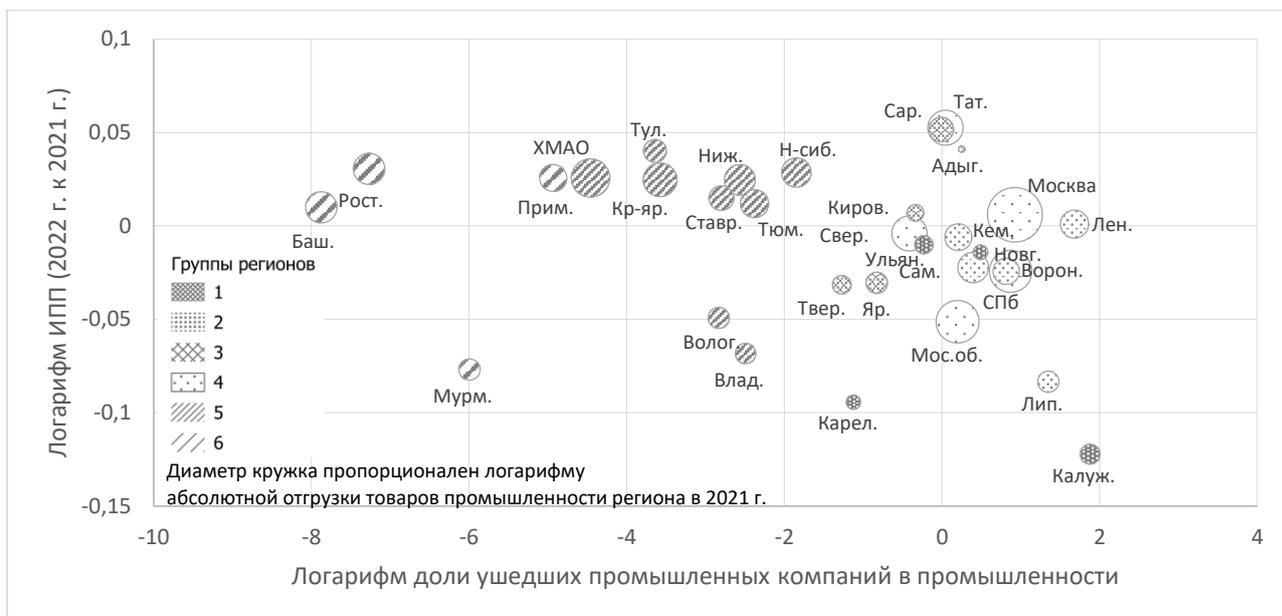

Рисунок 30. Распределение регионов при классификации по доле ушедших промышленных компаний в промышленности и динамике промышленного производства

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс.

Рисунок 31. Классификация регионов по доле ушедших промышленных компаний в промышленности и динамике промышленного производства

Источник: составлено автором.

В главе 2 было предложено распределение регионов по специализации ушедших иностранных компаний (Таблица 8). При этом видно, что результаты проведенной выше многомерной классификации регионов России по роли ушедших иностранных компаний, степени воздействия и подверженности данному явлению, не полностью соотносятся с отраслевой специализацией.

Для дальнейшей работы важно соотнести эту «условно отраслевою» группировку с показателями, заложенными в кластерный анализ выше, то есть, долей ушедших иностранных компаний в экономике и в промышленности и динамикой ВРП и промышленного производства (Рисунки 32 и 33).

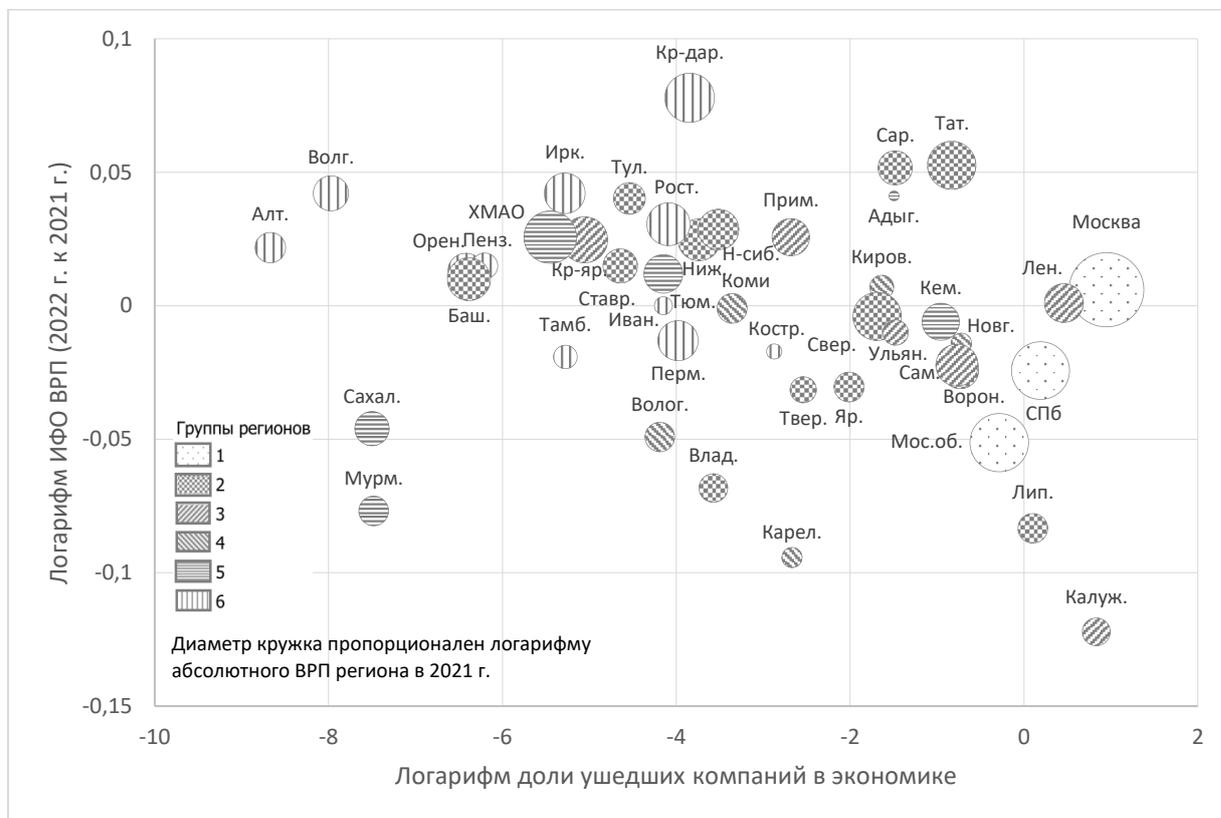

Рисунок 32. Распределение регионов по показателям доли ушедших иностранных компаний и динамики ВРП в 2022 г. и группировка по специализации ушедших иностранных компаний.

Примечание: группы регионов:

1. Регионы с крупнейшими городскими агломерациями и диверсифицированным набором ушедших иностранных компаний,
2. Промышленно-диверсифицированные регионы,
3. Регионы с ушедшими иностранными компаниями в автомобилестроении,
4. Регионы с ушедшими иностранными компаниями в лесопереработке,
5. Регионы с ушедшими иностранными компаниями в добыче полезных ископаемых или производстве электроэнергии,
6. Регионы с ушедшими иностранными компаниями в сфере услуг или агропромышленном комплексе,
7. Регионы без ушедших иностранных компаний или с низкой их долей (не показаны на диаграмме).

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс.

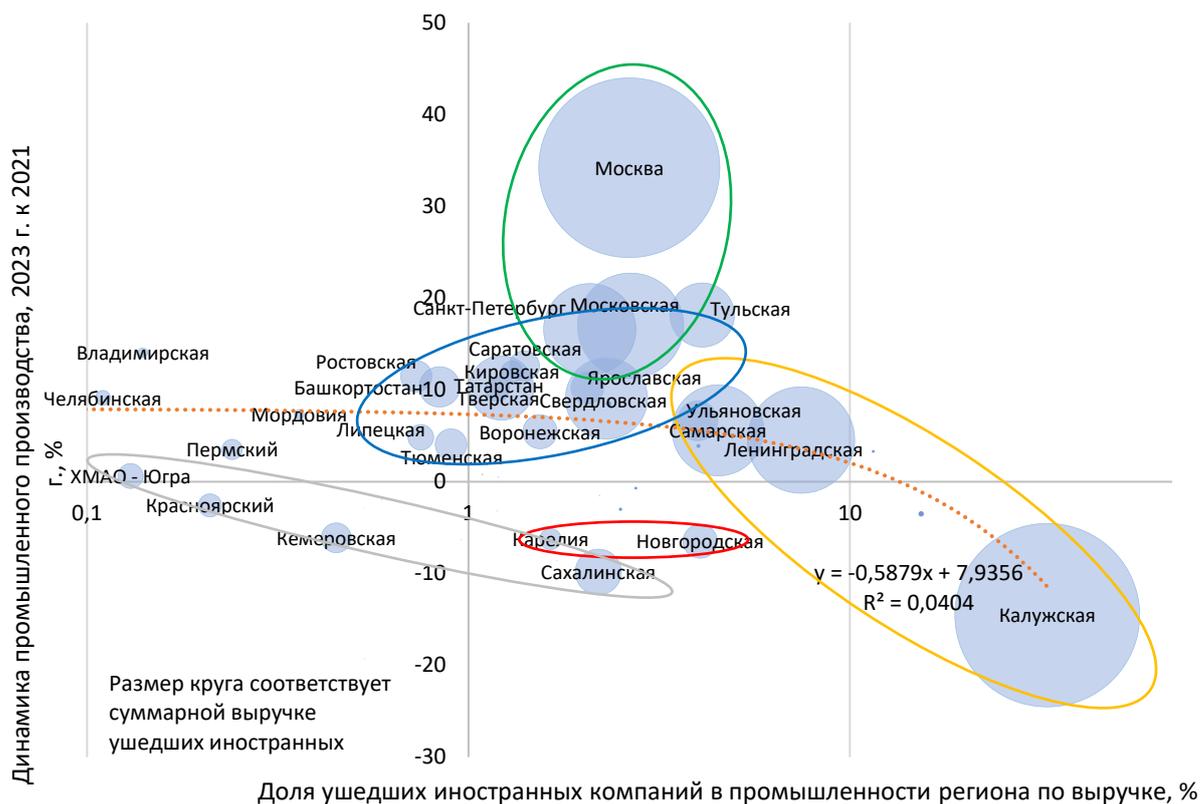

Рисунок 33. Распределение регионов по динамике промышленного производства в 2022–2023 гг. и доле ушедших иностранных компаний в промышленности
Источник: рассчитано автором по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс.

В целом, исходя из графиков выше, подтверждается вывод, что более крупные регионы с диверсифицированной структурой экономики, даже если имеют высокую долю уходящих компаний, с точки зрения общего промышленного производства чувствуют себя гораздо лучше. Так, относительно благоприятна ситуация в Москве и Санкт-Петербурге. Также не сильно критична динамика в Республике Татарстан, Московской, Свердловской областях.

В то же время, малые и слабо диверсифицированные регионы, имея высокую долю ушедших иностранных компаний, как правило, характеризуются негативной динамикой промышленного производства. Так, наиболее сильно фактор ухода иностранных компаний повлиял на такие регионы, как Калужская и Новгородская области, Республика Карелия.

3.2. Эффекты ухода иностранных промышленных компаний для экономики регионов России разных типов

Перед исследованием эффектов ухода иностранных компаний для экономики регионов России были выдвинуты следующие гипотезы:

- Доля ушедших компаний отрицательно влияет на динамику ВРП и промышленного производства в регионах России;
- Уход иностранных компаний создает пространственные эффекты и может отрицательно влиять на динамику ВРП и промышленного производства в соседних регионах;
- Санкционные ограничения экспорта и импорта на экономической динамике регионов могли сказаться сильнее, чем уход иностранных компаний, кроме того, степень влияния данных факторов различна в разных типах регионов;
- Существенный вклад в положительную экономическую динамику регионов с ушедшими иностранными компаниями в 2023 г. внесла динамика отдельных отраслей специализации данных регионов, нивелировав влияние ухода иностранных компаний;
- Регионы, до 2022 г. имевшие высокий рейтинг инвестиционной привлекательности, успешно функционирующие преференциальные режимы ведения экономической деятельности (в частности, ОЭЗ) пострадали от ухода иностранных компаний сильнее;
- Регионы с развитыми к 2022 г. кластерами обрабатывающей промышленности пострадали менее сильно.

3.2.1. Пространственные эффекты ухода иностранных компаний

Одной из гипотез исследования является наличие пространственных эффектов (пространственных экстерналий) во влиянии ухода иностранных компаний на экономику регионов. В частности, существует предположение, что уход иностранных компаний влияет на соседние регионы.

Пространственные эффекты измерены пространственными лагами зависимой и тестируемой переменных, оцененными по матрице квадратов обратных расстояний, и включены в регрессионные модели.

Перед включением пространственных эффектов в регрессионные модели необходимо убедиться в их существовании.

В качестве матрицы весов мы рассматриваем матрицу квадратов обратных расстояний и матрицу квадратов обратных расстояний, скорректированную на размер регионов (ВРП), которые наиболее удачно могут отражать потенциальное

взаимодействие регионов. При этом мы не используем матрицу соседства, которая, на наш взгляд, не полностью отражает потенциал взаимодействия регионов.

Расчет индекса Морана был произведен с помощью программы R-studio по формуле:

$$I = \frac{N}{W} * [\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x}) / \sum_i (x_i - \bar{x})^2], \quad (1)$$

где:

I – индекс Морана; N – количество регионов; W – сумма элементов в матрице пространственных весов; w_{ij} – элемент матрицы пространственных весов, определяющий степень взаимосвязи между регионами; x_i, x_j – значения исследуемой переменной (доли ушедших иностранных компаний); \bar{x} – среднее значение переменной (доли ушедших иностранных компаний) для всех регионов.

Индекс Морана и описательные статистики, приведенные в Таблице 12, говорят о том, что пространственная автокорреляция доли ушедших иностранных компаний существует, то же самое подтверждает диаграмма Морана (Рисунок 34), представляющая собой диаграмму рассеяния по показателю и его пространственному лагу.

Таблица 12. Индекс Морана для доли ушедших иностранных компаний в экономике региона по численности занятых

Зависимая переменная	Индекс Морана	Мат. ожидание	Станд. отклон	p-значение
По матрице квадратов обратных расстояний	0,296	-0,012	0,080	0,0001
По матрице квадратов обратных расстояний, умноженных на размер региона (ВРП)	0,226	-0,012	0,078	0,0023

Примечание: $Z_{cr} = 1,645$ при альфа = 0,05

Источник: рассчитано автором.

Таким образом, гипотеза о существовании пространственных эффектов (пространственных экстерналий) показателя доли ушедших иностранных компаний не отвергается. То есть, уход иностранных компаний территориально концентрируется. Это позволяет нам включать переменную пространственного лага доли ушедших иностранных компаний в модели.

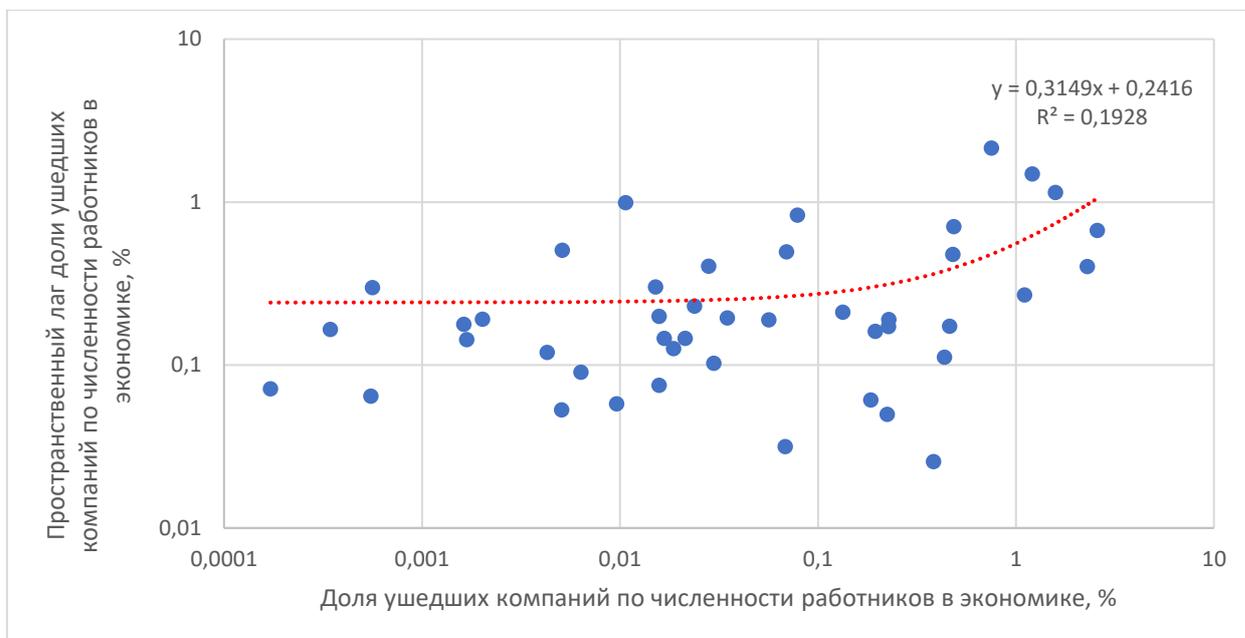

Рисунок 34. Диаграмма Морана для доли ушедших иностранных компаний
 Источник: рассчитано автором по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс.

3.2.2. Эконометрическое моделирование эффектов ухода иностранных компаний

В рамках работы моделируется влияние на ВРП, индекс промышленного производства, занятость и инвестиции. В соответствии с описанными выше теоретическими подходами, за теоретическую модель взята производственная функция Кобба-Дугласа вида:

$$Y = A K^a L^b, \quad (2)$$

где:

K – затраты труда, L – затраты капитала, a , b – коэффициенты эластичности выпуска по затратам труда и капитала, A – общефакторная производительность.

Логарифмирование позволяет перейти от произведения к сумме, что удобно для построения регрессионных моделей:

$$\ln Y = \ln A + a \ln K + b \ln L. \quad (3)$$

Поскольку в исследовании делается попытка определить влияние исследуемого явления на экономическую динамику в регионах, мы моделируем зависимую переменную в терминах прироста, то есть, рассматриваем производную производственной функции:

$$\ln Y' = \ln A' + a \ln K' + b \ln L'. \quad (4)$$

В качестве зависимых переменных используются:

- Для моделирования общеэкономической динамики – индекс физического объема ВРП в 2022 г.²⁸ (IFO_VRP_22/21);
- Для моделирования динамики промышленного производства – индекс промышленного производства в 2022 г. (IPP_22/21);
- Для моделирования динамики инвестиций – индекс физического объема инвестиций в 2022 г. (IFO_Inv_E_22/21);
- Для моделирования динамики занятости – динамика численности занятых в экономике в 2022 г. (I_Zan_E_23/22).

Концептуальная схема эмпирического анализа представлена на Рисунке 35. Основными в нем являются модели общеэкономической или общепромышленной динамики, включающие параметры динамики труда и капитала, которые, в свою очередь, моделируются отдельными уравнениями.

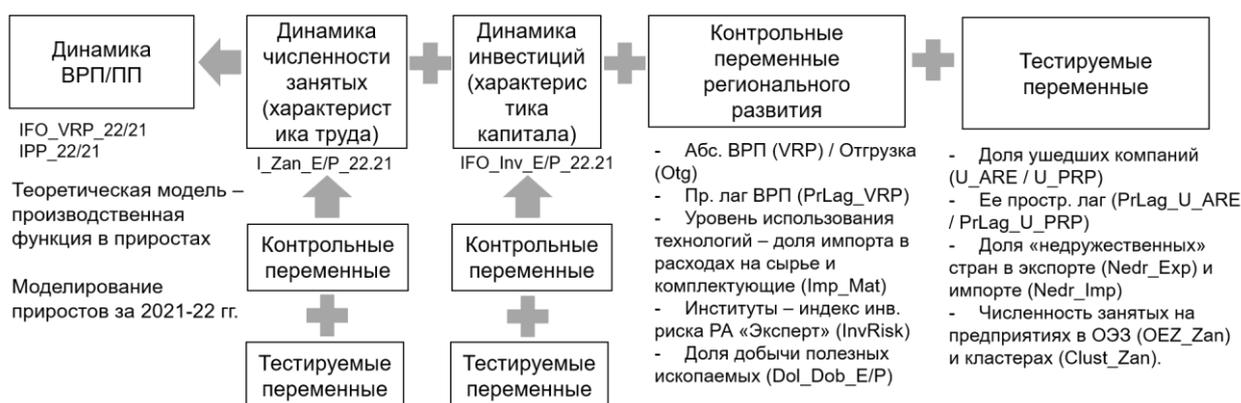

Рисунок 35. Концептуальная схема моделей, выявляющих эффекты ухода иностранных компаний для социально-экономического развития регионов
Источник: составлено автором.

Строго говоря, подобная схема построения регрессионных моделей, в том числе для решения вопросов эндогенности (выявления направлений причинно-следственных связей) требует построения систем из трех уравнений: для динамики общеэкономического / общепромышленного показателя, динамики инвестиций и динамики показателя труда, как это сделано, например, в работе [Луговой и др., 2007], поскольку динамика инвестиций и динамика занятости (как характеристики капитала и труда) включаются в модели общеэкономической динамики и динамики

²⁸ В рассчитанных моделях рассматривается динамика показателей в 2022 г. по отношению к 2021 г., поскольку, как сказано выше, влияние исследуемого явления (ухода иностранных компаний) на общеэкономическую динамику в 2023 и 2024 гг. существенно нивелируется другими факторами.

промышленного производства. В данном исследовании уравнения оценены по отдельности.

При построении регрессионных моделей соблюдены следующие *этапы*:

- 1) Выбор зависимых переменных;
- 2) Отбор контрольных переменных и переменных, характеризующих региональное развитие;
- 3) Отбор комбинаций тестируемых переменных;
- 4) Проверка выбранной модели на мультиколлинеарность, гетероскедастичность и автокорреляцию;
- 5) Оценка выбранной модели на выборках регионов разных типов.

Для моделей общеэкономической динамики и динамики промышленного производства используется следующий набор независимых переменных (регрессоров):

Контрольные переменные в соответствии с производственной функцией:

- Динамика численности занятых в экономике в целом (I_Zan_E_22.21) или промышленности (I_Zan_P_22.21);
- Индекс физического объема инвестиций в основной капитал в экономике (IFO_Inv_E_22.21) или в промышленности (IFO_Inv_E_22.21)²⁹;
- Абсолютный ВРП (VRP) (в среднем за 2019–2021 гг.) или абсолютное значение показателя «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» (Otg) (в среднем за 2019–2021 гг.) для контроля эффекта масштаба;

Контрольные переменные регионального развития, которые итеративно отбирались (ниже приведен полный перечень показателей, выбранных на основе проанализированных исследований, использующихся как характеристики общефакторной производительности в производственной функции):

- Пространственный лаг ВРП (PrLag_VRP) или показателя «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» (PrLag_Otg) как характеристики экономико-географического и промышленно-географического положения;

²⁹ Строго говоря, прирост капитала характеризуется абсолютным значением инвестиций. Но поскольку данный показатель сильно коррелирован с другими переменными, использован рост инвестиций.

- Уровень разработки и использования технологий: доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие (в среднем 2019–2021 гг., %) (Imp_Mat); разработка передовых производственных технологий (в 2017–2019 гг., разработок) (Razr_PPT); использование передовых производственных технологий (в 2017–2019 гг., использований) (Isp_PPT);

- Институциональные условия: индекс инвестиционного риска РА «Эксперт» (средний за 2018–2020 гг.) (InvRisk);

- Доля добычи полезных ископаемых в ВВП (Dol_Dob_E) или показателе «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» для промышленности (Dol_Dob_P);

Тестируемые переменные (для проверки выдвинутых гипотез):

- Доля ушедших иностранных компаний в экономике по численности занятых (U_ARE) или доля ушедших иностранных промышленных компаний в промышленности по численности занятых (U_PRP) (для проверки гипотезы о влиянии ухода иностранных компаний на экономическую и промышленную динамику);

- Пространственные лаги (вычисленные по матрице квадратов обратных расстояний) данных долей (соответственно PrLag_U_ARE и PrLag_U_PRP) (для тестирования гипотезы о влиянии ухода иностранных компаний на соседние регионы);

- Доли «недружественных» стран в экспорте (Nedr_Exp) и импорте (Nedr_Imp) (для проверки гипотезы о большем или меньшем, чем уход иностранных компаний, влиянии санкций на экономическую и промышленную динамику);

- Численность занятых на предприятиях, входящих в состав особых экономических зон федерального уровня (OEZ_Zan) и кластеров всех типов (инновационных технологических, промышленных и поддерживаемых центрами кластерного развития субъектов РФ) (Clust_Zan) (для тестирования гипотезы о связи развитости данных инструментов поддержки в регионах с экономической и промышленной динамикой в 2022 г.).

Анализ регионального распределения ухода иностранных компаний приведен выше. Исходя из него мы можем предполагать, что общеэкономическая и

промышленная динамика отрицательно зависят от доли ушедших иностранных компаний. При этом значимое отрицательное влияние на динамику в 2022 г. оказывают также санкционные ограничения внешней торговли.

Из регионального распределения показателей доли «недружественных» стран в экспорте (Рисунок 36) и импорте (Рисунок 37), которые мы используем как косвенные показатели, отражающие степень воздействия на региональные экономики санкционных ограничений внешней торговли, видно, что наиболее от этого фактора могли пострадать более развитые регионы.

Рисунок 36. Доля «недружественных» стран в экспорте регионов (в среднем за 2019–2021 гг.)

Источник: рассчитано автором по данным ФТС России.

Рисунок 37. Доля «недружественных» стран в импорте регионов (в среднем за 2019–2021 гг.)

Источник: рассчитано автором по данным ФТС России.

Влияние на экономическую динамику

Эффекты для всех регионов

Перед моделированием динамики ВВП (IFO_VRP_22.21), независимые переменные (контрольные и тестируемые) были проверены на отсутствие высоких парных корреляций (Рисунок 38).

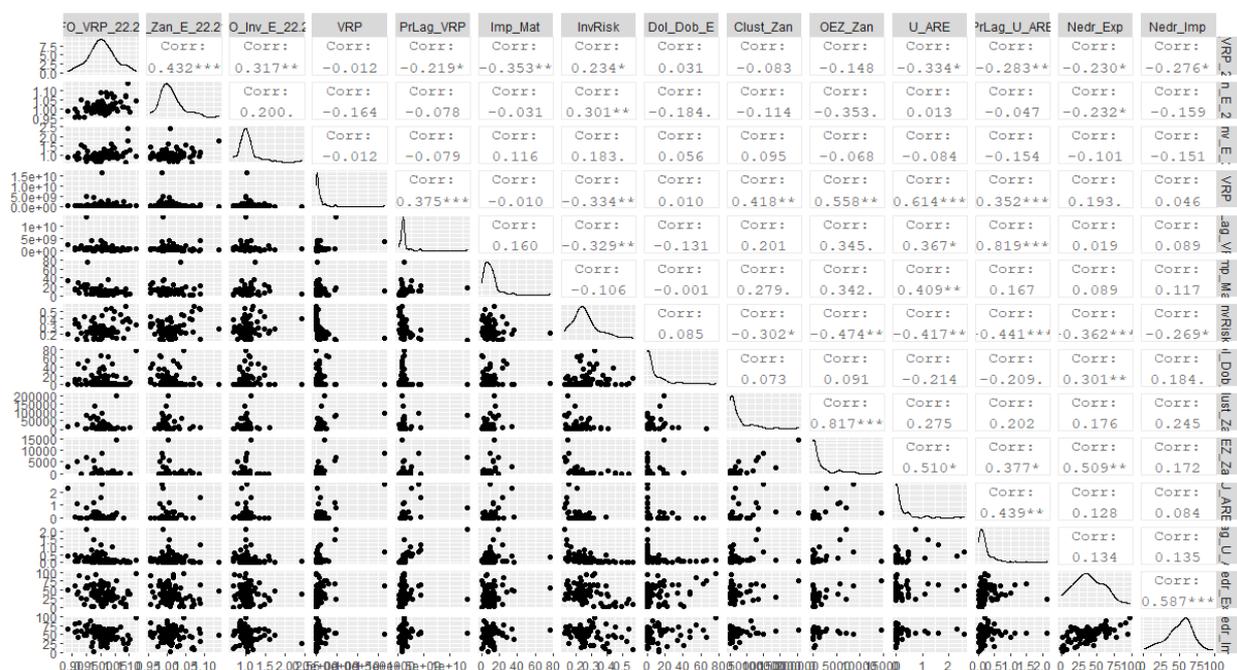

Рисунок 38. Парные коэффициенты корреляции и распределения показателей, используемых в моделях общеэкономической динамики

Источник: рассчитано автором с помощью R-studio.

Путем построения вспомогательных регрессий на каждую переменную отбирались наиболее значимые контрольные переменные. В результате, в модели в качестве контрольных переменных, помимо динамики занятости (I_Zan_E_22.21), инвестиций (IFO_Inv_E_22.21) в соответствии с производственной функцией и ВВП (VRP) для контроля масштаба, были выбраны пространственный лаг ВВП (PrLag_VRP), отчасти отражающий экономико-географическое положение, и доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие (Imp_Mat), отражающая технологическую составляющую. Переменные инвестиционного риска (InvRisk) и доли добывающей промышленности в ВВП (Dol_Dob_E) оказались незначимыми.

От логарифмирования переменных было решено отказаться, поскольку оно давало худшие результаты.

Вспомогательные модели для определения значимости тестируемых переменных (mE_1.1–mE_1.6), а также итоговая модель (mE_2.1) приведены в Таблице 13.

Таблица 13. Сравнение моделей с различными факторами общеэкономической динамики

Зависимая переменная - IFO_VRP_22.21

	mE_1.1	mE_1.2	mE_1.3	mE_1.4	mE_1.5	mE_1.6	mE_2.1
(Intercept)	5.112 ** (1.623)	2.441 * (0.967)	0.504 (1.060)	1.524 * (0.676)	3.292 ** (1.001)	4.395 *** (1.281)	2.802 (1.776)
VRP	-0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 * (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 ** (0.000)
I_Zan_E_22.21	-0.140 (0.349)	0.186 (0.233)	0.347 (0.241)	0.551 *** (0.152)	0.431 ** (0.153)	0.426 ** (0.152)	0.282 (0.240)
IFO_Inv_E_22.21	0.057 (0.043)	0.106 ** (0.034)	0.041 (0.036)	0.050 ** (0.018)	0.050 ** (0.017)	0.048 ** (0.017)	0.035 (0.035)
PrLag_VRP	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	-0.000 * (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 * (0.000)
Imp_Mat	-0.449 ** (0.128)	-0.178 (0.097)	-0.044 (0.085)	-0.144 *** (0.041)	-0.139 *** (0.040)	-0.138 *** (0.040)	-0.047 (0.084)
OEZ_Zan	0.000 (0.000)						
Clust_Zan		-0.000 (0.000)					
U_ARE			-3.620 * (1.431)				-3.371 * (1.410)
PrLag_U_ARE				-3.432 (2.137)			
Nedr_Exp					-0.047 * (0.020)		-0.046 (0.029)
Nedr_Imp						-0.060 ** (0.023)	
N	28	45	44	80	80	80	44
R2	0.473	0.338	0.399	0.378	0.403	0.412	0.439
adj. R2	0.323	0.233	0.302	0.327	0.354	0.364	0.330
sigma	3.938	3.591	3.459	3.652	3.577	3.550	3.389
F	3.146	3.231	4.099	7.387	8.216	8.530	4.023
p	0.023	0.012	0.003	0.000	0.000	0.000	0.002
AIC	164.169	251.159	242.459	442.970	439.648	438.426	241.456
BIC	174.826	265.612	256.733	462.027	458.704	457.482	257.513

Significance: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$

Источник: рассчитано автором с помощью R-studio.

Из вспомогательных моделей видно, что численность занятых в ОЭЗ (OEZ_Zan) и кластерах (Clust_Zan) являются незначимыми переменными, также, как и пространственный лаг доли ушедших иностранных компаний в экономике

(PrLag_U_ARE). То есть, доля ушедших иностранных компаний в близлежащих регионах, является незначимым параметром несмотря на то, что пространственная автокорреляция существует.

При этом, наблюдается значимое отрицательное влияние доли ушедших иностранных компаний в экономике (U_ARE), доли «недружественных» стран в экспорте (Nedr_Exp), доли «недружественных» стран в импорте (Nedr_Imp).

В итоговой модели выбраны все значимые переменные, кроме доли «недружественных» стран в импорте (он высоко коррелирован с долей «недружественных» стран в экспорте и не так важен для исследования, как последний).

Формально качество моделей определялось также по показателям скорректированного R², критериям Акаике (AIC) и Шварца (BIC).

Выбранная модель (mE_2.1) проверена на отсутствие мультиколлинеарности при помощи анализа парных корреляций (Рисунок 38), а также при помощи расчета коэффициентов вздутия дисперсии (VIF). Проведенные тесты Уайта (Бройша-Пагана) и Голдфелда-Квандта показали отсутствие гетероскедастичности, тесты Дарбина-Уотсона и Бройша-Годфри – отсутствие автокорреляции в данных, включенных в данную модель.

Таким образом, согласно итоговой модели, уход иностранных компаний оказывает отрицательное влияние на динамику ВРП с коэффициентом -3,37 (то есть при росте доли ушедших иностранных компаний на 1 п.п. ВРП в реальном выражении сокращается на -3,37 п.п.). Отрицательное влияние на динамику ВРП с коэффициентом -0,05 оказывает также доля «недружественных» стран в экспорте (то есть, при увеличении доли «недружественных» стран в экспорте на 1 п.п., ВРП в реальном выражении сокращается на -0,05 п.п.). Безусловно, данные оценки нельзя считать абсолютно достоверными, поскольку при моделировании могут возникать ошибки выбора независимых переменных, метода регрессионного анализа и иные.

Эффекты для отдельных типов регионов

Итоговая модель (mE_2.1) была оценена на ограниченных выборках регионов в соответствии с их «условно отраслевой» группировкой, приведенной в параграфах 2.3. и 3.1.:

- 1) Регионы с крупнейшими городскими агломерациями и диверсифицированным набором ушедших иностранных компаний;
- 2) Промышленно-диверсифицированные регионы;
- 3) С ушедшими иностранными компаниями в автомобилестроении;
- 4) С ушедшими иностранными компаниями в лесопереработке;
- 5) С ушедшими иностранными компаниями в добыче полезных ископаемых или производстве электроэнергии;
- б) С ушедшими иностранными компаниями в сфере услуг или агропромышленном комплексе.

Поскольку оценивание модели проводилось на ограниченных выборках регионов, из итоговой модели mE_2.1 были исключены все контрольные переменные, кроме абсолютного ВРП для контроля масштаба (иначе модель для большинства групп регионов не оценивается).

Кроме того, из-за ограниченности выборок практически все переменные в них оказываются незначимыми. Из Таблицы 14 видно, что из-за малого количества наблюдений не оценена модель для 1 группы (крупнейшие агломерации). Для 4 группы (лесоперерабатывающие регионы) наблюдается формально положительное влияние доли ушедших иностранных компаний на экономическую динамику, что в действительности не так (при рассмотрении диаграммы на Рисунке 32 можно увидеть, что группа разделяется на две подгруппы, через которые можно провести две линии с отрицательным наклоном, который будет говорить об отрицательной связи). Также вызывает сомнения чрезмерно высокий отрицательный коэффициент при доле ушедших иностранных компаний в 6 группе регионов (специализирующихся на сфере услуг или агропромышленном комплексе).

Таблица 14. Сравнение моделей эффектов ухода иностранных компаний и санкционных ограничений внешней торговли для различных типов регионов
Зависимая переменная – IFO_VRP_22.21

	mE_t1	mE_t2	mE_t3	mE_t4	mE_t5	mE_t6
(Intercept)	-7.297 (NaN)	-3.757 (3.509)	-2.833 (4.002)	-98.621 (22.257)	8.333 (3.711)	-1.098 (2.913)
VRP	-0.000 (NaN)	0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 * (0.000)
U_ARE	5.508 (NaN)	-6.584 (3.837)	-6.159 (2.287)	85.979 (18.513)	-0.633 (7.052)	-54.071 (70.766)
Nedr_Exp		0.064 (0.112)	0.178 (0.122)	1.220 (0.322)	-0.171 (0.046)	0.010 (0.064)

N	3	13	6	5	6	11
R2	1.000	0.422	0.857	0.970	0.911	0.665
adj. R2		0.230	0.644	0.879	0.777	0.521
sigma		3.792	3.114	1.391	2.091	2.112
F		2.193	4.011	10.675	6.795	4.626
p		0.158	0.206	0.220	0.131	0.044
AIC	-Inf	76.766	34.066	19.440	29.285	52.698
BIC	-Inf	79.591	33.025	17.487	28.244	54.687

Significance: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$

Источник: рассчитано автором с помощью R-studio.

В то же время, видно, что коэффициент при доле ушедших иностранных компаний больше для 2 (промышленно-диверсифицированные) и 3 (автомобилестроительные) групп регионов, чем для 5 группы (добывающие). Также для 5 группы регионов наблюдается отрицательное значение коэффициента при переменной, характеризующей долю «недружественных» стран, а для 2 и 3 – положительное.

Влияние на промышленное производство

Эффекты для всех регионов

Перед моделированием индекса промышленного производства (IPP_22.21), независимые переменные были проверены на отсутствие высоких парных корреляций (Рисунок 39).

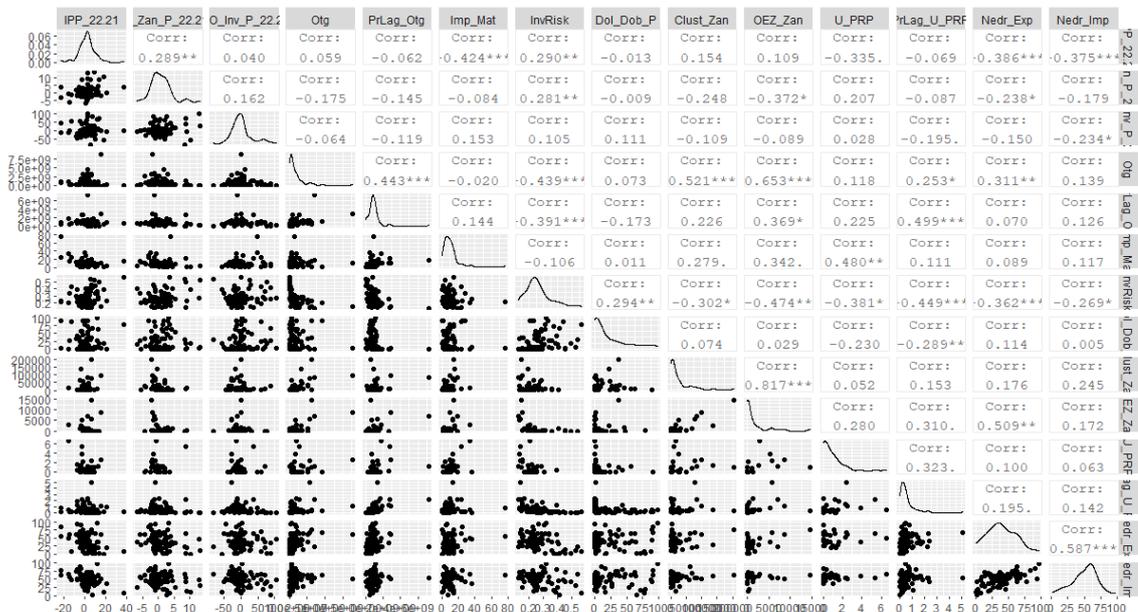

Рисунок 39. Парные коэффициенты корреляции и распределения показателей, используемых в моделях динамики промышленного производства

Источник: рассчитано автором с помощью R-studio.

В качестве контрольных переменных, помимо динамики занятости ($I_Zan_E_22.21$), инвестиций ($I_FO_Inv_E_22.21$) в соответствии с производственной функцией и показателя «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» (отгрузка) (Otg) для контроля масштаба, были выбраны индекс инвестиционного риска ($InvRisk$), доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие (Imp_Mat) и доля добывающей промышленности в отгрузке промышленности (Dol_Dob_P). Переменная пространственного лага отгрузки ($PrLag_Otg$) оказалась незначима.

В Таблице 15 отражены вспомогательные модели для определения значимости тестируемых переменных ($mP_1.1$ – $mP_1.6$), а также итоговая модель ($mP_2.1$) по аналогии с моделями общеэкономической динамики.

Также, как и в случае модели общеэкономической динамики, численность занятых в ОЭЗ (OEZ_Zan) и кластерах ($Clust_Zan$) незначимы. Наблюдается значимое отрицательное влияние доли ушедших иностранных компаний в экономике (U_PRP), доли «недружественных» стран в экспорте ($Nedr_Exp$), доли «недружественных» стран в импорте ($Nedr_Imp$). Пространственный лаг доли ушедших иностранных компаний в экономике ($PrLag_U_PRP$) незначим.

Таблица 15. Сравнение моделей с различными факторами промышленной динамики

Зависимая переменная - $IPP_22.21$							
	$mP_1.1$	$mP_1.2$	$mP_1.3$	$mP_1.4$	$mP_1.5$	$mP_1.6$	$mP_2.1$
(Intercept)	-1.402 (4.621)	-0.335 (4.053)	5.499 (5.221)	-5.274 (3.801)	3.787 (3.734)	5.263 (4.344)	7.792 (5.379)
Otg	0.000 * (0.000)	0.000 * (0.000)	0.000 ** (0.000)	0.000 * (0.000)	0.000 ** (0.000)	0.000 ** (0.000)	0.000 ** (0.000)
$I_Zan_P_22.21$	-0.143 (0.389)	-0.162 (0.275)	0.231 (0.393)	0.512 * (0.254)	0.334 (0.234)	0.375 (0.240)	0.150 (0.390)
$I_FO_Inv_P_22.21$	0.025 (0.050)	0.039 (0.029)	0.051 (0.036)	0.022 (0.030)	0.006 (0.027)	-0.001 (0.028)	0.055 (0.036)
$InvRisk$	23.987 (14.093)	11.776 (13.944)	-14.532 (21.593)	33.552 ** (11.791)	20.870 (10.647)	23.288 * (10.920)	-9.760 (21.456)
Imp_Mat	-0.418 * (0.156)	-0.288 * (0.135)	-0.050 (0.132)	-0.317 *** (0.083)	-0.290 *** (0.075)	-0.282 *** (0.077)	-0.085 (0.132)
Dol_Dob_P	-0.044 (0.048)	-0.065 (0.039)	-0.110 (0.056)	-0.052 (0.033)	-0.038 (0.030)	-0.053 (0.030)	-0.085 (0.057)
OEZ_Zan	0.000 (0.000)						

Clust_Zan		0.000 (0.000)					
U_PRP		-2.073 ** (0.715)					-1.759 * (0.737)
PrLag_U_PRP			0.685 (1.316)				
Nedr_Exp				-0.158 *** (0.039)			-0.081 (0.058)
Nedr_Imp						-0.154 ** (0.046)	
N	28	45	32	80	80	80	32
R2	0.558	0.325	0.509	0.333	0.455	0.420	0.547
adj. R2	0.404	0.198	0.366	0.268	0.402	0.364	0.390
sigma	4.589	4.801	5.008	7.318	6.616	6.821	4.913
F	3.612	2.549	3.556	5.131	8.571	7.456	3.477
p	0.011	0.030	0.009	0.000	0.000	0.000	0.009
AIC	173.370	278.098	202.714	555.044	538.930	543.805	202.120
BIC	185.360	294.358	215.906	576.483	560.368	565.243	216.777

Significance: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$

Источник: рассчитано автором с помощью R-studio.

Выбранная модель (mP_2.1) проверена на отсутствие мультиколлинеарности при помощи анализа парных корреляций (Рисунок 39), и при помощи коэффициентов вздутия дисперсии (VIF). Тесты Уайта (Бройша-Пагана) и Голдфельда-Квандта говорят об отсутствии гетероскедастичности, тесты Дарбина-Уотсона и Бройша-Годфри – об отсутствии автокорреляции.

Исходя из итоговой модели, при росте доли ушедших иностранных промышленных компаний на 1 п.п. промышленное производство в реальном выражении сокращается на -1,76 п.п. (что слабее, чем для общеэкономической динамики). При этом, увеличение доли «недружественных» стран в экспорте на 1 п.п., приводит к сокращению промышленного производства на -0,08 п.п. (что больше, чем для общеэкономической динамики).

Эффекты для отдельных типов регионов

В Таблице 16 приведены оценки моделей для разных типов регионов. Модели для 1 (крупнейшие агломерации) и 4 (лесоперерабатывающие), а также 6 (специализирующихся на сфере услуг) типов регионов не оценены. Для остальных типов регионов оценки коэффициентов не являются значимыми, тем не менее, они совпадают с таковыми в модели общеэкономической динамики.

Таблица 16. Сравнение моделей эффектов ухода иностранных компаний и санкционных ограничений внешней торговли в промышленности для различных типов регионов

Зависимая переменная – IPP_22.21

	mP_t1	mP_t2	mP_t3	mP_t4	mP_t5
(Intercept)	-6.539 (NaN)	2.753 (3.535)	-7.368 (4.356)	-156.792 (NaN)	23.575 (14.898)
Otg	0.000 (NaN)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 (NaN)	0.000 (0.000)
U_PRP	3.493 (NaN)	-1.589 (1.000)	-2.079 (0.634)	38.057 (NaN)	-3.990 (7.071)
Nedr_Exp		0.017 (0.115)	0.164 (0.116)	2.160 (NaN)	-0.345 (0.179)
N	3	13	6	4	5
R2	1.000	0.241	0.868	1.000	0.836
adj. R2		-0.012	0.670		0.342
sigma		3.663	3.591		6.128
F		0.953	4.389		1.694
p		0.456	0.191		0.502
AIC	-Inf	75.869	35.775	-Inf	34.271
BIC	-Inf	78.694	34.734	-Inf	32.318

Significance: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$

Источник: рассчитано автором с помощью R-studio.

Таким образом, модель для индекса промышленного производства несущественно отличается от модели для ИФО ВРП и позволяет сделать аналогичные выводы.

В целом, по моделям общеэкономической и общепромышленной динамики подтверждается гипотеза об отрицательном влиянии ухода иностранных компаний и санкционных ограничений внешней торговли на экономическую и промышленную динамику в российских регионах. Тем не менее, предположение о том, что санкционные ограничения влияют сильнее ухода иностранных компаний, не подтверждается (возможно потому, что выбранный показатель доли «недружественных» стран в экспорте не полностью характеризует данное явление). Не подтверждается также гипотеза о влиянии пространственных эффектов ухода иностранных компаний на экономическую и промышленную динамику.

Влияние на численность занятых

Эффекты для всех регионов

Поскольку к численности занятых как зависимой переменной невозможно применить производственную функцию, при выборе контрольных переменных будем опираться на существующие эмпирические исследования [Луговой и др., 2007], а также доступность статистических данных.

В качестве контрольных переменных для модели динамики численности занятых ($I_Zan_E_22.21$) как наиболее значимые, выбраны абсолютное значение численности занятых (Zan_E_21), инвестиционный риск ($InvRisk$) и доля добывающей промышленности в ВВП (Dol_Dob_E). Все переменные, включаемые в модель, проверялись на отсутствие высоких парных корреляций.

В Таблице 17 отражены модели для определения значимости тестируемых переменных ($mZ_1.1$ – $mZ_1.4$). Как видно, все тестируемые переменные: доля ушедших компаний в экономике (U_ARE), ее пространственный лаг ($PrLag_U_ARE$), доля «недружественных» стран в экспорте ($Nedr_Exp$) и импорте ($Nedr_Imp$) незначимы.

Таблица 17. Сравнение моделей с различными факторами динамики численности занятых

Зависимая переменная - $I_Zan_E_22.21$

	$mZ_1.1$	$mZ_1.2$	$mZ_1.3$	$mZ_1.4$
(Intercept)	3.387 (1.957)	-1.430 (1.381)	-0.426 (1.594)	-0.528 (1.763)
Zan_E_21	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)	-0.000 (0.000)
$InvRisk$	-9.187 (8.041)	10.939 ** (4.054)	9.120 * (4.121)	9.568 * (4.002)
Dol_Dob_E	-0.031 (0.027)	-0.039 (0.020)	-0.037 (0.021)	-0.040 (0.020)
U_ARE	0.090 (0.793)			
$PrLag_U_ARE$		0.750 (1.155)		
$Nedr_Exp$			-0.010 (0.017)	
$Nedr_Imp$				-0.007 (0.019)
N	44	85	85	85
R2	0.099	0.142	0.141	0.139

adj. R-squared	0.006	0.099	0.098	0.096
sigma	2.442	3.046	3.047	3.051
F	1.069	3.297	3.274	3.219
p	0.385	0.015	0.015	0.017
AIC	210.136	437.414	437.496	437.698
BIC	220.841	452.070	452.152	452.354

Significance: *** = $p < 0.001$; ** = $p < 0.01$; * = $p < 0.05$

Источник: рассчитано автором с помощью R-studio.

Таким образом, статистически значимого влияния ухода иностранных компаний и санкционных ограничений внешней торговли на занятость не обнаружено. Это во многом может объясняться специфическими особенностями модели российского рынка труда, которая с трудом поддается эконометрической оценке [Гимпельсон, Капелюшников, 2015].

Влияние на инвестиции

Эффекты для всех регионов

Ввиду того, что к инвестициям, так же, как и к численности занятых, как зависимой переменной неприменима производственная функция, необходимо воспользоваться эмпирическими исследованиями, где приводятся факторы инвестиций [Луговой и др., 2007].

В качестве контрольных переменных для модели динамики инвестиций (IFO_Inv_E_22.21) взяты абсолютное значение инвестиций (Inv_E_21), инвестиционный риск (InvRisk). Все переменные были проверены на отсутствие высоких парных корреляций.

Как видно из Таблицы 18, все тестируемые переменные: доля ушедших компаний (U_ARE), пространственный лаг доли ушедших компаний (PrLag_U_ARE), доля «недружественных» стран в экспорте (Nedr_Exp) и импорте (Nedr_Imp) оказываются незначимыми.

Таким образом, не выявлено статистически значимого влияния ухода иностранных компаний и санкционных ограничений экспорта и импорта на инвестиции в российских регионах. Это связано с ростом показателя в 2022 г. Кроме того, значимое влияние на инвестиции вряд ли возможно в краткосрочном периоде (от 1 до 3 лет), поскольку он, как правило, короче инвестиционного цикла.

Таблица 18. Сравнение моделей с различными факторами динамики инвестиций
Зависимая переменная - IFO_Inv_E_22.21

	mI_1.1	mI_1.2	mI_1.3	mI_1.4
(Intercept)	10.619 (12.629)	-5.626 (10.331)	-7.095 (11.683)	-0.908 (13.165)
Inv_E_21	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)
InvRisk	-39.943 (52.886)	41.343 (31.991)	47.966 (31.212)	44.190 (30.589)
U_ARE	-7.351 (5.820)			
PrLag_U_ARE		-7.862 (9.095)		
Nedr_Exp			-0.053 (0.128)	
Nedr_Imp				-0.142 (0.148)
N	44	85	85	85
R2	0.048	0.046	0.039	0.047
adj. R-squared	-0.023	0.010	0.003	0.012
sigma	0.170	0.246	0.247	0.246
F	0.676	1.288	1.089	1.346
p	0.572	0.284	0.359	0.265
AIC	-25.318	8.866	9.468	8.693
BIC	-16.397	21.079	21.681	20.907

Significance: *** = p < 0.001; ** = p < 0.01; * = p < 0.05

Источник: рассчитано автором с помощью R-studio.

Учет эффектов с помощью метода разности разностей

При оценке множественной регрессии, велика вероятность пропуска некоторых контрольных переменных, неправильного подбора показателей, их характеризующих, или метода построения регрессии. Поэтому для определения чистого эффекта ухода иностранных компаний, а также верификации полученных на предыдущем этапе выводов, использован метод разности разностей.

Согласно методу разности разностей, эффект (δ) в исследуемом показателе рассчитывается по формуле:

$$\delta = (Y_{\text{treatment,after}} - Y_{\text{treatment,before}}) - (Y_{\text{control,after}} - Y_{\text{control,before}}), \quad (5)$$

где:

Y – средние значения исследуемого показателя:

$Y_{treatment,after}$ – в экспериментальной группе регионов после воздействия;

$Y_{treatment,before}$ – в экспериментальной группе регионов до воздействия;

$Y_{control,after}$ – в контрольной группе регионов после воздействия;

$Y_{control,before}$ – в контрольной группе регионов до воздействия.

Исследуемыми показателями в нашем случае являются ВРП, промышленное производство, инвестиции в основной капитал и численность занятых. В роли воздействия выступает уход иностранных компаний.

Соответственно, при исследовании экономики в целом в группу с воздействием входят 44 региона, а при исследовании промышленности – 32 региона, откуда ушли соответственно иностранные компании и иностранные промышленные компании (по состоянию на конец 2022 г.).

Поскольку экспериментальная и контрольная группы российских регионов существенно различаются по размерам экономик, как друг с другом, так и внутри групп, использовать абсолютные значения приростов было бы некорректно. Поэтому коэффициент рассчитывается как разность средневзвешенных ИФО ВРП, ИПП, динамики численности занятых, ИФО инвестиций (взвешивающие показатели – соответственно абсолютные значения ВРП, показателя «Отгружено товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами», численности занятых и инвестиций в основной капитал).

Как видно из Таблицы 19 уход иностранных компаний оказывает негативное влияние на динамику ВРП, численности занятых и инвестиций в основной капитал.

Таблица 19. Эффекты ухода иностранных компаний, рассчитанные методом разности разностей.

Показатель	Экспериментальная группа (регионы с ушедшими иностранными компаниями) – динамика 2022/21	Контрольная группа (регионы без ушедших иностранных компаний) – динамика 2022/21	Эффект
ИФО ВРП	0,29	0,59	-0,30
Индекс промышленного производства (для промышленности)	3,94	0,03	3,91
Динамика численности занятых	0,33	1,29	-0,96
ИФО инвестиций	3,82	6,29	-2,46

Источник: рассчитано автором.

Так, динамика ВРП в среднем в регионах с ушедшими компаниями ниже, чем в регионах без них на -0,3 п.п., численности занятых – на -1,0 п.п., инвестиций в основной капитал – на -2,5 п.п. То есть, в данном случае, в отличие от регрессионного анализа, видно отрицательное влияние не только на ВРП, но и на численность занятых и инвестиции.

Положительное влияние на динамику промышленного производства в регионах с ушедшими промышленными иностранными компаниями связано с сильноположительной динамикой в отдельных регионах (например, г. Москве).

Применение метода разности разностей позволило частично подтвердить вывод, полученный в ходе регрессионного анализа: об отрицательном влиянии ухода иностранных компаний на ВРП.

Таким образом, исходя из результатов регрессионного анализа, уход иностранных компаний отрицательно влияет на динамику ВРП и промышленного производства, но оказывает незначимое влияние на численность занятых (ввиду специфики российского рынка труда) и инвестиции (ввиду их изменения в долгосрочном периоде).

Пространственные автокорреляции ухода иностранных компаний хоть и существуют, но не оказывают значимого влияния на общеэкономическую и промышленную динамику.

Помимо ухода иностранных компаний, значимую отрицательную роль играют санкционные ограничения внешней торговли, но нельзя достоверно говорить о большем или меньшем их влиянии, чем ухода иностранных компаний.

Влияние ОЭЗ и поддерживаемых кластеров в регионах является незначимым.

Среди различных типов субъектов РФ наиболее сильное влияние ухода иностранных компаний наблюдается в регионах с диверсифицированным набором иностранных компаний, автомобилестроительными и лесоперерабатывающими компаниями. Для регионов, где ушедшие компании сконцентрированы в добыче полезных ископаемых, большую роль сыграли санкционные ограничения внешней торговли.

3.3. Влияние изменения роли иностранных компаний на внутрирегиональном уровне³⁰

Поскольку эффекты на региональном уровне могут существенно отличаться от таковых для уровня более мелких административных единиц, рассматривается влияние изменения роли иностранных компаний на более детальном территориальном уровне – муниципальных образований.

Рассмотрение явления на таком детальном уровне позволяет выявить чистое влияние на развитие территорий, поскольку воздействие других факторов становится более объяснимым.

В качестве показателя, характеризующего объем экономической активности и производства в целом, мы используем «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами» (без субъектов малого предпринимательства) (отгрузка), размещаемый в базе данных показателей муниципальных образований (БДПМО) Росстата. В качестве показателей, характеризующих рынок труда в муниципальных образованиях – среднесписочную численность работников организаций, среднемесячную заработную плату работников организаций и фонд оплаты труда (все без субъектов малого предпринимательства)³¹, размещенных в БДПМО Росстата, налогооблагаемые доходы населения, рассчитываемые при начислении налога на доходы физических лиц (НДФЛ)³², публикуемые Федеральной налоговой службой (ФНС) России (отчет по форме 7-НДФЛ в разрезе муниципальных образований)³³.

Влияние ухода и изменения деятельности иностранных компаний и его территориальные различия анализируются на примере двух регионов-ключей – Ленинградской и Калужской областей. Их выбор обусловлен следующими

³⁰ При работе над данным разделом диссертации использована публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Бобровский Р.О. Влияние сокращения деятельности иностранных промышленных компаний на социально-экономическую ситуацию в муниципалитетах Ленинградской и Калужской областей // Региональные исследования. – 2025. – № 2. – С. 94–106.

³¹ Показатели корректировались по общерегиональному индексу потребительских цен (ИПЦ), публикуемых Росстатом.

³² Выбор НДФЛ связан с тем, что это основной налог в структуре налоговых доходов муниципальных образований уровня муниципальных районов, городских и муниципальных округов, который собирается с территории муниципального образования, и частично остающийся в местном бюджете.

³³ Данные по формам статистической и налоговой отчетности [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn47/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 01.04.2025)

причинами, которые в значительной степени позволяют уловить закономерности на уровне муниципальных образований по стране в целом:

1. Эти регионы – одни из наиболее пострадавших от ухода и сокращения деятельности иностранных компаний. Доли ушедших (сменивших собственников и, реже, ликвидированных) иностранных компаний в их экономике по итогам 2024 г. составляют 2,3% по численности занятых, 7,4% и 22,9% по выручке³⁴, сохранивших иностранных собственников – соответственно 1,6% и 2,4%. Значительная часть иностранных компаний сокращала деятельность;

2. В данных регионах высокая роль иностранных компаний отмечалась в различных отраслях промышленности, в том числе наиболее пострадавших – автомобилестроении, производстве электрического оборудования и лесопереработке;

3. Выбранные регионы характеризуются значимыми центр-периферийными различиями, что позволяет оценить адаптацию различных типов территорий присутствия иностранных компаний к изменению их деятельности.

Уход и изменение деятельности иностранных промышленных компаний в регионах-ключях

Как было сказано выше, смена или сохранение иностранного собственника чаще не определяют однозначно динамику деятельности предприятия. При сопоставлении данных явлений можно выделить несколько наиболее типичных ситуаций (Таблица 20), в которых оказываются иностранные компании. При **смене** собственника: 1) сокращение деятельности (в том числе приостановка), 2) продолжение работы; 3) восстановление или стабилизация в год смены собственника или следующий. При **сохранении** иностранного собственника: 4) сильное сокращение (в том числе приостановка), 5) продолжение работы при контроле предприятия как иностранным собственником, так локальным менеджментом.

³⁴ Общероссийские показатели составляют соответственно 0,7% и 2,7% по численности занятости и выручке. Высокие показатели также характерны для Москвы (2,9% и 4,7%), Самарской области (2,6% и 9,7%) и Санкт-Петербурга (1,8% и 4,2%). Рассмотрение Москвы и Санкт-Петербурга было бы не показательным ввиду невозможности анализа территориальных закономерностей (в том числе потому, что в рамках городов существуют единые рынки труда), а также высокой роли иностранных компаний в сфере услуг (соответственно более 80% и более 50%) и присутствия формально зарегистрированных, но не ведущих производственную деятельность компаний. Рассмотрение автомобилестроительных регионов Поволжья (Самарская область и Республика Татарстан) также наименее оправдано ввиду участия иностранных компаний в крупнейших предприятиях региона, на работу которых уход иностранных компаний повлиял менее значительно.

Таблица 20. Статусы ухода и изменения деятельности основных иностранных промышленных предприятий муниципальных образований Ленинградской и Калужской областей* **

Район / округ	Предприятие	Специализация	Год смены собственника	Характер динамики деятельности					
				2022	2023	2024			
Ленинградская область									
Бокситогорский	Mayr-Melnhof	Деревообработка	2022	Сокращение		Стабилизация			
Подпорожский	Metsä	Лесозаготовка	2024	Сильное сокращение (простой)		Восстановление			
		Деревообработка				Стабилизация (возобновление)			
Тихвинский	ИКЕА	Мебель	2023						
Всеволожский	Nokian Tyres	Автомобильные шины	2023	Сокращение (простой)	Стабилизация				
	Grupo Antolin	Автокомплекующие		Сокращение		Стабилизация			
	Knorr-Bremse	Ж/д тормозные системы		Продолжение					
	Smurfit Kappa	Гофрокартон							
	Ball Corporation	Металлическая тара							
	Тосненский	Ariston	Бытовая техника	2022	Сохранение				
Mitsui		Металлообработка	2023						
Тосненский	Caterpillar	Экскаваторы и погрузчики	2024	Сильное сокращение (приостановка)					
	Fiskars	Садовые инструменты	2022	Сокращение	Стабилизация				
	Roca	Сантехника	2024	Продолжение					
	Henkel	Клеи и моющие средства	2023						
Гатчинский	Kingspan	Сэндвич-панели	2022	Сокращение					
	Dinex	Автокомплекующие	Сохранение	Продолжение					
	CPF	Инкубационное яйцо							
	Schneider Electric	Электроаппаратура	2022	Продолжение (рост)					
Лужский	Faurecia	Автокомплекующие	2023	Сильное сокращение					
Приозерский	Orica	Взрывчатые вещества	2024						
Выборгский	International Paper	Офисная бумага	2022	Продолжение					
	Rockwool	Изоляционные материалы							
Сланцевский	HeidelbergCement	Цемент	Сохранение						
Киришский	Sisecam	Стекланные изделия							
	Ломоносовский	JDE Peet's							
Philip Morris		Табачные изделия							
Ломоносовский	Kiilto	Клеи	2022	Продолжение (рост)					
	Siemens Energy	Газовые турбины							
Кингисеппский	Halewood	Напитки	Сохранение	Сокращение					
Кировский	Kraft Heinz	Соусы		Продолжение					
	CPF	Мясо							
	Atria	Мясные изделия	2021						
Калужская область									
Калуга	Volkswagen	Автомобили	2023	Сокращение (простой)		Сокращение / стабилизация (возобновление)			
	Stellantis (Peugeot, Citroën, Mitsubishi)								
	Volvo								
	Continental	Автомобильные шины	2024	Простой	Продолжение				
	Benteler	Автокомплекующие		Сильное сокращение					
	Faurecia								
Gestamp									
	Fuyao Glass		Сохранение	Сокращение	Стабилизация				

	<i>YAPP</i>			
	Menarini	Фармацевтика		Продолжение
	Novo Nordisk			
Боровский	Samsung	Бытовая электроника		Сокращение (простой)
	Nestle	Корма		Продолжение
	L'Oreal	Косметика		
	AstraZeneca	Фармацевтика		Продолжение (рост)
	<i>Hayat</i>	Бумажные изделия		
	Stora Enso	Гофрокартон	2022	Продолжение
Обнинск	STADA	Фармацевтика	Сохранение	Продолжение (рост)
	Lotte	Кондитерские изделия		
Людиновский	Kronospan	Фанера	2023	
Малоярославский	Etex	Стройматериалы	2022	Сильное сокращение

Примечания:

* Курсивом отмечены названия компаний из «дружественных» стран.

** Характер динамики деятельности: продолжение – продолжение деятельности с незначительным ростом или снижением (не более 20%); продолжение (рост) – с ростом более 20%; сокращение – сокращение деятельности от 20 до 80%; сильное сокращение – более 80%; стабилизация – сокращение в текущий год к базовому слабее, чем в предыдущий год к базовому, но не более, чем на 20 п.п.; восстановление – более, чем на 20 п.п.

Источник: составлено автором по данным БДПМО Росстата, ФНС России и СПАРК.

В Ленинградской и Калужской областях соотношение сменивших и сохранивших собственников предприятий примерно равное (соответственно 50:50% и 60:40% по численности занятых). Тем не менее, если в Ленинградской области как при смене собственника, так и при его сохранении, предприятия чаще продолжают или восстанавливают деятельность (90%), то в Калужской – сокращают (70%).

Смена или сохранение собственника компаний, безусловно, зависит от их принадлежности к «недружественным» странам, компании из которых как уходят (преимущественно Германия, Великобритания, Швеция, Финляндия), так и остаются (Франция), или к «дружественным» странам (в основном Турция и Китай), компании из которых не уходят и в основном не сокращают деятельность, но их роль невелика.

Динамика деятельности иностранных предприятий в основном определяется отраслевой специализацией: негативная ситуация в Калужской области – большим вкладом сократившего деятельность автомобилестроительного кластера, который значительно больше относительно не пострадавшего сектора производства потребительских товаров, более позитивная в Ленинградской – существенным

вкладом именно предприятий потребительского сектора, который сопоставим с более пострадавшими машиностроением и лесопереработкой. Значимого репрофилирования иностранных предприятий в 2022–2024 гг. не наблюдалось, за исключением отдельных случаев примитивизации машиностроительных производств.

Динамика деятельности предприятий может в некоторой степени определяться типом новых собственников, который зависит от отрасли. В двух анализируемых регионах передача российским холдингам со схожей специализацией (как странового масштаба, так и макрорегионального) характерна для многих отраслей: автомобилестроения (также присутствует передача дилерскому холдингу) и в целом машиностроения; деревообработки и целлюлозно-бумажной отрасли (также значительную роль играют локальный менеджмент или его компании), для предприятий других отраслей характерны также передача производителям сырья, конечной продукции, инвестиционным холдингам и т.д.

Иностранные компании в Ленинградской области представлены различными отраслями. Они расположены практически во всех муниципальных образованиях области, которые по специализации и набору компаний можно разделить на две группы.

Первая группа муниципалитетов – восточные периферийные районы (Тихвинский, Бокситогорский и Подпорожский), иностранные компании в которых специализируются на лесозаготовке и деревообработке (ранее в значительной степени ориентированных на экспорт, с 2022 г. ограниченный санкциями), существенно сократили деятельность и незначительно восстановились при смене собственников.

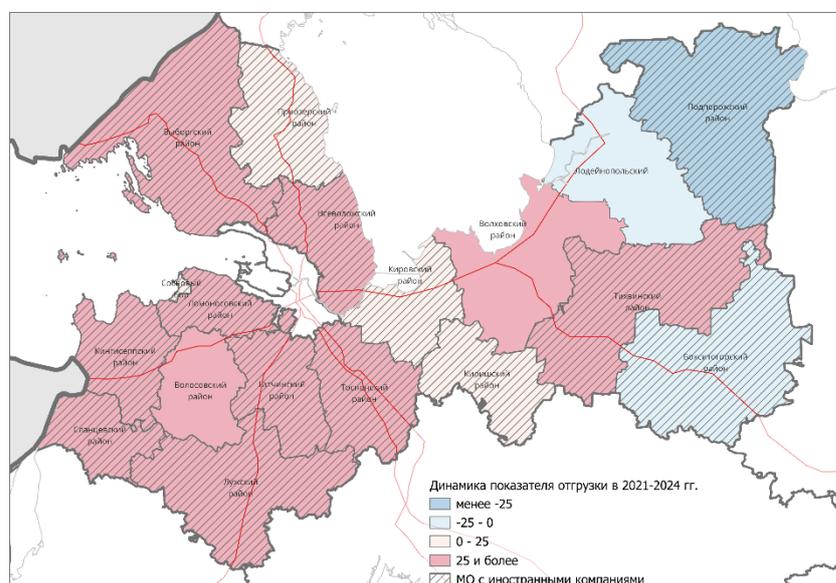
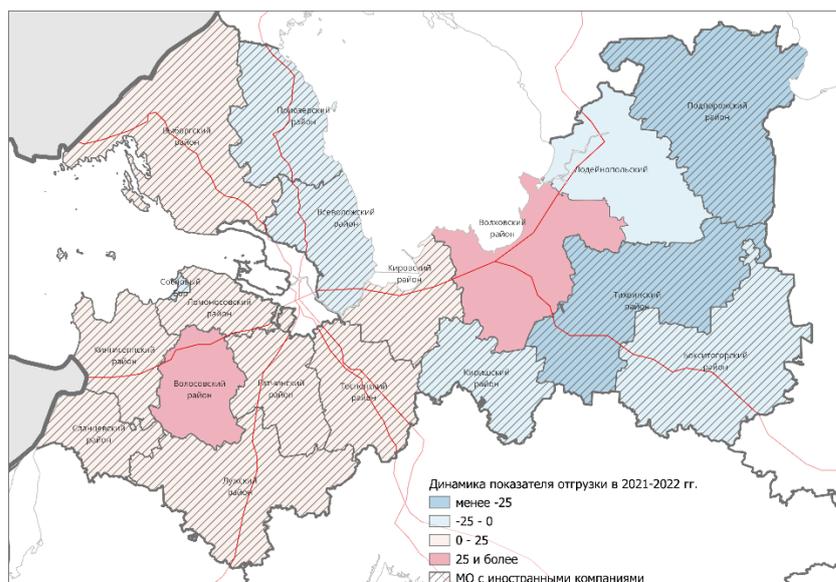
Вторая – западные районы, в том числе граничащие с Санкт-Петербургом (в первую очередь, Всеволожский, Ломоносовский и некоторые другие), где иностранные компании специализируются на табачной и пищевой (в которых несмотря на отказ от производства ряда брендов, предприятия работают и производят аналогичные товары при сохранении иностранных собственников), химической и бумажной отраслях и строительном секторе, ориентированных на потребителя и преимущественно не сокращающих существенно деятельность, и машиностроения, имеющего разнонаправленную динамику, определяемую его

технологической сложностью, зависимостью от импортных поставок и наличием отечественного рынка сбыта.

В Калужской области иностранные компании расположены в ограниченном количестве муниципальных образований. В первую очередь, это г. Калуга с автомобилестроительным кластером, представленным тремя крупными сборочными предприятиями. Сначала они простаивали и существенно сократили занятость, но после смены собственников стали налаживать крупноузловую сборку автомобилей из российских и китайских комплектующих в меньших масштабах. Производители автокомпонентов также существенно сократили деятельность, вне зависимости от смены или сохранения собственников и страновой принадлежности. Во-вторых, это наиболее близкий к Московской агломерации Боровский район, преимущественно с предприятиями по производству потребительских товаров, показывающими (за одним исключением) положительную динамику, как правило, без смены собственников. Также иностранные компании различной специализации существуют в близких к Московской агломерации г. Обнинске и Малоярославецком районе, и в периферийном Людиновском районе.

Влияние изменения деятельности иностранных компаний на динамику отгрузки

При рассмотрении территориального распределения динамики показателя отгрузки (позволяющего отчасти охарактеризовать динамику промышленного производства на муниципальном уровне) в Ленинградской области (Рисунки 40 и 41) наибольшее сокращение в 2022 г. наблюдается в Подпорожском (-48%), Тихвинском (-31%) и Бокситогорском (-15%) районах, то есть там, где сократили деятельность иностранные лесоперерабатывающие компании. В западных районах области в 2022 г. не было снижения показателя, либо оно было незначительным благодаря высокой диверсификации экономики, несмотря на специализацию на некоторых пострадавших отраслях. В 2024 г. среди районов с иностранными компаниями отрицательная динамика сохраняется в Подпорожском (-47%) и Бокситогорском (-5%) районах. В Тихвинском районе отгрузка становится выше уровня 2024 г. из-за положительной динамики других предприятий.

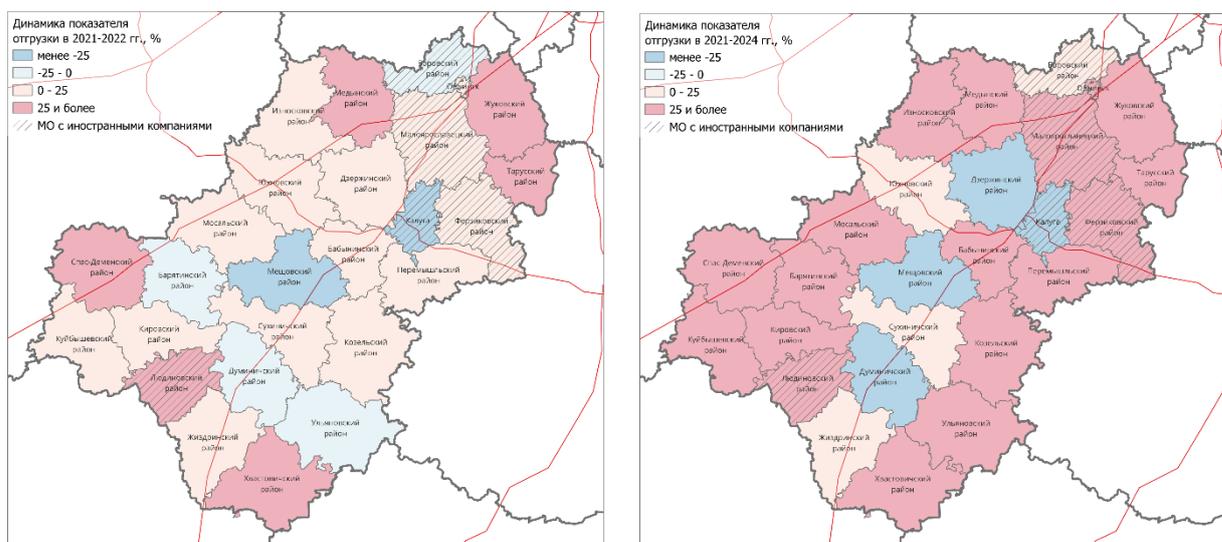

Рисунки 40 и 41. Динамика показателя «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» в 2021–2022 гг. и 2021–2024 гг. по муниципальным образованиям Ленинградской области
 Источник: составлено автором по данным БДПМО Росстата.

Несмотря на то, что в Ленинградской области присутствуют предприятия, входящие в автомобилестроительный кластер Санкт-Петербурга и Ленинградской области, и иные машиностроительные предприятия, существенно сократившие производство, из-за их расположения преимущественно в западных районах области, более развитых и приближенных к Санкт-Петербургу, они влияют на динамику промышленного производства муниципальных образований не существенно. Также не сказывается наличие иностранных компаний потребительского и строительного секторов, в основном не сокративших деятельность. В то же время существенное влияние на динамику производства в

2022 г. оказывает сокращение деятельности иностранных лесоперерабатывающих компаний (усугубляющееся их ориентацией на экспортный рынок) в восточных районах области (Подпорожском, Тихвинском и Бокситогорском), причем без восстановления к 2024 г. – в наиболее моноспециализированных (Подпорожском и Бокситогорском).

Рассмотрим динамику показателя отгрузки по муниципальным образованиям Калужской области (Рисунки 42 и 43), где присутствовали иностранные компании. Среди них сильная отрицательная динамика в 2022 г. наблюдается в г. Калуга (-44%), причем отгрузка не восстанавливается в 2024 г. (-40%), что говорит о существенном ущербе от сокращения деятельности иностранных автомобилестроительных компаний в 2022 г., практически не восстановивших ее к 2024 г. В 2022 г. отрицательная динамика отгрузки наблюдается также в Боровском районе (-5%), что могло быть связано с прекращением деятельности одного из крупных машиностроительных предприятий, но показатель по району восстанавливается к 2024 г.

Рисунки 42 и 43. Динамика показателя «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» в 2021–2022 гг. и 2021–2024 гг. по муниципальным образованиям Калужской области
 Источник: составлено автором по данным БДПМО Росстата.

Наибольшее сокращение деятельности именно машиностроительных предприятий в Калужской области связано с проблемами поставок импортных комплектующих. Предприятия других отраслей специализации иностранных компаний (фармацевтики и других, ориентированных на внутренний рынок), как

сократившие деятельность, так и нет, не оказывают сильного влияния на динамику производства в этих и других муниципальных образованиях.

Влияние ухода иностранных компаний на показатели рынка труда: занятость, фонд оплаты труда и налогооблагаемые доходы в муниципальных образованиях

Для выявления влияния динамики иностранных компаний на социально-экономическую динамику в муниципальных образованиях, необходимо сопоставить по ним основные показатели (Таблица 21) и определить какой вклад вносят иностранные компании в то или иное изменение показателя.

При рассмотрении динамики численности работников иностранных компаний по большинству анализируемых муниципальных образований в 2023 и 2024 гг. наблюдается усиление тенденций, начавшихся в 2022 г. Для динамики численности работников всех организаций это также характерно, но за некоторыми исключениями. Поэтому далее (кроме оговоренных случаев) рассматривается динамика 2024 г к 2021 г.

Динамика численности занятых иностранных компаний по Ленинградской области на 2024 г. отрицательная (-2,2 тыс. чел. или -17%), но это не отражается на динамике общей численности занятых в регионе, которая положительная (+23,7 тыс. чел. или +6%).

Такая ситуация достигается, в первую очередь, за счет муниципальных образований, близких к Санкт-Петербургу, имеющих высокий миграционный прирост населения (и повторяется в них): Всеволожского (+15%) и Ломоносовского (+19%) районов. Это же характерно и для районов западной части области, более отдаленных от Санкт-Петербурга, но диверсифицированных – Тосненского (+4%) и Лужского (+1%), где сокращение численности занятых в иностранных компаниях компенсируется ростом на других предприятиях, о чем, в ряде случаев, заявляется представителями местного самоуправления.

Наиболее положительной динамикой (+85%) отличается Кингисеппский район, где реализуются инвестпроекты в промышленности и логистике, связанные с портом Усть-Луга.

Таблица 21. Сопоставление динамики основных показателей рынка труда муниципальных образований с динамикой соответствующих показателей иностранных компаний

МО	1. Динамика* численности работников всех крупных и средних организаций				2. Динамика* численности работников иностранных компаний				Вклад 2 в 1		3. Динамика* ФОТ всех крупных и средних организаций (скорр. по ИПЦ)				4. Динамика* ФОТ иностранных компаний (скорр. по ИПЦ)				Вклад 4 в 3		5. Динамика* суммарных по МО налогообл. доходов (скорр. по ИПЦ)				6. Изменение* доли ФОТ в налогообл. доходах	
	2022		2024		2022		2024		2022	2024	2022		2024		2022		2024		2022	2024	2022		2024		2022	2024
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	%	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	%	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	п.п.	п.п.
Ленинградская обл.	+8395	+2	+23673	+6	-1040	-8	-2203	-17			+7	+2	+69	+25	-0	-1	-1	-6			+12	+3	+149	+36	+0	-5
Бокситогорский	-957	-9	-1014	-10	-64	-14	-96	-22	7	9	-0	-7	+0	+2	-0	-8	+0	+18	5	30	-1	-8	+1	+16	+1	-9
Всеволожский	+2006	+3	+10357	+15	-444	-43	-484	-47			+2	+4	+19	+36	+0	+7	-0	-4	13		+10	+11	+35	+37	-3	+0
Выборгский	+861	+2	-1549	-4	-16	-1	+37	+2			+1	+3	+3	+10	-0	-4	-0	-0	0		-1	-2	+7	+15	+4	-3
Гатчинский	+2738	+6	-3558	-8	+19	+5	-20	-6	1	1	+2	+5	+1	+2	+0	+6	+0	+20	2	18	+9	+21	+45	+107	-10	-38
Кингисеппский	+4227	+18	+19969	+85	-48	-29	-95	-58		0	+5	+24	+28	+134	+0	+76	-0	-7	1	0	-1	-1	+29	+73	+14	+19
Киришский	-96	-0	-2094	-10	+15	+1	+21	+1			-0	-1	-0	-3	-0	-2	+0	+19	38		-0	-3	+0	+1	+2	-3
Кировский	-1062	-5	-895	-4	-10	-1	-19	-1	1	2	-1	-4	+2	+9	-0	-8	-0	-1	26		-0	-2	+3	+17	-2	-5
Ломоносовский	+1573	+9	+3274	+19	-41	-1	-123	-4			+1	+5	+5	+34	-0	-5	-0	-2			+1	+5	+10	+36	+0	-1
Лужский	+110	+1	+62	+1	-32	-38	-83	-98			-0	-0	+1	+12	-0	-9	-0	-91	33		+0	+2	+3	+29	-1	-7
Подпорожский	-110	-3	-184	-4	-65	-24	-222	-82	59	121	-0	-8	+0	+0	-0	-1	-0	-75	1		-0	-11	-0	-9	+2	+5
Приозерский	-48	-0	-398	-4	-27	-84	-31	-97	56	8	-0	-2	+1	+13	-0	-7	-0	-100	3		+0	+0	+2	+19	-1	-4
Сланцевский	+178	+3	+202	+4	-3	-1	+22	+7		11	+0	+1	+1	+24	-0	-4	-0	-4			+0	+2	+0	+5	-1	+14
Тихвинский	-971	-5	-627	-3	-305	-26	-692	-59	31	110	-1	-12	+2	+18	-0	-6	-1	-63	4		-2	-12	+2	+14	+0	+3
Тосненский	+840	+4	+966	+4	-19	-3	-418	-74			+0	+1	+3	+18	+0	+9	-1	-32	111		+0	+0	+7	+29	+0	-6
Калужская обл.	-627	-0	+226	+0	-1617	-13	-4866	-39	258		-3	-2	+20	+13	-1	-7	-6	-36	34		-8	-3	+37	+17	+1	-2
Боровский	+1702	+9	+3082	+16	-321	-17	-422	-23			+1	+7	+5	+31	+0	+3	-1	-22	8		+3	+11	+10	+42	-2	-5
Людиновский	+194	+2	-190	-2	+262	+128	+455	+223	135		+0	+2	+1	+18	+0	+31	+0	+54	56	8	-0	-5	+1	+17	+5	+1
Малоярославецкий	-130	-1	+468	+5	-15	-18	-47	-56	12		-0	-4	+1	+23	+0	+8	-0	-38			+0	+1	+2	+26	-3	-2
Калуга	-1465	-1	-4108	-4	-1575	-16	-4887	-49	108	119	-4	-5	+5	+7	-1	-10	-5	-42	32		-8	-8	+6	+6	+2	+1
Обнинск	-660	-2	+1939	+7	+32	+13	+35	+14		2	-0	-1	+3	+15	-0	-0	+0	+29	1	3	+0	+0	+8	+22	-1	-4

Примечание: *к 2021 г.

Источник: рассчитано автором по данным БДПМО Росстата, ФНС, СПАРК-Интерфакс.

Для восточных районов Ленинградской области, сокращение общей численности занятых обусловлено именно сокращением занятости иностранных лесоперерабатывающих компаний: Тихвинского (-3%, объясняется динамикой иностранных компаний более, чем на 100%³⁵), Подпорожском (-4%, более, чем на 100%), Бокситогорском (-10%, на 9%) Отчасти то же характерно для Приозерского района (-4%, на 8%).

По Калужской области в целом наблюдается снижение численности занятых иностранных компаний, как в 2022 г. (-1,6 тыс. чел или -13%), так и в 2024 г. (-4,9 тыс. чел. или -39%), при этом общая численность занятых в организациях в 2022 г. сокращалась (-0,6 тыс. чел. или -0,3%), но к 2024 г. восстановилась (+0,2 тыс. чел. или +0,1%) за счет иных организаций, что отражает шокоустойчивость региона.

В наиболее пострадавшем от сокращения деятельности иностранных автомобилестроительных компаний муниципальном образовании – г. Калуга весь наблюдаемый период происходит сокращение численности занятых организаций (-4% в 2024 г, более, чем на 100% за счет иностранных компаний). То есть несмотря на развитый рынок труда регионального центра, уход иностранных компаний существенно повлиял на снижение занятости, хотя часть сотрудников перешли на работу на другие предприятия города, увеличившие объемы производства в последние годы, о чем заявлялось региональными властями.

В другом муниципальном образовании с большим количеством иностранных компаний – Боровском районе масштабы сокращения занятых иностранных компаний были существенно меньше, и формируются в основном одним крупным предприятием по производству бытовой техники, при этом они не повлияли на динамику численности занятых муниципального образования (+16%), что связано с реализацией в районе значительного количества новых инвестиционных проектов, преимущественно в ОЭЗ и индустриальных парках. Подобная ситуация с численностью занятых характерна для Малоярославецкого района (+5%).

В г. Обнинске и Людиновском районе не наблюдается сокращения занятости иностранных компаний. В первом случае это связано с их специализацией на

³⁵ Вклад динамики иностранных компаний в динамику по муниципальному образованию более, чем 100% может говорить о том, что часть высвобождаемой занятости иностранных компаний компенсируется ростом занятости в других организациях, менее 100% – о том, что к снижению приводят и другие факторы.

фармацевтике, во втором – с активным развитием (запуском второй очереди) деревообрабатывающего предприятия, перешедшего новым собственникам (также расположенного на площадке ОЭЗ).

Иностранные фармацевтические компании в других муниципальных образованиях Калужской области (г. Калуге и Боровском районе) не «выправляют» отрицательную динамику по иностранным компаниям ввиду их относительно небольшого размера.

Возможно также рассмотреть показатель **миграционного прироста**, но по сравнению с динамикой численности занятых организаций, он еще сильнее детерминирован прочими факторами, поэтому говорить о причинно-следственных связях между сокращением занятых на предприятиях иностранных компаний и миграционным оттоком сложно.

Тем не менее, в Ленинградской области, среди районов, где прослежено влияние иностранных компаний на сокращение занятости, миграционный отток существует только в Подпорожском районе (-5‰), что для него было бы характерно и без влияния иностранных компаний ввиду его периферийности, а в Калужской области среди таких муниципальных образований находится г. Калуга (-7‰), что нетипично для региональных центров, поэтому здесь можно предполагать влияние сокращения числа занятости на иностранных предприятиях на миграционный отток населения.

В динамике **зарплат и фонда оплаты труда (ФОТ)** видны существенные различия между 2022 г., когда многие иностранные компании не сокращали сотрудников, а переводили их в неполные формы занятости, и 2024 г., когда такая схема сменилась сокращениями.

В Ленинградской области в 2022 г. наибольшее снижение реальных зарплат было характерно для Тихвинского (-7%), Подпорожского (-5%), Ломоносовского (-4%) и Тосненского (-3%) районов, при этом на снижении ФОТ это сказалось только в первых двух (соответственно -12% и -8%), динамика ФОТ последних двух из-за роста численности занятых была положительная. Также значимое сокращение ФОТ характерно для Бокситогорского района (-7%) из-за снижения численности занятых. В Тихвинском, Подпорожском и Бокситогорском районах вклад иностранных компаний в это снижение составляет соответственно 4%, 1% и 5%, то

есть, меньше, чем по численности занятых. Также снижение ФОТ было характерно для Кировского района (-4%, на 26% за счет иностранных компаний), при этом по снижению численности занятых данный район не выделяется (вероятно, имело место сокращение зарплат без сокращений персонала).

Среди муниципальных образований Калужской области, где присутствовали иностранные компании, в 2022 г. значимое сокращение зарплат было характерно для г. Калуга (-4%), Малоярославецкого (-3%) и Боровского (-2%) районов. При этом на сокращении ФОТ это сказалось в г. Калуга (-5%) и Малоярославецком районе (-4%). Для ФОТ Боровского района был характерен рост из-за увеличения численности занятых. При этом снижение ФОТ иностранных компаний в общий ФОТ муниципального образования вносит значимый вклад (32%) только в г. Калуга. В остальных муниципальных образованиях ФОТ иностранных компаний в 2022 г. увеличивался.

В 2024 г. практически во всех рассматриваемых муниципальных образованиях Ленинградской и Калужской областей наблюдался рост реальных зарплат и ФОТ всех организаций. При этом ФОТ иностранных компаний во многих муниципальных образованиях снижается вслед за численностью занятых. Наибольшее снижение ФОТ иностранных компаний в Ленинградской области характерно для Тихвинского, Подпорожского, Приозерского, Лужского и Тосненского районов, в Калужской области – для г. Калуги, Боровского и Малоярославецкого районов. То есть, сокращение ФОТ иностранных компаний к 2024 г. было компенсировано ростом ФОТ других предприятий и организаций, произошедшем в основном за счет роста зарплат.

Как и в случае с ФОТ, **динамика налогооблагаемых доходов** в 2022 г. различалась по муниципальным образованиям, тогда как в 2024 г. восстановилась до уровня 2021 г. (кроме Подпорожского района Ленинградской области – -9%).

Внутрирегиональная картина с динамикой налогооблагаемых доходов в 2022 г. во многом повторяет динамику ФОТ. В Ленинградской области наибольшее снижение было характерно для Тихвинского (-12%), Подпорожского (-11%) и Бокситогорского районов (-8%) из-за сокращения деятельности иностранных компаний. В Калужской области – для г. Калуга (-8%), а также для Людиновского

района (-5%, по причинам, не связанным с иностранными компаниями, так как их ФОТ рос).

Доля зарплат работников крупных и средних предприятий в налогооблагаемых доходах различается между муниципальными образованиями в зависимости от их типов [Кузнецова, 2025] и структуры занятости.

Так, в Ленинградской области доля зарплат в доходах населения относительно низка (менее 55%) в районах, граничащих с Санкт-Петербургом, где развит малый бизнес, относительно высока (более 65%) в полупериферийных и периферийных районах с индустриальной и бюджетной занятостью. В Калужской области, наоборот, относительно высокая доля зарплат в налогооблагаемых доходах наблюдается в наиболее развитых индустриальных муниципалитетах, включая областной центр, относительно низкая – в полупериферийных и периферийных муниципалитетах с высокой долей сельского хозяйства.

Динамика доли зарплат в налогооблагаемых доходах в 2021–2024 гг. в Ленинградской области характеризуется снижением в большинстве муниципальных образований более развитой западной части региона, что может достигаться развитием малого предпринимательства, но в муниципальных образованиях восточной части области, в частности, в Подпорожском и Тихвинском районах (где наблюдается влияние сокращения деятельности иностранных компаний) этого не происходит из-за не самых благоприятных условий для развития малого бизнеса, либо наличия других крупных промышленных предприятий.

Среди муниципальных образований Калужской области, где присутствуют иностранные компании также снижается доля зарплат в доходах в Боровском, Малоярославецком районах и г. Обнинске, приближенных к Московской столичной агломерации, где также существует высокий потенциал развития малого предпринимательства, а увеличивается – в периферийном Людиновском районе, и, что не типично, в г. Калуге. Это говорит о том, что если переориентация занятости с сокращающих деятельность иностранных предприятий в г. Калуге и произошла, то преимущественно на другие крупные и средние предприятия, а не в малый бизнес.

Таким образом, динамика деятельности российских подразделений иностранных компаний в 2022–2024 гг. во многом определялась не только уходом их иностранных собственников, но и отраслевой специализацией компаний, связанной с ней технологичностью, зависимостью от внешнеторговых операций, ограниченных санкциями, и иными параметрами.

Негативное влияние сокращения деятельности иностранных промышленных компаний на социально-экономическую ситуацию в муниципальных образованиях Калужской и Ленинградской областей смягчалось или усиливалось положением муниципалитета в системе «центр-периферия» и отраслевой структурой их экономики.

Наибольшее влияние на динамику промышленного производства в 2022–2024 гг. было характерно для г. Калуги ввиду значительных масштабов сокращения деятельности иностранных автомобилестроительных предприятий и для восточных районов Ленинградской области (Подпорожского, Тихвинского, Бокситогорского) из-за их моноспециализации на иностранной лесопереработке с экспортной ориентации.

Сокращение численности занятых и ФОТ иностранных компаний также больше всего повлияло на изменение соответствующих показателей в периферийных районах востока Ленинградской области и в региональном центре Калужской области, что показывает неоднозначность влияния центр-периферийного фактора. При этом влияние на численность занятых сохранялось весь период 2022–2024 гг., а на зарплаты и доходы – только в 2022 г., то есть, адаптация заработных плат шла быстрее из-за роста дефицита рабочей силы. В занятости в основном происходила переориентация на другие крупные и средние предприятия, что, тем не менее, не позволило компенсировать негативную динамику.

Полученные результаты могут быть использованы при анализе ситуации с изменением деятельности иностранных компаний в аналогичных муниципальных образованиях: моноспециализированных периферийных лесоперерабатывающих районах Северо-Запада, крупных центрах иностранного автомобилестроения, муниципалитетах вблизи столичных агломераций.

Краткие выводы по Главе 3

На региональном уровне уход и сокращение деятельности иностранных компаний оказывают отрицательное влияние на такие характеристики, как динамика ВРП, промышленного производства, занятости. При этом влияние на занятость трудно определяется эконометрическими методами на региональном уровне ввиду специфики российского рынка труда. Влияние на инвестиции может быть выявлено при рассмотрении долгосрочного временного периода.

На уровне муниципальных образований влияние ухода и сокращения деятельности иностранных компаний в полной мере отражается как на производственных показателях, так и на характеристиках рынка труда (занятость, зарплаты, доходы).

Вместе с уходом иностранных компаний немаловажную роль в социально-экономической динамике регионов и муниципалитетов России в 2022–2024 гг. сыграли санкционные ограничения внешней торговли. При этом их влияние на экономику территорий происходит как параллельно с уходом и сокращением деятельности иностранных компаний, так и в некоторой степени через них, что делает процесс определения чистого влияния более затрудненным.

Эффекты ухода и сокращения деятельности иностранных компаний, как на региональном, так и на муниципальном уровне сильнее всего проявляются на территориях, специализирующихся на автомобилестроении и лесопереработке. При этом негативное воздействие иногда смягчается за счет более выгодного их положения в системе «центр-периферия» и диверсифицированной структуры экономики, которые, тем не менее, не всегда могут компенсировать слишком сильное воздействие ухода и сокращения деятельности иностранных компаний.

Основной формой адаптации экономик территорий к сокращению занятости иностранных компаний является ее переориентация на другие крупные и средние предприятия. При этом потенциал ухода занятых в малый бизнес ограничен или не проявляется в полной мере в текущих условиях.

Заключение

Изменение роли иностранных компаний – важный фактор, отражающийся на социально-экономическом развитии регионов России в новых условиях, сложившихся после 2022 г.

Уход иностранных компаний, несмотря на деглобализацию мирового хозяйства, остается относительно малоизученной темой в мировой науке, тогда как обратный процесс – прямые иностранные инвестиции, их факторы и эффекты в регионах, а также факторы регионального развития и его динамики (в том числе такие, как санкции) довольно хорошо исследованы.

Эффекты ухода иностранных компаний могут быть с некоторой долей условности выявлены исходя из эффектов прямых иностранных инвестиций, а также в рамках моделей регионального развития. Они могут различаться на национальном, региональном и локальном уровнях, кроме того, имеет смысл выделение краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных эффектов.

В существующих исследованиях среди основных эффектов ухода иностранных компаний выделяются отрицательное влияние на экономический рост и развитие, производство, показатели рынков труда, технологическое развитие, развитие человеческого капитала и т.д. При этом последние являются долгосрочными и весьма трудно оцениваемыми с методической точки зрения. Некоторые исследования отмечают и положительные эффекты. В основном эффекты ухода иностранных компаний обратны эффектам притока прямых иностранных инвестиций.

Влияние ухода и изменения деятельности иностранных компаний на экономику регионов России возможно рассматривать и с другой стороны – с позиций концепций регионального развития, его факторов, и шокоустойчивости территорий, а также подходов по исследованию влияния кризисов на развитие российских регионов.

При изучении ухода иностранных компаний из России в 2022–2024 гг. необходимо учитывать следующие исследовательские проблемы:

1. Несоответствие заявлений иностранных компаний о различных ограничениях деятельности их реальным действиям;

2. Отложенный характер реального ухода (ликвидации или смены собственников), вызывающий различия между заявлениями компаний и реальными действиями, особенно в начале исследуемого периода;

3. Несоответствие смены или сохранения иностранных собственников сокращению или продолжению деятельности их российских подразделений;

4. Факт того, что изменение роли иностранных компаний – не единственный фактор региональной экономической динамики в 2022–2024 гг., а значительное влияние на нее оказывают и иные факторы: санкционные ограничения (отрицательное), динамика отдельных быстрорастущих отраслей (положительное) и др.

Существование большого количества факторов, затрудняющих анализ, создает необходимость применения различных методических подходов к оценкам масштабов, роли и эффектов ухода иностранных компаний в региональной экономике: проведение оценок как по заявлениям, так и по реальным действиям, рассмотрение не только ухода компаний, но и динамики их деятельности, учет влияния санкций и других факторов.

Доля уходящих и ушедших иностранных компаний в российской экономике относительно невысока: на заявившие об уходе компании на конец 2024 г. приходится 0,7% численности занятых и 2,4% выручки всех организаций в России. На реально ушедшие – 0,7% по численности занятых и 2,7% по выручке в целом по экономике (в том числе 0,1% и 0,2% на ликвидированные, 0,6 и 2,5% на сменившие собственников), на сохранившие иностранных собственников – соответственно 0,9 и 4,8%. В промышленности доля реально ушедших иностранных компаний несколько выше – 1,3% занятости и 3,0% выручки (в основном сменившие собственников), на долю сохранивших иностранных собственников промышленных компаний приходится соответственно 1,5% и 3,5% занятости и выручки в промышленности. В целом, промышленные иностранные компании формируют более 80% занятости всех иностранных компаний в большинстве регионов, за исключением столичных агломераций (Москвы с Московской областью и Санкт-Петербурга), поэтому на рассмотрении именно промышленных компаний в работе сделан основной акцент.

Распределение иностранных компаний по заявлениям сформировалось к 2023 г. и далее существенно не изменилось. При этом, на протяжении 2022–2024 гг. произошел поступательный рост роли реально ушедших иностранных компаний, что говорит об отложенном характере данного процесса.

К 2024 г. оценки масштабов и роли иностранных компаний по реальным действиям сравнивались с оценками по заявлениям; это дает основание предполагать, что уход иностранных компаний из России к 2024 г. постепенно завершался.

С точки зрения динамики деятельности, важно учитывать, что в 2022–2024 гг. большинство (60%) иностранных компаний сократило деятельность в России к уровню 2021 г. При этом если среди сохранивших иностранных собственников компаний доля сокративших деятельность незначительно изменилась за три года, то среди сменивших – существенно сократилась, что может говорить о частичном восстановлении деятельности предприятий, сменивших собственников.

В разрезе стран происхождения иностранных компаний наиболее высокие доли ушедших приходятся на «недружественные» государства (на которые на начало 2022 г. приходилось большинство иностранных компаний, работавших в России). Среди них наиболее активно уходят компании из Финляндии, Швеции, Дании, Великобритании, Франции, Испании, наименее активно – из Италии, Австрии, Швейцарии, Японии, Южной Кореи, что подтверждается выводами других исследований.

Относительно невысокие оценки роли ушедших и сокративших деятельность иностранных компаний в экономике России в целом не говорят о малой значимости данной проблемы, поскольку они становятся выше при рассмотрении отдельных отраслей и регионов.

Среди отраслей экономики максимальные масштабы и роль ушедших компаний пришлись на обрабатывающие производства, а также отрасли сферы услуг: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; финансовую и страховую; в области информации и связи; торговлю оптовую и розничную.

Среди отраслей промышленности наиболее пострадавшими от ухода и изменения деятельности иностранных компаний являются автомобилестроение и производство электрического оборудования, где вне зависимости от смены или

сохранения иностранной собственности предприятий, существовали длительные простои производственных мощностей, как правило, не восстановившихся в 2024 г., и сокращения персонала, что связано с высоким уровнем технологичности и зависимости от поставок иностранных комплектующих, ограниченных санкциями.

Относительно пострадали отрасли, для которых как при смене собственников предприятий, так и без нее, часто были характерны сокращения деятельности компаний, но значимых приостановок производств не происходило – целлюлозно-бумажная, деревообрабатывающая, мебельная, промышленность стройматериалов, химическая и шинная, имеющие, как правило, сырьевую базу в России, но частично совершавшие поставки за рубеж или для наиболее пострадавших отраслей.

Менее всего пострадали, не сократили объемы производства и, как правило, не сменили иностранных собственников предприятия пищевой, табачной отраслей, производства напитков, бытовой химии, ориентированные на внутренний рынок и остающиеся весьма прибыльными. Отраслью с практически полным отсутствием уходящих компаний и сохранением производства является фармацевтическая.

Таким образом, весьма сильно от ухода и сокращения деятельности иностранных компаний пострадали отдельные высокотехнологичные отрасли промышленности и наукоемких услуг, являющиеся важными промежуточными звеньями цепочек добавленной стоимости. Это говорит о возможности возникновения эффектов для технологического развития и мультипликативных эффектов для смежных отраслей в долгосрочном периоде, которые возможно будет оценить в будущем.

На региональный уровень частично проецируются отраслевые закономерности изменения роли иностранных компаний. Во многом региональное распределение определяется географией прямых иностранных инвестиций в прошлые периоды. Отсюда возникают центр-периферийные и зональные закономерности: например, специализация на услугах в крупнейших агломерациях, более пострадавшей лесопереработке в лесной зоне, менее пострадавшем АПК в черноземной зоне.

Тем не менее, существуют закономерные исключения в этой отраслевой проекции, как правило, связанные с зависимостью предприятий от внешней торговли со странами, вводившими санкции или присоединившимися к ним (например, в машиностроении или лесопереработке), или стратегиями отдельных компаний.

На доли ушедших и сокративших деятельность иностранных компаний в региональной экономике и промышленности (как относительный показатель) и на проявление эффектов различного рода ограничений деятельности иностранных компаний оказывают влияние масштаб и диверсификация экономик регионов, которые смягчают или усиливают негативное воздействие данных процессов, определяя шокоустойчивость регионов. Такое же влияние оказывает положение региона в системе «центр-периферия».

Регионы с иностранными компаниями логично группировать по степени проявления отрицательных эффектов изменения деятельности иностранных компаний (наиболее, относительно и наименее пострадавшие) и их диверсификации (которая соотносится с диверсификацией экономики в целом).

Так, среди диверсифицированных регионов наиболее пострадавшими являются Калужская, Ленинградская области и Санкт-Петербург, где основной вклад в негативную ситуацию вносят автомобилестроительные предприятия, сильно зависящие от поставок комплектующих из-за рубежа; относительно пострадавшими – Москва и Московская область со значительной ролью иностранных предприятий в сфере услуг и потребительских секторах, Самарская область и Республика Татарстан, где автомобилестроение было иностранным лишь частично и не сильно пострадало, а также Липецкая область; наименее пострадавшими – регионы со специализацией на потребительских секторах: Нижегородская, Тульская, Владимирская области и Краснодарский край.

Среди слабодиверсифицированных наиболее пострадавшими являются Республики Коми и Карелия, Новгородская и Кировская области, Приморский край, специализирующиеся на иностранной лесопереработке, ранее сильно ориентированной на экспорт и существенно сокращающей деятельность из-за его ограничений; относительно пострадавшими – машиностроительные Ульяновская, Саратовская, Челябинская, Тверская, Ярославская области, добывающие Ямало-

Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра, Тюменская и Сахалинская области; наименее пострадавшими: регионы АПК, например, Воронежская и Волгоградская области.

В целом, изменение роли иностранных компаний в России в 2022–2024 гг., преимущественно западных, меняет территориальное распределение иностранных инвестиций внутри страны и привлекательность регионов для иностранных инвесторов. В частности, происходит сокращение роли регионов Северо-Запада и Центра. В свою очередь, на это распределение в 2022–2024 гг. накладывается увеличение присутствия азиатских компаний, имеющее несколько иное территориальное распределение, которое возможно более подробно исследовать в дальнейшем.

Методически чистое влияние ухода и изменения деятельности иностранных компаний на социально-экономическую динамику территорий может быть определено, с одной стороны, построением регрессионных моделей с включением в них иных факторов, с другой – рассмотрением влияния на достаточно детальном масштабном уровне, где воздействие других факторов более прозрачно.

Эконометрическая оценка эффектов ухода иностранных компаний, основанная на построении совокупности регрессионных моделей, показала, что влияние ухода иностранных компаний на региональном уровне отражается в ВРП и промышленном производстве, но не в занятости и инвестициях, где оно статистически не значимо либо по причине сложности, либо долгосрочности явления.

Количественная оценка влияния ухода иностранных компаний на технологическое развитие и человеческий капитал возможна в долгосрочном периоде, хотя ограничена доступностью статистических данных и требует весьма тщательного подбора показателей. Теоретически возникновение данного эффекта обосновано.

Наличие в регионах ОЭЗ федерального уровня (которые в предыдущие годы привлекли значимое количество иностранных компаний) и поддерживаемых кластеров не влияет на экономическую динамику, хотя и коррелирует с долей ушедших иностранных компаний в региональной экономике.

Вместе с уходом и сокращением деятельности иностранных компаний, важным фактором динамики моделируемых показателей являются санкционные ограничения экспорта и импорта. При этом необходимо учитывать, что влияние фактора санкций происходит как параллельно с уходом и сокращением деятельности иностранных компаний, так и, в некоторой степени, через них.

При рассмотрении эффектов на локальном уровне, прослеживается влияние как на производственные показатели, так и на характеристики рынка труда. Так, сокращение деятельности иностранных компаний влияет на снижение численности занятых (частично отражающееся в миграционном оттоке населения), фонда оплаты труда, налогооблагаемых доходов.

На локальном уровне, как и на региональном, также наблюдается закономерность, что больше всего страдают территории, специализирующиеся на наиболее пострадавших отраслях (автомобилестроении и лесопереработке), при этом степень негативного воздействия может компенсироваться размером и диверсификацией экономики территории, ее положением в системе «центр-периферия», определяющими шокоустойчивость территорий. Тем не менее, эта компенсация проявляется не всегда: при слишком сильном воздействии, несмотря на существенные размер и диверсификацию экономики, центральное или полупериферийное положение территорий, восстановление ряда их социально-экономических параметров затруднено.

Основной формой адаптации рынков труда на локальном уровне выступает преимущественно переориентация занятости на другие крупные и средние предприятия, а не развитие малого бизнеса и индивидуального предпринимательства.

Несмотря на то, что доли ушедших иностранных компаний в экономике России после 2022 г. в целом не велики, изменение роли иностранных компаний, вместе с санкционными ограничениями, оказало существенное, преимущественно негативное, влияние на развитие отдельных отраслей, регионов и муниципальных образований. Это делает актуальными дальнейшие исследования влияния ухода и изменения деятельности иностранных компаний на социально-экономическое развитие территорий разного масштабного уровня.

Список литературы

1. Авраменко Е. С., Власов С. В., Лукьянов С. А., Темкина И. М. Инвестиционная политика региона в условиях бюджетных ограничений и экономических санкций // Экономика региона. – 2015. – № 1. – С. 213–223.
2. Агаева Л. К., Бурец Ю. С., Егорова К. С. И др. Российские регионы в условиях санкций: возможности опережающего развития экономики на основе инноваций. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2019. – 446 с.
3. Арапова Е. Я., Балахонова С. И. Уйти нельзя остаться: анализ поведения европейских компаний в условиях санкционного давления на Россию // Современная Европа. – 2025. – № 1 (129). – С. 67–81.
4. Бабурин В. Л., Горячко М. Д. География инвестиционного комплекса: учебное пособие. – М.: Географический факультет МГУ, 2009. – 216 с.
5. Бакланов П. Я. Структуризация территориальных социально-экономических систем // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2013. – № 6. – С. 3–8.
6. Бакланов П. Я. Территориальные социально-экономические системы в региональном развитии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2017. – № 4. – С. 7–16.
7. Барина В. А., Дробышевский С. М., Еремкин В. А., Земцов С. П., Сорокина А. В. Типология регионов России для целей региональной политики // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 23. – С. 4199–4204.
8. Бессонов В. А. Проблемы построения производственных функций в российской переходной экономике // Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара». – 2002. – № 42. – С. 5–89.
9. Бобровский Р. О. Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России // Федерализм. – 2023. – Т. 28. – № 2. – С. 197–219.
10. Бобровский Р. О. Оценка вклада уходящих и ушедших иностранных компаний в отраслях и регионах России // Федерализм. – 2024. – Т. 29. – № 2. – С. 153–171.
11. Бобровский Р. О. Влияние сокращения деятельности иностранных промышленных компаний на социально-экономическую ситуацию в

муниципалитетах Ленинградской и Калужской областей // Региональные исследования. – 2025. – № 2. – С. 94–106.

12. Бобровский Р. О., Горячко М. Д. Выявление кластеров высокотехнологичной промышленности на уровне регионов и городов России в 2015–2019 гг. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2024. – № 5. – С. 52–64.

13. Бутс Б., Дробышевский С., Кочеткова О. и др. Типология российских регионов. – М.: СЕПРА, 2002. – 152 с.

14. Волков А. М. Иностранные инвестиции в экономику Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 6. – С. 67–76.

15. Голова И. М., Суховой А. Ф. Сущность и возможности реализации инновационного импортозамещения в российских регионах // Экономический анализ: теория и практика. – 2020. – Т. 19. – № 8. – С. 1388–1408.

16. Горячко М. Д. Оценка влияния крупных инвестиционных проектов России на социально-экономическое развитие регионов // Региональные исследования. – 2014. – № 4. – С. 88–100.

17. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – Т. 26. – № 2. – С. 249–254.

18. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

19. Гурвич Е. Т., Прилепский И. В. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 5–35.

20. Гурков И. Б., Филинов Н. Б., Саидов З. Б. Стратегические дилеммы деятельности западных корпораций в России // Экономическая наука современной России. – 2023. – № 3 (102). – С. 89–101.

21. Гурков И. Б., Филинов Н. Б., Саидов З. Б. Влияние продажи российских подразделений западных компаний на технологический уровень производства в России // Экономическая наука современной России. – 2024. – № 1 (104). – С. 35–46.

22. Гутник А. В., Трофимова О. Е. Европейские инвестиции в Калужской области: особенности в условиях санкций // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62. – № 9. – С. 81–87.
23. Демидова К. В. МСП в условиях антироссийских санкций: итоги первого полугодия 2022 г. и возможные направления поддержки // *Экономическое развитие России*. – 2022. – Т. 29. – № 11. – С. 46–58.
24. Демидова К. В. Социально-экономическое развитие муниципальных образований Восточной Сибири в ходе реализации крупных инвестиционных проектов: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2024. – 27 с.
25. Демидова О. А., Иванов Д. С. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. – 2016. – Т. 20. – № 1. – С. 52–75.
26. Демидова О. А., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // *Экономическая политика*. – 2021. – Т. 16. – № 2. – С. 34–59.
27. Драпкин И. М., Давидсон Н. Б., Лопатина Т. А., Федюнина А. А. Факторы, влияющие на деятельность иностранных компаний в России // *Журнал экономической теории*. – 2011. – № 2. – С. 80–94.
28. Дробышевский С., Луговой О., Астафьева Е. и др. Факторы экономического роста в регионах РФ. – М.: ИЭПП, 2005. – 278 с.
29. Дуплинская Е. Б., Кобелева Е. П. Публичное управление в условиях экономических санкций: проблемы регионов // *Экономика и социум*. – 2015. – № 1–2 (14). – С. 1181–1184.
30. Егоров Д. О., Чатурова Д. И. Иностранные компании в российской экономике после начала СВО // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. – 2024. – № 1 (595). – С. 72–95.
31. Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // *Региональные исследования*. – 2020. – № 3. – С. 4–15.

32. Замятина Н. Ю., Медведков А. А., Поляченко А. Е., Шамало И. А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2020. – Т. 65. – № 3. – С. 481–505.
33. Землянский Д. Ю., Калиновский Л. В., Медведникова Д. М., Чуженькова В. А. Оценка рисков приостановки деятельности иностранных компаний для экономики и рынков труда регионов России // Экономическое развитие России. – 2022. – Т. 29. – № 4. – С. 4–14.
34. Землянский Д. Ю., Климанов В. В. Устойчивость региональных бюджетов в условиях санкций в 2022–2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 308–316.
35. Землянский Д. Ю., Чуженькова В. А. Производственная зависимость от импорта в российской экономике: региональная проекция // Известия РАН. Серия географическая. – 2023. – Т. 87. – № 5. – С. 651–665.
36. Землянский Д. Ю., Чуженькова В. А. Производственная зависимость от импорта в регионах России после 2022 года // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 282–290.
37. Земцов С. П. Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16, – № 1. – С. 23–45.
38. Земцов С. П. Источники роста деловой активности в регионах России в условиях внешних шоков // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 291–300.
39. Земцов С. П., Баринова В. А., Михайлов А. А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 44–79.
40. Земцов С. П., Волошинская А. А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 3 (64). – С. 54–83.
41. Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – Т. 40. – № 4. – С. 84–108.

42. Зубаревич Н. В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – 110 с.
43. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал новой экономической ассоциации. – 2009. – № 1–2. – С. 161–174.
44. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – Т. 2. – № 28. – С. 3–14.
45. Зубаревич Н. В. Региональная проекция нового российского кризиса // Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С. 37–52.
46. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 217–226.
47. Зубаревич Н. В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – Т. 22. – № 1. – С. 34–47.
48. Зубаревич Н. В. Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 274–281.
49. Инвестиционный климат России (Результаты опроса существующих и потенциальных инвесторов, 2012 год) [Электронный ресурс]. – М.: Консультативный совет по иностранным инвестициям, 2012. – 4 с. – URL: https://dpr.ru/journal/journal_48_14.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
50. Казанцев С. В. Оценка влияния экономического спада и антироссийских санкций на регионы РФ // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2016. – № 5 (503). – С. 55–70.
51. Картина иностранного бизнеса: уйти нельзя остаться [Электронный ресурс]. – Центр стратегических разработок, 2022. – 19 с. – URL: <https://www.csr.ru/ru/research/kartina-inostrannogo-biznesa-uyti-nelzya-ostatsya/> (дата обращения: 10.06.2023).
52. Климанов В. В., Варданян В. Ш. Прогнозы регионов России в условиях экономических санкций // Региональная экономика. Юг России. – 2019. – Т. 7. – № 3. – С. 25–33.

53. Климова Н. В., Мурашкина С. Ю. Влияние санкций на инвестиционный климат и промышленную политику России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 106. – С. 162–174.
54. Кнобель А. Ю., Багдасарян К. М., Лощенкова А. Н., Прока К. А., Санкции: всерьез и надолго. – М.: Дело, 2019. – 80 с.
55. Кнобель А. Ю., Прока К. А., Багдасарян К. М. Международные экономические санкции: теория и практика их применения // Журнал новой экономической ассоциации. – 2019. – № 3. – С. 152–162.
56. Коломак Е. А. Оценка пространственной связности экономической активности российских регионов // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 4. – С. 55–72.
57. Комарова А. В., Крицына Е. А. О вкладе человеческого капитала в рост ВРП регионов России // Мир экономики и управления. – 2012. – Т. 12. – № 3. – С. 5–14.
58. Комарова А. В., Павшок О. В. Оценка вклада человеческого капитала в экономический рост регионов России (на основе модели Мэнкью-Ромера-Уэйла) // Мир экономики и управления. – 2007. – Т. 7. – № 3. – С. 191–201.
59. Кузнецов А. В. Интернационализация российской экономики: Инвестиционный аспект. – М.: КомКнига, 2007. – 288 с.
60. Кузнецов А. В. Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 9. – С. 40–47.
61. Кузнецова О. В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2014. – № 2. – С. 3–8.
62. Кузнецова О. В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль офшорного капитала // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8. – № 6 (44). – С. 47–62.
63. Кузнецова О. В. Прямые иностранные инвестиции в российских регионах в условиях санкций // Международные процессы. – 2016а. – Т. 14. – № 3. – С. 132–142.

64. Кузнецова О. В. Роль иностранного капитала в экономике российских регионов: возможности оценки и межрегиональные различия // Проблемы прогнозирования. – 2016б. – № 3 (156). – С. 59–70.
65. Кузнецова О. В. Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 2. – С. 33–57.
66. Кузнецова О. В. Муниципальные образования России: новые подходы к типологизации и оценке социально-экономической ситуации // Региональные исследования. – 2025. – № 3. – С. 4–15.
67. Кузнецова О. В., Бобровский Р. О. Факторы размещения фармацевтических предприятий на примере крупнейших фармкомпаний России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2022. – Т. 86. – № 2. – С. 168–178.
68. Кузнецова О. В., Ксенофонов Д. М. Динамика доходов по муниципальным образованиям России в новых геоэкономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 301–307.
69. Кузнецова О. В., Кузнецов А. В., Туровский Р. Ф., Четверикова А. С. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. Изд. 2. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 440 с.
70. Кузнецова О. В., Михайлов А. А. Территориальные стратегии развития крупнейших иностранных компаний в России // Федерализм. – 2019. – № 3. – С. 74–89.
71. Луговой О., Дашкеев В., Мазаев И., Фомченко Д., Поляков Е., Хехт А. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах. – М.: ИЭПП, 2007. – 164 с.
72. Леонов А. И. Исследование мотивов ухода зарубежных компаний с российского рынка в контексте санкционного давления // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 2 (61). – С. 659–663.
73. Леонова Ю. Ю. Региональные интересы и факторы инвестиционной активности зарубежных компаний России. – М.: Ленанд, 2015. – 200 с.
74. Ляшок В. Ю. Санкции и российский рынок труда: эффект пока неочевиден // Экономическое развитие России. – 2022а. – Т. 29. – № 8. – С. 50–55.

75. Ляшок В. Ю. Санкции пока не вызвали роста безработицы // Экономическое развитие России. – 2022б. – Т. 29. – № 4. – С. 50–52.
76. Мажар Л. Ю., Чистобаев А. И. Территориальные социально-экономические системы и региональное развитие // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2006. – № 1. – С. 80–89.
77. Малкина М. Ю. Промышленность российских регионов в условиях новых антироссийских санкций // Пространственная экономика. – 2024а. – Т. 20. – № 3. – С. 39–66.
78. Малкина М. Ю. Стресс реального сектора российских регионов в условиях пандемии и санкций // Экономика региона. – 2024б. – Т. 20. – № 1. – С. 16–32.
79. Матвеева Л. Г., Никитаева А. Ю., Чернова О. А. Перспективы и потенциал развития регионов Юга России в условиях антироссийских экономических санкций // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 17 (392). – С. 2–12.
80. Матраева Л. В. Распределение прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации. – М.: Дашков и К, 2013. – 192 с.
81. Михеева Н. Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 1 (184). – С. 106–118.
82. Нестерова Д. В., Мариев О. С. Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Экономика региона. – 2005. – № 4. – С. 57–70.
83. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. / Под ред. Б. З. Мильнера. – М.: Начала, 1997 – 180 с.
84. Полиди А. А., Сичкар С. В. Эконометрическая оценка факторов и динамики прямых иностранных инвестиций в экономику региона // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 9. – С. 234–239.
85. Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / Пер. с англ. – М.: Альпина Пабlishер, 2016. – 947 с.

86. Салимова Д. Р., Царева Ю. В., Земцов С. П. Влияют ли новые предприятия на рост занятости в регионах России: кратко- и среднесрочные эффекты // Вопросы экономики. – 2023. – Т. 3. – С. 102–125.
87. Симачев Ю. В., Яковлев А. А., Голикова В. В., Городный Н. А., Кузнецов Б. В., Кузык М. Г., Федюнина А. А. Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования // Вопросы экономики. – 2023. – № 12. – С. 1–26.
88. Ситкевич Д. А., Стародубровская И. В. Кратко-и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – № 3. – С. 77–98.
89. Смородинская Н. В., Катукон Д. Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 6. – С. 52–67.
90. Татаркин А., Андреева Е., Ратнер А. Инструменты импортозамещения: перспективы российских регионов // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 6. – С. 45–53.
91. Тикунов В. С. Классификации в географии: ренессанс или увядание? (Опыт формальных классификаций). – М., Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – 367 с.
92. Трещевский Ю. И., Круглякова В. М. Анализ динамики иностранных инвестиций в регионы России // Terra Economicus. – 2010. – Т. 8. – № 1–2. – С. 151–159.
93. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – Т. 3. – № 55. – С. 218–226.
94. Федорова Е. А., Левина А. М., Николаев А. Э. Эффективность компаний с прямыми иностранными инвестициями в России: региональный аспект // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2016. – № 1 (499). – С. 61–69.
95. Хмелева Г. А., Гришанин М. В., Рахмаков Д. А. Стрессоустойчивость экономики российских регионов в условиях санкций // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7. – № 8. – С. 2067–2084.

96. Шевченко И. В., Горецкая Е. О. Территориальная концентрация иностранных инвестиций в регионах России // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – № 10. – С. 38–50.
97. Штерцер Т. А. Роль человеческого капитала в экономическом развитии регионов РФ // Мир экономики и управления. – 2006. – Т. 6. – № 2. – С. 37–51.
98. Andersson A., Wallhult E. Withdrawal from foreign markets. A study of two Swedish companies and their withdrawal decision-making process [Electronic source]. – Gothenburg: Gothenburg University, 2011. – 51 p. – URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/handle/2077/26606/gupea_2077_26606_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 01.09.2023).
99. Arapova E. Ya., Balakhonova S. I. Foreign companies' behavior in the Russian market under sanctions: speculation and reality // Russia in Global Affairs. – 2023. – Vol. 21. – № 4 (84). – P. 47–64.
100. Arthur W. B. Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events // The economic journal. – 1989. – Vol. 99. – № 394. – P. 116–131.
101. Audretsch D. B., Keilbach M. Entrepreneurship and regional growth: an evolutionary interpretation // Journal of evolutionary economics. – 2004. – Vol. 14. – P. 605–616.
102. Barros Torres G. Chinese foreign direct investment in Brazil: Evolution, trends and concerns over critical infrastructure // Coleccion. – 2020. – Vol. 31. – № 1. – P. 17–36.
103. Bedi A. S., Cielik A. Wages and wage growth in Poland: The role of foreign direct investment // Economics of Transition. – 2002. – Vol. 10. – № 1. – P. 1–27.
104. Belderbos R., Zou J. Foreign investment, divestment and relocation by Japanese electronics firms in East Asia // Asian Economic Journal. – 2006. – Vol. 20. – № 1. – P. 1–27.
105. Benito G. R. G. Divestment of foreign production operations // Applied economics. – 1997. – Vol. 29. – № 10. – P. 1365–1378.
106. Benito G. R. G. Divestment and international business strategy // Journal of Economic Geography. – 2005. – Vol. 5. – № 2. – P. 235–251.

107. Benito G. R. G., Welch L. S. De-internationalization // *MIR: Management International Review*. – 1997. – P. 7–25.
108. Berry H. Why do firms divest? // *Organization science*. – 2010. – Vol. 21. – № 2. – P. 380–396.
109. Berry H. When do firms divest foreign operations? // *Organization Science*. – 2013. – Vol. 24. – № 1. – P. 246–261.
110. Boddewyn J. J. Foreign direct divestment theory: is it the reverse of FDI theory? // *Review of World Economics*. – 1983. – Vol. 119. – № 2. – P. 345–355.
111. Boddewyn J. J., Torneden R. US foreign divestment-preliminary survey // *Columbia Journal of World Business*. – 1973. – Vol. 8. – № 2. – P. 25–29.
112. Bortoluzzo M. M., Sakurai S. N., Bortoluzzo A. B. Allocation of foreign direct investment across brazilian states // *Estudos Economicos (Sao Paulo)*. – 2013. – Vol. 43. – P. 241–269.
113. Brenner T. Science, innovation and national growth // *Working papers on innovation and space / Philipps University Marburg, Department of Geography*. – 2014. – № 03.14.
114. Chang S. J., Singh H. The impact of modes of entry and resource fit on modes of exit by multibusiness firms // *Strategic Management Journal*. – 1999. – Vol. 20. – № 11. – P. 1019–1035.
115. Chen T. J., Wu G. Determinants of divestment of FDI in Taiwan // *Review of World Economics*. – 1996. – Vol. 132. – № 1. – P. 172–184.
116. Cuervo-Cazurra A., Maloney M. M., Manrakhan S. Causes of the difficulties in internationalization // *Journal of international business studies*. – 2007. – Vol. 38. – P. 709–725.
117. Dai L., Eden L., Beamish P. W. Place, space, and geographical exposure: Foreign subsidiary survival in conflict zones // *Journal of International Business Studies*, 2013. – Vol. 44. – № 6. – P. 554–578.
118. De Angelis M., Harvie D. Globalization? No question! Foreign direct investment and labor commanded // *Review of Radical Political Economics*. – 2008. – Vol. 40. – № 4. – P. 429–444.
119. Demena B., Afesorgbor S. K. The effect of FDI on environmental emissions // *Energy Policy*. – 2018. – Vol. 138. – № 111192.

120. Dunning J. H. Toward an eclectic theory of international production: Some empirical tests // *Journal of international business studies*. – 1980. – Vol. 11. – № 1. – P. 9–31.
121. Dunning J. H. The eclectic (OLI) paradigm of international production: past, present and future // *International journal of the economics of business*. – 2001. – Vol. 8. – № 2. – P. 173–190.
122. Echandi R., Krajcovicova J., Qiang C. Z. W. The impact of investment policy in a changing global economy: a review of the literature // *World Bank Policy Research Working Paper*. – 2015. – № 7437.
123. Evenett S., Pisani N. Less than nine percent of western firms have divested from Russia // *SSRN Electronic Journal*. – 2022. – ID: 4322502.
124. Fisch J. H., Zschoche M. The effect of operational flexibility on decisions to withdraw from foreign production locations // *International Business Review*. – 2012. – Vol. 21. – № 5. – P. 806–816.
125. Fredmann J. *Urbanization, planning and national development*. – Beverly Hills: Sage Publications, 1973. – 351 p.
126. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The spatial economy: cities, regions and international trade*. – Cambridge MA: MIT Press, 1999. – 367 p.
127. Fujita M., Thisse J. F. *Economics of agglomeration: Cities, industrial location, and regional growth*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 466 p.
128. Giersch H. Aspects of growth, structural change, and employment. A schumpeterian perspective // *Review of World Economics*. – 1979. – Vol. 115. – № 4. – P. 629–652.
129. Girma S., Gong Y., Gorg H. What determines innovation activity in Chinese state-owned enterprises? The role of foreign direct investment // *World Development*. – 2009. – Vol. 37. – № 4. – P. 866–873.
130. Globerman S., Shapiro D. M. The impact of government policies on foreign direct investment: The Canadian experience // *Journal of international business studies*. – 1999. – № 3. – Vol. 30. – P. 513–532.
131. Goldberg P., Reed T. Is the global economy deglobalizing? // *World Bank Policy Research Working Paper*. – 2023. – № 10392.

132. Hagerstrand T. Innovation diffusion as a spatial process. – Chicago: University of Chicago Press, 1968. – 334 p.
133. Haynes M., Thompson S., Wright M. The determinants of corporate divestment in the UK // *International Journal of Industrial Organization*. – 2000. – Vol. 18. – № 8. – P. 1201–1222.
134. Hill, C. W. L. *International business: competing in the global marketplace*. – Maidenhead: McGraw-Hill Education, 2014. – 882 p.
135. Honer E., Dick S. Effects on the economy of Brazil of a withdrawal of foreign direct investment [Electronic source]. – Jonkoping: Jonkoping University, 2022. – 74 p. – URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1676282/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 01.09.2023).
136. Hoskisson R. E., Johnson R. A., Moesel D. D. Corporate divestiture intensity in restructuring firms: Effects of governance, strategy, and performance // *Academy of Management journal*. – 1994. – Vol. 37. – № 5. – P. 1207–1251.
137. Isard W. *Methods of regional analysis: an introduction to regional science*. – Cambridge MA: MIT Press, 1960. – 784 p.
138. Itoh Y., Konno Y. Research on factors that Japanese companies withdraw from overseas business // *Yokohama management research*. – 2020. – Vol. 40. – № 3. – P. 327–337.
139. Jacobs J. *The Economy of Cities*. – New York: Vintage, 1969. – 288 p.
140. Javorcik B., Poelhekke S. Former foreign affiliates: Cast out and outperformed? // *Journal of the European Economic Association*. – 2017. – Vol. 15. – № 3. – P. 501–539.
141. Joo B. A., Shawl S., Makina D. The interaction between FDI, host country characteristics and economic growth? A new panel evidence from BRICS // *Journal of Economics and Development*. – 2022. – Vol. 24. – № 3. – P. 247–261.
142. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of political economy*. – 1991. – Vol. 99. – № 3. – P. 483–499.
143. Latif Z., Mengke Y., Danish Latif S., Ximei L., Pathan Z. H., Salam S., Jianqiu Z. The dynamics of ICT, foreign direct investment, globalization and economic growth: Panel estimation robust to heterogeneity and cross-sectional dependence // *Telematics and informatics*. – 2018. – Vol. 35. – № 2. – P. 318–328.

144. Li D. H., Huang Z., Failler P. Impact of Foreign Direct Investment on Environmental performance // Sustainability. – 2019. – Vol. 11. – № 3538.
145. Makoni P. L. An extensive exploration of theories of foreign direct investment // Risk governance & control: Financial markets and institutions. – 2015. – Vol. 5. – № 2. – P. 77–83.
146. Martin P., Ottaviano G. I. P. Growing locations: Industry location in a model of endogenous growth // European Economic Review. – 1999. – Vol. 43. – № 2. – P. 281–302.
147. Mata J., Portugal P. Closure and divestiture by foreign entrants: the impact of entry and post-entry strategies // Strategic Management Journal. – 2000. – Vol. 21. – № 5. – P. 549–562.
148. Mata J., Portugal P. The survival of new domestic and foreign-owned firms // Strategic management journal. – 2002. – Vol. 23. – № 4. – P. 323–343.
149. Maunganidze D. Factors influencing the withdrawal of foreign investors from the Zimbabwe stock market: June 2015 to June 2017 // Journal of Social Review and Development. – 2022. – Vol. 1. – № 1. – P. 11–19.
150. Melane-Lavado A., Alvarez-Herranz A., Gonzalez-Gonzalez I. Foreign direct investment as a way to guide the innovative process towards sustainability // Journal of cleaner production. – 2018. – № 172. – P. 3578–3590.
151. Meyer K. E., Sinani E. When and where does foreign direct investment generate positive spillovers? A meta-analysis // Journal of international business studies. – 2009. – Vol. 40. – № 7. – P. 1075–1094.
152. Mitchell W., Shaver J. M., Yeung B. Foreign entrant survival and foreign market share: Canadian companies' experience in United States medical sector markets // Strategic Management Journal. – 1994. – Vol. 15. – № 7. – P. 555–567.
153. Neuenkirch M., Neumeier F. The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth // European Journal of Political Economy. – 2015. – № 40. – P. 110–125.
154. Neuhaus M. The impact of FDI on economic growth: an analysis for the transition countries of Central and Eastern Europe. – Heidelberg: Physica-Verlag, 2006. – 185 p.
155. North D. C. The rise of the western world: A new economic history. – Cambridge: Cambridge University Press, 1973. – 170 p.

156. Pattnaik C., Lee J. Y. Distance and divestment of Korean MNC affiliates: The moderating role of entry mode and experience // *Management in South Korea Revisited*. – 2014. – Vol. 20. – № 1. – P. 174–196.
157. Pauwels P., Matthyssens P. A strategy process perspective on export withdrawal // *Journal of International Marketing*. – 1999. – Vol. 7. – № 3. – P. 10–37.
158. Ricardo D. On the principles of political economy and taxation. – London: John Murray, 1817 – 447 p.
159. Rodrik D. In search of prosperity: Analytic narratives on economic growth. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – 496 p.
160. Romer P. M. Increasing returns and long-run growth // *The Journal of Political Economy*. – 1986. – Vol. 94. – № 5. – P. 1002–1037.
161. Sachdev J. C. Disinvestment: A corporate failure or a strategic success // *International Studies of Management & Organization*. – 1976. – Vol. 6. – № 1/2. – P. 112–130.
162. Saggi K. Trade, foreign direct investment, and international technology transfer: A survey // *The World Bank Research Observer*. – 2002. – Vol. 17. – № 2. – P. 191–235.
163. Siegfried J. J., Evans L. B. Empirical studies of entry and exit: A survey of the evidence // *Review of Industrial Organization*. – 1994. – Vol. 9. – P. 121–155.
164. Singhania M., Saini N. Demystifying pollution haven hypothesis: Role of FDI // *Journal of Business Research*. – 2021. – Vol. 123. – P. 516–528.
165. Soule S. A., Swaminathan A., Tihanyi L. The diffusion of foreign divestment from Burma // *Strategic Management Journal*. – 2014. – Vol. 35. – № 7. – P. 1032–1052.
166. Tuluce N. S., Dogan I. The impact of foreign direct investments on SMEs' development // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – № 150. – P. 107–115.
167. Vernon R. International Investment and International Trade in the Product Cycle // *Quarterly Journal of Economics*. – 1966. – № 80. – P. 190–207.
168. Wang Z. Determinants of the Withdrawal of Foreign-invested Enterprises: Evidence from China [Electronic source]. – Windsor: University of Windsor, 2022. – 47 p. – URL: <https://uwindsor.scholaris.ca/server/api/core/bitstreams/0b1dee66-dea8-486d-90f4-58b145324154/content> (accessed: 01.09.2023).

169. Wilhelms S. K. S., Witter M. S. D. Foreign direct investment and its determinants in emerging economies. – Washington DC: United States Agency for International Development, Bureau for Africa, Office of Sustainable Development, 1998.
170. World Investment Report 2020. International Production beyond the pandemic. [Electronic source]. – UNCTAD, 2020. – 268 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (accessed: 01.11.2024)
171. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. [Electronic source]. – World Bank, 2009. – 410 p. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/58557d74-baf0-5f97-a255-00482909810a> (accessed: 01.11.2024)
172. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R., Mikhailov A. Entrepreneurship policy and SME development during pandemic crisis in Russia // Regional Research of Russia. – 2022. – Vol. 12. – № 3. – P. 321–334.
173. Zhan J. et al. The Impact of Foreign Divestment on Export Performance: Evidence from Foreign Firms in China // SSRN Electronic Journal. – 2023. – ID: 4675744.
174. Zhirikov V. Analysis of the sectoral structure of foreign direct investment between the Russian federation and the People’s Republic of China // BRICS Journal of Economics. – 2025. – Vol. 6. – № 3. – P. 31–45.

Приложение А

Косвенные оценки роли уходящих иностранных компаний в экономике регионов России

Таблица А.1. Косвенные оценки роли уходящих иностранных компаний в
экономике регионов России.

Субъекты РФ*	Доля организаций иностранной и совместной иностранной и российской собственности в регионе, %		Доля «недружественных» стран в накопленных ПИИ (без офшоров), %	Риск** ухода иностранных компаний, %	
	по численности персонала	по выручке		по численности персонала	по выручке
Липецкая область	14,9	54,6	91,2	13,6	49,8
Вологодская область	10,6	42,8	99,1	10,5	42,4
Новгородская область	8,0	33,3	99,8	7,9	33,2
Ямало-Ненецкий АО	6,5	34,5	91,3	5,9	31,5
Красноярский край	6,8	26,0	99,9	6,8	25,9
Республика Татарстан	8,4	31,2	72,9	6,1	22,8
Московская область	10,3	11,5	90,6	9,4	10,4
Чукотский АО	9,8		100,0	9,8	
Владимирская область	6,8	15,4	88,3	6,0	13,6
Кемеровская область	5,8	12,9	99,3	5,7	12,8
Республика Саха (Якутия)	2,3	16,1	98,8	2,3	15,9
Республика Коми	6,8	11,4	98,0	6,7	11,2
г. Москва	12,7	8,3	84,4	10,8	7,0
Саратовская область	5,5	12,1	99,5	5,4	12,1
Смоленская область	7,5	10,5	86,4	6,5	9,1
Свердловская область	7,2	8,0	98,9	7,1	7,9
Ленинградская область	10,7	4,3	92,7	10,0	4,0
Костромская область	6,6	6,7	96,7	6,3	6,5
Архангельская область (без АО)	6,5	6,3	99,3	6,5	6,2
г. Санкт-Петербург	8,5	4,0	98,4	8,3	3,9
Брянская область	2,9	12,1	76,5	2,2	9,2
Воронежская область	5,2	7,7	86,9	4,5	6,7
Тульская область	8,5	7,1	72,0	6,1	5,1
Орловская область	4,6	7,1	95,1	4,3	6,7
Приморский край	4,7	7,3	91,7	4,4	6,7
Республика Хакасия	5,9		93,6	5,5	
Рязанская область	4,0	11,7	66,0	2,7	7,7
Нижегородская область	6,1	4,7	90,9	5,6	4,2
Челябинская область	5,2	5,0	94,5	4,9	4,7
Ярославская область	5,8	11,9	52,2	3,0	6,2
Сахалинская область	7,4	3,0	87,9	6,5	2,7
Самарская область	8,8	2,5	79,1	7,0	2,0
Ивановская область	3,6	5,6	96,4	3,5	5,4
Пермский край	5,3	3,5	98,0	5,2	3,4

Ульяновская область	5,0	4,4	85,7	4,3	3,8
Ханты-Мансийский АО – Югра	5,3	2,7	99,1	5,3	2,7
Мурманская область	7,0	1,2	89,7	6,2	1,0
Тверская область	5,1	6,4	62,3	3,2	4,0
Ростовская область	4,1	5,6	69,6	2,9	3,9
Ненецкий АО	6,8	6,3	51,5	3,5	3,3
Пензенская область	3,9	2,9	99,5	3,9	2,8
Иркутская область	4,4	6,1	63,8	2,8	3,9
Псковская область	4,6		68,6	3,2	
Ставропольский край	2,8	4,8	81,7	2,3	4,0
Калужская область	8,8	1,3	57,6	5,1	0,8
Краснодарский край	4,9	4,7	60,2	3,0	2,8
Магаданская область	6,2		42,5	2,6	
Тамбовская область	2,7	3,9	79,1	2,1	3,1
Республика Карелия	4,6	1,4	83,0	3,8	1,2
Оренбургская область	3,5	2,5	80,1	2,8	2,0
Чувашская Республика	3,4	3,3	71,3	2,4	2,3
Тюменская область (без АО)	4,6	0,4	87,6	4,0	0,3
Курская область	2,6	2,5	83,5	2,1	2,1
Кировская область	4,4		46,4	2,0	
Хабаровский край	4,1	2,0	63,9	2,6	1,3
Республика Адыгея	5,0	8,4	25,9	1,3	2,2
Амурская область	11,8	14,1	13,2	1,6	1,9
Калининградская область	5,4	2,9	41,1	2,2	1,2
Республика Башкортостан	3,0	1,7	71,7	2,2	1,2
Волгоградская область	4,6	1,5	54,8	2,5	0,8
Белгородская область	2,6	0,5	93,1	2,4	0,5
Республика Мордовия	2,5		58,3	1,4	
Республика Бурятия	2,8	0,2	84,4	2,3	0,2
Курганская область	2,4	0,9	73,3	1,7	0,7
Новосибирская область	4,2	0,4	51,3	2,1	0,2
Республика Тыва	3,0		33,2	1,0	
Омская область	5,3	2,4	25,4	1,4	0,6
Республика Марий Эл	2,8	0,2	62,7	1,7	0,1
Камчатский край	1,1		70,0	0,8	
Республика Дагестан	0,4	1,1	74,4	0,3	0,8
Удмуртская Республика	1,9	3,5	18,2	0,3	0,6
Республика Алтай	2,0	1,9	23,9	0,5	0,4
Алтайский край	2,7	0,7	24,8	0,7	0,2
Астраханская область	3,0	0,3	20,6	0,6	0,1
Республика Калмыкия	1,2		27,7	0,3	
Забайкальский край	5,3	1,9	8,8	0,5	0,2
Республика Северная Осетия – Алания	1,0		23,3	0,2	
Кабардино-Балкарская Республика	0,8		29,4	0,2	
Республика Крым	3,4	5,4	4,9	0,2	0,3
Томская область	2,6	4,7	5,0	0,1	0,2

Карачаево-Черкесская Республика	0,5		31,3	0,2	
Еврейская АО	7,1		1,6	0,1	
г. Севастополь	0,8	0,2	18,3	0,1	0,0
Чеченская Республика	0,4		8,3	0,0	
Республика Ингушетия	0,4		5,3	0,0	
Российская Федерация	6,6	8,9	87,7	5,8	7,8

Примечания:

* По которым имелись данные на конец 2021 – начало 2022 г.;

** Риск рассчитан как произведение доли организаций иностранной и совместной российской и иностранной собственности в 2021 г. и доли «недружественных» стран в накопленных ПИИ на начало 2022 г. и характеризует долю потенциально ушедших иностранных компаний;

*** Заливку имеют значения выше среднероссийских.

Источник: составлено автором по данным Росстата и Банка России.

Приложение Б

Непосредственные оценки масштабов и долей иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности в отраслях экономики России на конец 2024 г.

Таблица Б.1. Непосредственные оценки масштабов и долей иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности в отраслях экономики России на конец 2024 г.

ОКВЭД	Среднесписочная численность персонала														Выручка																	
	Ликвидированные		Сменившие собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку**		Сохранившие иностранных собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку**		Ликвидированные до 2022 г.		Совместные предприятия и имевшие российскими собственниками до 2022 г.		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку**		Ликвидированные		Сменившие собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку**		Сохранившие иностранных собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку**		Ликвидированные до 2022 г.		Совместные предприятия и имевшие российских собственников до 2022 г.		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку**	
	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*
С. Обрабатывающие пр-ва	3	0,0	117	1,7	68	1,0	129	1,9	71	1,0	10	0,1	29	0,4	4	0,1	30	0,1	2261	4,5	1381	2,7	2406	4,8	1201	2,4	85	0,2	217	0,4	27	0,1
Г. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотр. ср-в...	11	0,2	46	0,8	30	0,5	146	2,6	85	1,5	4	0,1	1	0,0	1	0,0	213	0,3	1857	2,3	1345	1,7	5563	6,9	3748	4,7	25	0,0	84	0,1	83	0,1
Ж. Деят-ть в обл. информации и связи	5	0,5	28	2,5	7	0,7	26	2,3	26	2,3	1	0,1	1	0,1	1	0,1	32	0,7	340	7,5	49	1,1	221	4,9	217	4,8	4	0,1	12	0,3	6	0,1
И. Деят-ть гостиниц и предпр. обществ. питания	11	1,4	19	2,4	1	0,2	6	0,8	1	0,1	2	0,3	7	0,9	0	0,0	39	2,8	108	7,8	4	0,3	44	3,2	4	0,3	3	0,2	19	1,4	1	0,1
К. Деят-ть финансовая и страховая	10	1,0	13	1,3	12	1,2	35	3,5	35	3,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2		118		116		659		659		205		3		0	
М. Деят-ть профессиональная, научная и техническая	4	0,2	9	0,4	8	0,4	14	0,6	11	0,5	1	0,0	8	0,4	7	0,3	54	0,9	102	1,7	93	1,6	316	5,3	237	4,0	8	0,1	34	0,6	31	0,5
Н. Деят-ть административная...	0	0,0	5	0,4	5	0,4	3	0,2	3	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	12	0,7	12	0,7	27	1,6	26	1,5	1	0,1	1	0,0	1	0,0
Л. Деят-ть по операциям с недвижимым имуществом	0	0,0	5	0,3	4	0,3	6	0,4	5	0,4	0	0,0	1	0,1	0	0,0	0	0,0	133	4,2	130	4,0	56	1,7	54	1,7	3	0,1	7	0,2	0	0,0
В. Добыча полезных ископаемых	0	0,0	4	0,4	3	0,3	12	1,2	3	0,3	0	0,0	11	1,1	10	1,0	1	0,0	44	0,2	31	0,2	212	1,2	23	0,1	0	0,0	412	2,3	368	2,1
Д. Обесп. электрической энергией, газом и паром...	0	0,0	2	0,2	0	0,0	7	0,5	1	0,0	0	0,0	5	0,4	0	0,0	0	0,0	65	0,6	0	0,0	177	1,8	6	0,1	0	0,0	89	0,9	0	0,0

Н. Транспортировка и хранение	1	0,0	2	0,1	2	0,1	12	0,4	11	0,4	0	0,0	1	0,0	1	0,0	10	0,1	17	0,1	11	0,1	86	0,7	85	0,7	0	0,0	9	0,1	6	0,0
Ф. Строительство	0	0,0	1	0,0	1	0,0	3	0,1	3	0,1	1	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	14	0,2	14	0,2	95	1,1	85	1,0	3	0,0	1	0,0	1	0,0
А. Сельское, лесное хозяйство...	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3	0,2	2	0,1	0	0,0	1	0,1	0	0,0	3	0,1	6	0,2	6	0,2	21	0,6	13	0,4	0	0,0	7	0,2	1	0,0
Q. Деят-ть в обл. здравоохранения и социальных услуг	0	0,0	0	0,0	0	0,0	4	0,1	3	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	14	0,5	12	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0
S. Предост-е прочих видов услуг	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	0,6	2	0,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,1	1	0,2	0	0,0	4	1,2	4	1,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Е. Водоснабж.; водоотв., орг. сбора и утилиз. отходов...	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	0,1	0	0,1	0	0,0	1	0,2	1	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	4	0,3	4	0,3	0	0,0	2	0,2	2	0,1
Р. Образование	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	0,1	1	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Р. Деят-ть в области культуры, спорта...	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Всего по видам экономической деятельности	45	0,1	253	0,6	133	0,3	408	0,9	253	0,6	19	0,0	68	0,2	26	0,1	386	0,2	5078	2,5	3123	1,5	9906	4,8	6162	3,0	338	0,2	897	0,4	476	0,2

Примечания:

* доля в общепромышленной численности занятых / выручке;

** с дооценкой по компаниям с отсутствующими данными.

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

Приложение В

Непосредственные оценки масштабов и долей иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности в отраслях промышленности России на конец 2024 г.

Таблица В.1. Непосредственные оценки масштабов и долей иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности в отраслях промышленности России на конец 2024 г.

КВЭД	Среднесписочная численность персонала														Выручка																		
	Ликвидированные		Сменившие собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Сохранившие иностранных собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные до 2022 г.		Совместные предприятия и имевшие российские собственников до 2022 г.		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные		Сменившие собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Сохранившие иностранных собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные до 2022 г.		Совместные предприятия и имевшие российских собственников до 2022 г.		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		
	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.	%*	млрд руб.
29. Пр-во автотранспортных средств...	0	0,1	44	15,7	44	15,6	9	3,1	7	2,5	3	1,1	24	8,5	0	0,0	2	0,1	1172	41,6	1172	41,6	126	4,5	118	4,2	15	0,5	182	6,5	1	0,0	
10. Пр-во пищевых продуктов	0	0,0	16	1,6	7	0,7	38	3,8	14	1,4	3	0,3	1	0,1	1	0,1	0	0,0	235	3,9	97	1,6	832	13,9	300	5,0	33	0,5	11	0,2	11	0,2	
17. Пр-во бумаги и бумажных изделий	0	0,0	9	8,0	4	3,3	1	1,0	0	0,0	1	0,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	135	12,4	61	5,6	36	3,3	0	0,0	7	0,7	0	0,0	0	0,0	
23. Пр-во пр. неметалл. минер. прод.	0	0,0	8	1,9	3	0,6	9	2,3	4	0,9	1	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	64	3,7	17	1,0	138	8,0	36	2,1	10	0,6	0	0,0	0	0,0	
22. Пр-во резиновых и пластмассовых изд.	2	0,6	7	2,9	7	2,8	4	1,7	4	1,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	10	0,8	81	6,4	77	6,0	50	3,9	25	2,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
24. Пр-во металлургическое	0	0,0	6	1,3	6	1,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	60	0,8	60	0,8	1	0,0	1	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
11. Пр-во напитков	0	0,0	6	4,8	0	0,1	13	10,6	0	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	118	13,3	8	0,9	265	29,7	1	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
28. Пр-во машин и оборудования, не вкл. в др. групп.	0	0,1	5	1,2	5	1,2	7	1,7	6	1,5	0	0,0	0	0,1	0	0,1	4	0,3	83	5,5	82	5,5	108	7,2	105	7,0	2	0,1	5	0,3	5	0,3	
16. Обработка древесины и пр-во изд. из дерева...	0	0,0	4	1,9	3	1,7	2	1,1	2	0,9	0	0,0	3	1,2	3	1,2	0	0,0	80	11,0	63	8,7	48	6,6	41	5,6	0	0,0	11	1,6	11	1,6	
20. Пр-во хим. веществ и хим. прод.	0	0,1	3	0,8	3	0,7	7	1,9	5	1,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	0,0	107	3,2	99	3,0	137	4,1	88	2,7	0	0,0	1	0,0	0	0,0	
31. Пр-во мебели	0	0,0	3	2,3	3	2,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	8	2,8	8	2,8	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	

09. Предост-е услуг в обл. добычи полезн. ископ.	0	0,0	3	0,8	3	0,8	10	3,0	2	0,7	0	0,0	0	0,1	0	0,1	1	0,0	33	1,6	22	1,0	75	3,5	23	1,1	0	0,0	66	3,1	66	3,1
35. Обеспечение эл. энергией, газом и паром...	0	0,0	2	0,2	0	0,0	7	0,5	1	0,0	0	0,0	5	0,4	0	0,0	0	0,0	65	0,6	0	0,0	177	1,8	6	0,1	0	0,0	89	0,9	0	0,0
27. Пр-во электрического оборудования	0	0,1	2	0,9	2	0,8	11	4,3	10	4,2	1	0,3	0	0,1	0	0,0	2	0,2	10	0,8	5	0,4	164	14,1	161	13,9	7	0,6	2	0,1	0	0,0
12. Пр-во табачных изделий	0		2		0		6		0		0		0		0	0,0	45	17,1	0	0,0	172	65,2	0	0,0	9	3,3	0	0,0	0	0,0		
25. Пр-во готовых металлических изделий...	0	0,0	1	0,2	1	0,1	2	0,3	1	0,2	0	0,1	0	0,0	0	0,0	8	0,3	38	1,4	7	0,3	30	1,1	11	0,4	3	0,1	3	0,1	3	0,1
06. Добыча нефти и природного газа	0	0,0	1	0,3	1	0,3	2	1,1	0	0,0	0	0,0	7	3,2	7	3,0	0	0,0	9	0,1	9	0,1	136	1,1	0	0,0	0	0,0	334	2,8	264	2,2
08. Добыча прочих полезных ископаемых	0	0,0	0	0,3	0	0,0	0	0,3	0	0,3	0	0,0	0	0,2	0	0,2	0	0,0	2	0,3	0	0,0	2	0,3	2	0,3	0	0,0	1	0,1	1	0,1
33. Ремонт и монтаж машин и оборудования	0	0,0	0	0,1	0	0,0	3	0,7	2	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	0,1	7	0,7	4	0,4	38	3,7	24	2,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0
26. Пр-во компьютеров, электрон. и оптич. изд.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	4	1,1	1	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	0,2	2	0,1	2	0,1	91	6,1	13	0,9	0	0,0	1	0,1	0	0,0
30. Пр-во прочих трансп. средств и оборуд.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,1	0	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	0,1	0	0,0	6	0,3	6	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0
18. Деятельность полиграфическая...	0	0,0	0	0,1	0	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	0,4	1	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
19. Пр-во кокса и нефтепродуктов	0	0,0	0	0,1	0	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	14	0,1	14	0,1	1	0,0	1	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
05. Добыча угля	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3	2,1	3	2,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	9	0,6	9	0,6
07. Добыча металлических руд	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	0,1	0	0,0
13. Пр-во текстильных изделий	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	1,9	2	1,9	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,1	0	0,0	0	0,0	27	10,3	27	10,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0
14. Пр-во одежды	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
21. Пр-во лекарственных средств...	0	0,0	0	0,0	0	0,0	9	10,3	4	4,4	0	0,0	0	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	123	15,3	34	4,2	0	0,0	1	0,1	0	0,0
32. Пр-во прочих готовых изделий	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	0,8	1	0,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	13	5,2	12	5,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
36. Забор, очистка и распределение воды	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
37. Сбор и обработка сточных вод	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
38. Сбор, обработка и утилизация отходов...	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	0,4	0	0,3	0	0,0	1	0,6	1	0,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	4	0,5	4	0,5	0	0,0	2	0,3	2	0,2
Всего по отраслям промышленности	3	0,0	124	1,3	70	0,7	149	1,5	73	0,7	10	0,1	47	0,5	15	0,2	31	0,0	2370	3,0	1377	1,7	2799	3,5	1212	1,5	86	0,1	721	0,9	314	0,4

Примечания:

* доля в общеотраслевой численности занятых / выручке;

** с дооценкой по компаниям с отсутствующими данными.

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

Приложение Г

Непосредственные оценки масштабов и долей всех иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности в экономике регионов России на конец 2024 г.

Таблица Г.1. Непосредственные оценки масштабов и долей всех иностранных компаний различных статусов ограничения деятельности в экономике регионов России на конец 2024 г.

Регион	Среднесписочная численность персонала														Выручка																		
	Ликвидированные		Сменившие собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Сохранившие иностранных собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные до 2022 г.		Совместные предприятия и имевшие российских собственников до 2022 г.		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные		Сменившие собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Сохранившие иностранных собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные до 2022 г.		Совместные предприятия и имевшие российских собственников до 2022 г.		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		
	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.
г. Москва	27000	0,5	116828	2,4	59593	1,2	237303	4,8	158307	3,2	1929	0,0	16948	0,3	8197	0,2	150330	0,3	2203601	4,4	1400261	2,8	6506338	13,0	4343208	8,7	220531	0,4	80171	0,2	40947	0,1	
г. Санкт-Петербург	7296	0,3	29916	1,4	10737	0,5	19631	0,9	14924	0,7	4207	0,2	5863	0,3	4921	0,2	31526	0,2	584485	4,0	319490	2,2	292460	2,0	210411	1,4	19938	0,1	148455	1,0	147482	1,0	
Самарская обл.	521	0,1	25987	2,6	15975	1,6	7639	0,7	7351	0,7	3005	0,3	344	0,0	239	0,0	2193	0,1	346758	9,7	215676	6,0	44368	1,2	42252	1,2	15285	0,4	931	0,0	611	0,0	
Московская обл.	5195	0,2	23115	1,0	15115	0,7	60948	2,7	26392	1,2	4659	0,2	260	0,0	256	0,0	121864	0,9	927271	6,7	571202	4,2	1667290	12,1	884313	6,4	48224	0,4	4679	0,0	4679	0,0	
Ленинградская обл.	234	0,0	11936	2,3	9931	1,9	8270	1,6	5952	1,1	599	0,1	903	0,2	903	0,2	9581	0,3	191548	6,9	172213	6,2	220155	8,0	147879	5,4	7149	0,3	7553	0,3	7553	0,3	
Калужская обл.	1540	0,5	5826	1,8	5068	1,6	7693	2,4	7379	2,3	0	0,0	506	0,2	0	0,0	9644	0,6	335253	22,3	326522	21,7	176160	11,7	158904	10,6	90	0,0	1578	0,1	0	0,0	
Респ. Коми	106	0,0	4706	1,5	0	0,0	126	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	204	0,0	66617	5,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
Респ. Татарстан	1985	0,2	4368	0,3	4136	0,3	740	0,1	369	0,0	916	0,1	23975	1,9	0	0,0	45197	0,7	53905	0,8	48757	0,7	18274	0,3	10303	0,2	7231	0,1	180939	2,7	0	0,0	
Воронежская обл.	0	0,0	3621	0,5	3002	0,4	441	0,1	394	0,1	0	0,0	379	0,1	379	0,1	0	0,0	18034	0,8	11759	0,5	7164	0,3	7034	0,3	0	0,0	3695	0,2	3695	0,2	
Ростовская обл.	10	0,0	3204	0,3	578	0,1	751	0,1	751	0,1	0	0,0	84	0,0	84	0,0	147	0,0	11387	0,3	8556	0,2	17431	0,4	17431	0,4	0	0,0	314	0,0	314	0,0	
Свердловская обл.	22	0,0	2881	0,2	438	0,0	1624	0,1	1376	0,1	2	0,0	312	0,0	180	0,0	276	0,0	70997	1,1	5888	0,1	33025	0,5	32545	0,5	6	0,0	3887	0,1	935	0,0	
Калининградская обл.	21	0,0	2786	0,9	342	0,1	166	0,1	40	0,0	0	0,0	3	0,0	3	0,0	36	0,0	14646	1,1	1372	0,1	687	0,0	64	0,0	0	0,0	21	0,0	21	0,0	
Саратовская обл.	25	0,0	1967	0,3	0	0,0	499	0,1	21	0,0	1	0,0	0	0,0	0	0,0	136	0,0	14987	1,1	0	0,0	5850	0,4	854	0,1	2	0,0	0	0,0	0	0,0	
Респ. Марий Эл	0	0,0	1899	1,1	1899	1,1	53	0,0	29	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3551	0,9	3551	0,9	511	0,1	275	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
Новгородская обл.	5	0,0	1587	0,8	1515	0,8	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	103	0,0	18159	3,4	17056	3,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	

Чувашская Респ.	0	0,0	1443	0,5	0	0,0	34	0,0	34	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3408	0,5	0	0,0	1081	0,2	1081	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Ульяновская обл.	263	0,1	982	0,3	982	0,3	655	0,2	650	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3971	0,5	18856	2,2	18856	2,2	3820	0,4	3820	0,4	0	0,0	0	0,0
Липецкая обл.	56	0,0	847	0,2	281	0,1	4554	1,3	2588	0,7	0	0,0	127	0,0	127	0,0	949	0,1	11355	0,8	4065	0,3	34377	2,3	18884	1,3	0	0,0	381	0,0
Нижегородская обл.	44	0,0	800	0,1	710	0,1	9318	0,8	6583	0,6	136	0,0	546	0,0	545	0,0	311	0,0	3745	0,1	3057	0,1	70508	1,7	59040	1,4	543	0,0	1395	0,0
Приморский кр.	8	0,0	752	0,1	752	0,1	551	0,1	551	0,1	81	0,0	2299	0,4	2299	0,4	0	0,0	63252	3,0	63252	3,0	12967	0,6	12967	0,6	748	0,0	9463	0,4
Кировская обл.	0	0,0	723	0,2	723	0,2	1430	0,4	1430	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1816	0,2	1816	0,2	3133	0,4	3133	0,4	0	0,0	0	0,0
Вологодская обл.	0	0,0	638	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2416	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Томская обл.	0	0,0	528	0,2	528	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	6003	0,6	6003	0,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Иркутская обл.	0	0,0	515	0,1	515	0,1	280	0,0	0	0,0	37	0,0	10	0,0	0	0,0	0	0,0	2391	0,1	2391	0,1	5873	0,2	0	0,0	369	0,0	1310	0,0
Ярославская обл.	59	0,0	480	0,1	290	0,1	358	0,1	302	0,1	1	0,0	0	0,0	0	0,0	124	0,0	5263	0,4	2395	0,2	8972	0,7	8859	0,7	0	0,0	0	0,0
Респ. Карелия	9	0,0	448	0,2	130	0,1	1043	0,6	1034	0,6	0	0,0	240	0,1	240	0,1	162	0,0	4955	0,9	2841	0,5	1241	0,2	1184	0,2	0	0,0	1929	0,3
Омская обл.	0	0,0	386	0,1	386	0,1	95	0,0	95	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	247	0,0	247	0,0	268	0,0	268	0,0	0	0,0	0	0,0
Волгоградская обл.	0	0,0	378	0,1	2	0,0	1104	0,2	1104	0,2	145	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	10467	0,5	102	0,0	7814	0,4	7814	0,4	3353	0,2	0	0,0
Респ. Башкортостан	0	0,0	368	0,0	17	0,0	820	0,1	0	0,0	0	0,0	3	0,0	3	0,0	0	0,0	18272	0,5	2174	0,1	4299	0,1	0	0,0	0	0,0	920	0,0
Брянская обл.	0	0,0	360	0,1	264	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3464	0,4	2791	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Тверская обл.	103	0,0	350	0,1	350	0,1	301	0,1	301	0,1	70	0,0	5	0,0	0	0,0	1901	0,2	13748	1,4	13748	1,4	15090	1,5	15090	1,5	1973	0,2	48	0,0
Челябинская обл.	0	0,0	333	0,0	333	0,0	1567	0,2	1303	0,1	0	0,0	32	0,0	32	0,0	0	0,0	6145	0,2	6145	0,2	11090	0,3	8520	0,2	0	0,0	62	0,0
Оренбургская обл.	0	0,0	328	0,1	328	0,1	383	0,1	229	0,0	0	0,0	5	0,0	5	0,0	0	0,0	18892	1,0	18892	1,0	5032	0,3	4280	0,2	0	0,0	260	0,0
Тюменская обл.	0	0,0	309	0,1	309	0,1	2595	0,6	244	0,1	132	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	10371	0,4	10371	0,4	40700	1,5	3580	0,1	294	0,0	0	0,0
Респ. Адыгея	0	0,0	203	0,2	203	0,2	90	0,1	90	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1143	0,5	1143	0,5	1778	0,7	1778	0,7	0	0,0	0	0,0
Ставропольский кр.	0	0,0	199	0,0	141	0,0	93	0,0	93	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1388	0,1	281	0,0	435	0,0	435	0,0	0	0,0	0	0,0
Ивановская обл.	40	0,0	191	0,1	191	0,1	381	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	111	0,0	436	0,1	436	0,1	6817	1,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Краснодарский кр.	298	0,0	159	0,0	0	0,0	5487	0,4	3016	0,2	560	0,0	570	0,0	522	0,0	2907	0,1	656	0,0	0	0,0	60491	1,1	25098	0,4	8904	0,2	20188	0,4
Костромская обл.	0	0,0	101	0,1	101	0,1	1014	0,6	1014	0,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	172	0,0	172	0,0	18906	4,6	18906	4,6	0	0,0	0	0,0
Курганская обл.	0	0,0	82	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	29	0,0	0	0,0	0	0,0	70	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	324	0,1
Кемеровская обл.	4	0,0	71	0,0	71	0,0	613	0,1	601	0,1	55	0,0	2972	0,4	2972	0,4	78	0,0	1425	0,0	1425	0,0	8202	0,2	7041	0,2	688	0,0	9317	0,3
Красноярский кр.	0	0,0	60	0,0	60	0,0	337	0,0	99	0,0	0	0,0	1	0,0	0	0,0	0	0,0	5645	0,1	5645	0,1	2605	0,1	413	0,0	0	0,0	0	0,0
ХМАО-Югра	1	0,0	31	0,0	0	0,0	4828	0,6	0	0,0	0	0,0	35	0,0	0	0,0	0	0,0	243	0,0	0	0,0	90581	1,5	0	0,0	215	0,0	227	0,0
Тамбовская обл.	0	0,0	13	0,0	13	0,0	457	0,2	0	0,0	0	0,0	1331	0,5	0	0,0	0	0,0	70	0,0	70	0,0	2482	0,3	0	0,0	0	0,0	6493	0,9
Тульская обл.	39	0,0	9	0,0	9	0,0	5556	1,3	5086	1,2	0	0,0	30	0,0	6	0,0	226	0,0	13	0,0	13	0,0	141387	8,8	134360	8,4	0	0,0	90	0,0
Новосибирская обл.	273	0,0	3	0,0	3	0,0	304	0,0	279	0,0	1	0,0	255	0,0	255	0,0	967	0,0	1	0,0	1	0,0	2784	0,1	2627	0,1	0	0,0	720	0,0

Мурманская обл.	1	0,0	2	0,0	0	0,0	51	0,0	51	0,0	3	0,0	21	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1902	0,2	1902	0,2	9	0,0	411	0,0	0	0,0
Алтайский кр.	0	0,0	1	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	4	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Амурская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	302	0,1	0	0,0	0	0,0	83	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1261	0,2	0	0,0	0	0,0	2	0,0	0	0,0
Астраханская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	354	0,2	354	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3013	0,4	3013	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Белгородская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	21	0,0	0	0,0	3	0,0	2	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	468	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Владимирская обл.	115	0,0	0	0,0	0	0,0	4064	1,0	26	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1027	0,1	0	0,0	0	0,0	112250	9,4	633	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Еврейская АО	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Кабардино-Балкарская Респ.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	14	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	28	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Камчатский кр.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	476	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2169	0,6	0	0,0
Курская обл.	31	0,0	0	0,0	0	0,0	135	0,0	135	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	769	0,1	0	0,0	0	0,0	1331	0,1	1331	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Орловская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1524	0,7	1414	0,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	15384	3,2	12142	2,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Пензенская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2331	0,7	79	0,0	93	0,0	164	0,0	97	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	11024	1,3	694	0,1	454	0,1	2826	0,3	1521	0,2
Пермский кр.	143	0,0	0	0,0	0	0,0	1342	0,2	909	0,1	1	0,0	2	0,0	0	0,0	451	0,0	0	0,0	0	0,0	16160	0,5	8598	0,3	0	0,0	90	0,0	0	0,0
Псковская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	10	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	260	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Респ. Бурятия	0	0,0	0	0,0	0	0,0	43	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	96	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Респ. Ингушетия	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Респ. Крым	0	0,0	0	0,0	0	0,0	15	0,0	15	0,0	0	0,0	201	0,0	201	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	9	0,0	9	0,0	0	0,0	389	0,1	389	0,1
Респ. Мордовия	0	0,0	0	0,0	0	0,0	312	0,1	176	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	988	0,2	655	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Рязанская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	361	0,1	335	0,1	0	0,0	165	0,1	165	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3897	0,4	3682	0,4	0	0,0	3095	0,3	3095	0,3
Сахалинская обл.	3	0,0	0	0,0	0	0,0	3618	2,0	570	0,3	2002	1,1	915	0,5	914	0,5	855	0,1	0	0,0	0	0,0	26495	1,8	7151	0,5	2348	0,2	4825	0,3	4825	0,3
Смоленская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	781	0,3	781	0,3	0	0,0	95	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	18117	2,2	18117	2,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Удмуртская Респ.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2361	0,5	0	0,0	3	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	135596	11,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Хабаровский кр.	1	0,0	0	0,0	0	0,0	159	0,0	158	0,0	2	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	5391	0,3	5377	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0
ЯНАО	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3	0,0	7642	2,3	7173	2,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	398336	9,4	359513	8,5
Итого по экономике	45451	0,1	252721	0,6	132938	0,3	407930	0,9	252994	0,6	18646	0,0	67830	0,2	25801	0,1	386047	0,2	5077533	2,5	3123096	1,5	9906150	4,8	6161990	3,0	338353	0,2	897492	0,4	475991	0,2

Примечания:

* доля в общерегиональной численности занятых / выручке;

** с дооценкой по компаниям с отсутствующими данными.

Источник: рассчитано автором по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

Приложение Д

Непосредственные оценки масштабов и долей иностранных промышленных компаний различных статусов ограничения деятельности в промышленности регионов России на конец 2024 г.

Таблица Д.1. Непосредственные оценки масштабов и долей иностранных промышленных компаний различных статусов ограничения деятельности в промышленности регионов России на конец 2024 г.

Регион	Среднесписочная численность персонала														Выручка																		
	Ликвидированные		Сменившие собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Сохранившие иностранных собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные до 2022 г.		Совместные предприятия и имевшие российских собственников до 2022 г.		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные		Сменившие собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Сохранившие иностранных собственников		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		Ликвидированные до 2022 г.		Совместные предприятия и имевшие российских собственников до 2022 г.		в т.ч. сократившие занятость и/или выручку **		
	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.
Самарская обл.	0	0,0	25900	9,3	16645	6,0	6071	2,2	5823	2,1	3004	1,1	343	0,1	238	0,1	0	0,0	346542	18,4	217508	11,5	30903	1,6	28391	1,5	14995	0,8	931	0,0	611	0,0	
г. Санкт-Петербург	85	0,0	18907	5,1	5778	1,6	8571	2,3	7974	2,2	236	0,1	5296	1,4	5296	1,4	561	0,0	492137	11,9	277706	6,7	137898	3,3	125060	3,0	2796	0,1	88839	2,1	88839	2,1	
г. Москва	79	0,0	17166	3,5	12239	2,5	29313	6,1	9427	1,9	13	0,0	199	0,0	129	0,0	2197	0,0	454886	3,6	304290	2,4	638653	5,1	203400	1,6	36	0,0	2656	0,0	1642	0,0	
Ленинградская обл.	232	0,2	11362	7,7	9352	6,3	7379	5,0	6090	4,1	599	0,4	903	0,6	903	0,6	9449	0,6	130360	8,4	110530	7,1	195274	12,5	188088	12,1	7149	0,5	7553	0,5	7553	0,5	
Московская обл.	1	0,0	9056	1,7	6718	1,3	33202	6,3	10901	2,1	3913	0,7	224	0,0	217	0,0	0	0,0	167147	3,9	105840	2,5	736230	17,2	214282	5,0	38809	0,9	4353	0,1	4353	0,1	
Калужская обл.	1540	1,4	5795	5,2	5240	4,7	7576	6,8	7265	6,5	0	0,0	504	0,5	0	0,0	9644	0,9	334879	32,1	330441	31,7	171514	16,4	154089	14,8	0	0,0	1576	0,2	0	0,0	
Респ. Коми	0	0,0	4706	7,1	0	0,0	126	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	66617	9,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
Респ. Татарстан	42	0,0	4224	1,3	4074	1,2	728	0,2	358	0,1	832	0,2	23975	7,2	0	0,0	451	0,0	52939	1,5	47371	1,4	17739	0,5	9768	0,3	6869	0,2	180939	5,2	0	0,0	
Воронежская обл.	0	0,0	3226	2,3	3001	2,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	379	0,3	379	0,3	0	0,0	16264	2,1	11585	1,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3695	0,5	3695	0,5	
Ростовская обл.	2	0,0	3019	1,3	3019	1,3	75	0,0	75	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	11015	0,8	11015	0,8	3603	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
Свердловская обл.	16	0,0	2715	0,7	272	0,1	858	0,2	858	0,2	0	0,0	180	0,0	180	0,0	169	0,0	68084	2,3	2975	0,1	14644	0,5	14644	0,5	0	0,0	935	0,0	935	0,0	
Калининградская обл.	0	0,0	2444	3,8	0	0,0	104	0,2	36	0,1	0	0,0	1	0,0	0	0,0	0	0,0	13274	1,8	0	0,0	252	0,0	64	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
Саратовская обл.	1	0,0	1967	1,3	0	0,0	499	0,3	21	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	7	0,0	14987	2,2	0	0,0	5850	0,8	854	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
Респ. Марий Эл	0	0,0	1899	3,4	1899	3,4	24	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3551	2,1	3551	2,1	236	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	
Новгородская обл.	0	0,0	1578	2,8	1506	2,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	17647	5,9	16544	5,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	

Чувашская Респ.	0	0,0	1443	1,7	0	0,0	34	0,0	34	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3408	1,1	0	0,0	1081	0,4	1081	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Ульяновская обл.	263	0,3	982	1,0	982	1,0	654	0,7	654	0,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3971	1,0	18856	4,5	18856	4,5	3820	0,9	3820	0,9	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Липецкая обл.	56	0,1	754	0,8	181	0,2	2924	3,2	1505	1,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	949	0,1	9521	1,0	2191	0,2	23019	2,5	11812	1,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Кировская обл.	0	0,0	723	0,7	723	0,7	1430	1,4	1430	1,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1816	0,5	1816	0,5	3133	0,8	3133	0,8	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Томская обл.	0	0,0	528	0,8	528	0,8	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	6003	1,4	6003	1,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Иркутская обл.	0	0,0	515	0,3	515	0,3	280	0,2	0	0,0	0	0,0	10	0,0	0	0,0	0	0,0	2391	0,2	2391	0,2	5873	0,4	0	0,0	0	0,0	1310	0,1	0	0,0	0	0,0
Ярославская обл.	0	0,0	480	0,4	290	0,3	296	0,3	296	0,3	1	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	5263	1,0	2395	0,4	8211	1,5	8211	1,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Респ. Карелия	4	0,0	448	1,1	130	0,3	1034	2,6	1034	2,6	0	0,0	240	0,6	240	0,6	113	0,0	4955	1,7	2841	1,0	1184	0,4	1184	0,4	0	0,0	1929	0,7	1929	0,7	0	0,0
Нижегородская обл.	0	0,0	438	0,1	336	0,1	8406	2,8	5488	1,8	54	0,0	546	0,2	545	0,2	0	0,0	2599	0,2	1876	0,1	66444	4,0	54478	3,3	101	0,0	1395	0,1	1354	0,1	0	0,0
Приморский кр.	8	0,0	376	0,4	0	0,0	211	0,2	211	0,2	0	0,0	2277	2,1	2277	2,1	0	0,0	42411	9,6	0	0,0	4172	0,9	4172	0,9	0	0,0	9389	2,1	9389	2,1	0	0,0
Волгоградская обл.	0	0,0	376	0,3	0	0,0	1104	0,9	1104	0,9	145	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	10365	1,0	0	0,0	7814	0,8	7814	0,8	3353	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Респ. Башкортостан	0	0,0	351	0,1	0	0,0	808	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	16097	0,8	0	0,0	3607	0,2	0	0,0	0	0,0	896	0,0	0	0,0	0	0,0
Тверская обл.	103	0,1	350	0,3	350	0,3	301	0,3	301	0,3	70	0,1	5	0,0	0	0,0	1901	0,4	13748	2,6	13748	2,6	15090	2,9	15090	2,9	1973	0,4	48	0,0	0	0,0	0	0,0
Челябинская обл.	0	0,0	333	0,1	333	0,1	1381	0,4	1116	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	6145	0,3	6145	0,3	10435	0,5	7865	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Оренбургская обл.	0	0,0	318	0,2	318	0,2	379	0,3	225	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	18723	1,6	18723	1,6	4963	0,4	4209	0,4	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Брянская обл.	0	0,0	293	0,4	198	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2543	0,9	1871	0,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Респ. Адыгея	0	0,0	203	1,3	203	1,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1143	1,8	1143	1,8	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Ставропольский кр.	0	0,0	199	0,2	141	0,1	8	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1388	0,3	281	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Ивановская обл.	0	0,0	191	0,3	191	0,3	381	0,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	436	0,2	436	0,2	6817	2,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Тюменская обл.	0	0,0	72	0,1	72	0,1	2571	3,3	217	0,3	132	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	4725	0,4	4725	0,4	40519	3,5	3373	0,3	294	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Красноярский кр.	0	0,0	60	0,0	60	0,0	159	0,1	0	0,0	0	0,0	1	0,0	0	0,0	0	0,0	5645	0,2	5645	0,2	2083	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Вологодская обл.	0	0,0	54	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	211	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Кемеровская обл.	0	0,0	49	0,0	49	0,0	473	0,2	461	0,2	0	0,0	2972	1,2	2972	1,2	0	0,0	1186	0,1	1186	0,1	5736	0,3	4575	0,2	0	0,0	9317	0,5	9317	0,5	0	0,0
ХМАО-Югра	1	0,0	31	0,0	0	0,0	4828	1,7	0	0,0	0	0,0	35	0,0	0	0,0	0	0,0	243	0,0	0	0,0	90572	1,9	0	0,0	215	0,0	227	0,0	0	0,0	0	0,0
Тульская обл.	31	0,0	8	0,0	8	0,0	5555	3,8	5086	3,5	0	0,0	24	0,0	0	0,0	53	0,0	13	0,0	13	0,0	141386	13,7	134360	13,0	0	0,0	80	0,0	0	0,0	0	0,0
Новосибирская обл.	270	0,2	3	0,0	3	0,0	24	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	967	0,1	1	0,0	1	0,0	157	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Мурманская обл.	1	0,0	2	0,0	0	0,0	46	0,1	46	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1346	0,2	1346	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Омская обл.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Алтайский кр.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Еврейская АО	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Кабардино-	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0

